25 ЛЕТ РФФИ

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

2017/4 (89)

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (89) октябрь – декабрь 2017 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников, П.Г. Гайдуков, А.А. Демидов, М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, Н.И. Пикуров, Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15
E-mail: rovir@rfbr.ru

© Российский фонд фундаментальных исследований, 2017.

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (89) October – December 2017

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate ПИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution
"Russian Foundation for Basic Research"

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov, P.G. Gaidukov, A.A. Demidov, M.V. Ivanova, G.B. Kleyner, N.I. Pikurov, N.L. Selivanova, D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15
E-mail: rovir@rfbr.ru

© Российский фонд фундаментальных исследований, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Полонский В.В., Введенская В.М., Глухова Е.В., Козьменко М.В.
Русская революция 1917 года в литературных источниках 9

Суржикова Н.В.
Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах 25

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коваль В.Ю., Панова Т.Д., Кренке Н.А., Дубровин Г.Е., Алёшинская А.С., Карпухин А.А.
Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований 35

Фурсова Е.Ф.
Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика и направления развития традиционной культуры в первой трети XX века 49

ЭКОНОМИКА

Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е.
Тенденции и перспективы социодемографической динамики стран БРИКС 59

Саямов Ю.Н.
Международные отношения в контексте глобальных процессов 73

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Гаман-Голутвина О.В., Гордеева О.И., Рогожина К.А., Петрова М.Г.
Методы политико-компаративных исследований 86

Васильева Ю.В., Шуралева С.В.
Дистанционная работа в России: проблемы правового регулирования 96

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кукушкина Е.Д.
Комедии А.П. Сумарокова «Чудовищи» и «Приданое обманом»: редакции текстов 108

Перфильева И.Ю.
Художественные украшения второй половины XX – начала XXI века в контекстуальном ландшафте фигуры человека 118

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Харламенкова Н.Е.
Антропогенные и природные угрозы безопасности человека: психологический аспект 128

Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.
Особенности коллективных чувств к значимым социальным явлениям у студентов регионального вуза 141

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С.
Современные этнополитические проекты (по материалам Уральской этноэкспедиции) 149

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Петров Ю.А., Журавлёв С.В., Павлов Д.Б.
Международная научная конференция «Великая российская революция: сто лет изучения» (Москва, 9–10 октября 2017 г.) 157

Исупов В.А., Семёнов М.А.
Международный научный семинар «Исторические и современные тренды смертности и заболеваемости» (Новосибирск, 19–21 июля 2017 г.) 165

Кабанова И.Э.
Международная научная конференция «Русская интеллигенция и революция в литературе XX века. К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина» (Саратов, 10–12 октября 2017 г.) 168

Осипова Е.П., Чернышёва М.И.
Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание. К 205-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского» (Рязань, 21–23 сентября 2017 г.) 174

Аликина Е.В., Наугольных А.Ю.
IX Международная научная конференция «Индустрия перевода» (Пермь, 5–7 июня 2017 г.) 179

Хватова С.И.
II Международная научная конференция «Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире» (Майкоп, 26–30 сентября 2017 г.) 183

МИР КНИГИ РФФИ

Гончаров С.А.
Революция 1917 г. в книжной серии «Русский путь: pro et contra» 187

Казанский М.М., Мастыкова А.В.
Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. Н.А. Макарова. М.: Ин-т археологии РАН; Индрик, 2016. — 500 с.: ил. 192

Прохоров Ю.Е.
Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — 872 с. 196

Богдан В.Т.
Савинова Е.А. Альберт Бенуа великий представитель художественной династии. М.: БуксМарт, 2016. — 365 с.: ил. 200

Перечень статей, опубликованных в журнале «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» в 2017 г. 203

CONTENTS

FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Polonskiy V.V., Vvedenskaya V.M., Glukhova E.V., Kozmenko M.V.
Russian Revolution of 1917 in literary sources 9

Surzhikova N.V.
Russia of 1917 in national and foreign ego-documents 25

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Koval V.Yu., Panova T.D., Krenke N.A., Dubrovin G.E., Aleshinskaya A.S., Karpukhin A.A.
Podol (low part) of Moscow Kremlin on materials of archaeological research 35

Fursova E.F.
South Russian immigrants of Siberia: ethno-cultural specifics and trends in the development of the traditional culture in the first third of the twentieth century 49

ECONOMICS

Yakovets Yu.V., Rastvortsev E.E.
Trends and Prospects of the Socio-Demographic Dynamics of BRICS countries 59

Sayamov Yu.N.
International Relations in the Context of Global Processes 73

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCEM

Gaman-Golutvina O.V., Gordeeva O.I., Rogozhina K.A., Petrova M.G.
Methods of political and comparative research 86

Vasilyeva Yu.V., Shuraleva S.V.
Remote Work In Russia: Issues Of Legal Regulation 96

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Kukushkina E.D.
A.P. Sumarokov's Comedies "Tchudovistchi" and "Pridanoje Obmanom": Text Editions 108

Perfilyeva I.Yu.
Jewelry artworks of the late 20th – early 21st centuries in the context of a human being 118

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Kharlamenkova N.E.
Anthropogenic and natural threats to human safety: psychological aspect 128

Emelyanova T.P., Drobysheva T.V.
Features of collective feelings for significant social phenomena among students of the regional university 141

FIELD RESEARCH

Golovnev A.V., Perevalova E.V., Belorusova S.Yu., Kisser T.S.
Modern ethnopolitical projects (based on the materials of the Ural ethnic expedition) 149

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Petrov Yu.A., Zhuravlev S.V., Pavlov D.B.
International scientific conference "The Great Russian Revolution: One Hundred Years of Research" (Moscow, October 9–10, 2017) 157

Isupov V.A., Semenov M.A.
International scientific seminar "Historical and modern trends of mortality and morbidity" (Novosibirsk, July 19–21, 2017) 165

Kabanova I.E.
International scientific conference "The Russian intelligentsia and the revolution in the 20th century's literature. To the 100th anniversary of the 1917 revolution. To the 125th anniversary since K.A. Fedin's birth" (Saratov, October 10–12, 2017) 168

Osipova E.P., Chernysheva M.I.
International workshop "I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics. To the 205th anniversary since the birth of academician I.I. Sreznevsky" (Ryazan, September 21–23, 2017) 174

Alikina E.V., Naugolny A.Yu.
The 9th international scientific conference "Translation and interpreting industry" (Perm, June 5–7, 2017) 179

Khvatova S.I.
The 2nd international scientific conference "Liturgical practices and religious art in the modern world" (Maykop, September 26–30, 2017) 183

THE RFBR BOOK WORLD

Goncharov S.A.
Revolution of 1917 in the book series "Russian way: pro et contra" 187

Kazansky M.M., Mastykova A.V.
Belyaev L.A. Byzantine Jericho: excavations after one century. Materials of the Russian-Palestinian archaeological expedition in 2010–2013. Editor: N.A. Makarov. M.: Institute of Archeology of RAS; Indrik, 2016. — 500 p.: ill. 192

Prokhorov Yu. E.
Language and society: Encyclopedia / Editor-in-Chief V.Yu. Mikhalchenko. M.: Information Center Azbukovnik, 2016. — 872 p. 196

Bogdan V.T.
Savinova E.A. Albert Benoit is a great representative of a dynasty of artists. Moscow: BuksMart, 2016. — 365 p.: ill. 200

List of articles published in the journal "Vestnik of RFBR. Humanities and Social Sciences" in 2017 203

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

УДК 82
ГРНТИ 17.01, 17.09, 17.82

В.В. ПОЛОНСКИЙ, В.М. ВВЕДЕНСКАЯ, Е.В. ГЛУХОВА, М.В. КОЗЬМЕНКО*

Русская революция 1917 года в литературных источниках

Статья посвящена проблеме восполнения лакун в изучении литературных свидетельств о революции и первых годах советской власти на культурном фоне эпохи, чрезвычайно насыщенном, богатом и бурлящем. На решение этих задач ориентирован крупный междисциплинарный проект «Русская революция 1917 года в литературных источниках (1917 – начало 1920-х годов)». Основным результатом работы по проекту стал выход в 2017 г. двух фундаментальных коллективных сборников.

В первом из них — «Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах» — на широком художественно-литературном и документальном материале эпохи представлена объёмная картина масштабного исторического события, рассмотренного крупнейшими русскими поэтами и писателями (А. Блок, С. Есенин, И. Бунин, М. Горький, Б. Пильняк, Вс. Иванов, М. Булгаков, А. Толстой, М. Шолохов, А. Платонов, А. Ремизов, Е. Замятин, А. Белый, К. Федин).

Во втором труде — «Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы» — помимо ряда проблемных статей – впервые даны фундаментальные своды малоизвестной публицистики Мережковского и Всеволода Иванова, неизвестные архивные материалы Леонида Андреева, цикл статей «На Перевале» А. Белого, а также материалы его деятельности во «Дворце Искусств» и мн. др.

* **Полонский Вадим Владимирович** — доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), руководитель проекта «Русская революция 1917 года в литературных источниках (1917 – начало 1920-х гг.)» (15-34-12003а(ц)).
E-mail: v.polonski@mail.ru

Введенская Вера Михайловна — старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: vera_vvedenskaya@mail.ru

Глухова Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: elenagluhova@mail.ru

Козьменко Михаил Васильевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: uzium@mail.ru

Статья также содержит сведения о состоявшейся в рамках проекта в Российском духовно-культурном православном центре в Париже презентации книг, выпущенных при поддержке РФФИ по целевому конкурсу «Россия в 1917 году».

Ключевые слова: русская революция 1917 г., русская литература в революционном контексте, неизвестные архивные материалы

Участники междисциплинарного проекта «Русская революция 1917 года в литературных источниках (1917 – начало 1920-х гг.)» (15-34-12003а(ц)), реализованного в рамках целевого конкурса РФФИ «Россия в 1917 году» на базе Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, основную эвристико-методологическую предпосылку своей работы усматривали в том, чтобы с точки зрения новейших исследовательских разысканий сделать значимый шаг в осмыслении русской словесности как важнейшего компендиума свидетельств и отражений судьбоносных исторических событий, способного существенно углубить научные представления о социокультурном измерении революционного катаклизма.

Революция 1917 года — ключевое событие в истории России. Россия же — страна литературоцентрическая. И потому вполне закономерно, что едва ли не основным субъектом осмысления этого рубежа, рефлексии над его природой и потенциалом стала литература. Наверное, не будет преувеличением сказать, что именно в зеркалах словесности порождённые революцией грандиозные тектонические сдвиги русской жизни обрели наиболее точные и объёмные отражения — отражения, подразумевающие и документальную точность фиксации явления, и, так сказать, «рентгеноскопию» — творческую, образную интроспекцию в его глубинную суть.

Сама природа революции как тотального катаклизма глубоко антиномична, поскольку она сопрягает катастрофизм крушения с энтузиазмом всеохватного преображения мира и человека, ощущение пассивной обречённости стихиям и пафос прометеевского дерзания.

Апокалипсис старого мира и «новый человек»

Историко-культурный хронотоп русской революции — весь в поле парадокса. «Русь слиняла в два дня», — констатирует изнутри исторической бури В.В. Розанов [1, с. 55]. И какую бы интегральную метафору из того репертуара, что был предложен писателями эпохи («стихия» и «метель» А. Блока, Б. Пильняка и идеологов скифства, «пролом» Л. Леонова, «великая социальная хирургия» Б. Пастернака и т.п.), мы ни взяли на вооружение, она неизбежно будет свидетельствовать об обвале вековой гуманистической парадигмы отечественной культуры. Прежде всего той, что выросла в усадебно-дворянской среде постпетровской европеизации. Но внутри этой парадигмы изначально коренилась обреченность на срыв и крушение, и нельзя не согласиться с Г.А. Белой в том, что одной из ключевых на то причин была трагическая пропасть между «интеллигенцией» и «народом» [2, с. 21–41].

И «обвал в два дня» был всё же далеко не случайным. Павшая жертвой революции гуманистическая русская культура классического типа на протяжении едва ли не всей истории своего расцвета жила ожиданием катастрофы, взращивала в себе её потенциал — вплоть до обуянности зудом социального суицида либо оторопи перед его неизбежностью. Красноречивы в этом смысле суждения Л.Я. Гинзбург: «Многие большие люди русской культуры

не хотели революции, осуждали революцию. Но несогласие с существующим было опытом всей русской культуры. Все мыслящие были против так или иначе, — и славянофилы, и Достоевский, и В.Соловьёв. Один Леонтьев был за. Поэтому он — со своим эстетизмом — в сущности очень нерусский. Русский интеллигент находил комплекс несогласия в себе готовым, вместе с первыми проблесками сознания, как непреложную данность и ценность» [3, с. 314].

В предреволюционные десятилетия эти процессы достигли своего апогея.

Миф о новом человеке проходил тогда красной нитью сквозь наследие и богостроителей-марксистов, и христианских социалистов, и символистов, и писателей вне течений и групп, а значит — лежал в основе грамматики художественно-философских исканий Серебряного века в целом. Флоренский и Розанов мечтали о грядущем новом антропологическом типе. И даже центральный термин христологии — Сын Человеческий — в дискурсе начала прошлого столетия переносился с Бога-Слова на тварное существо (статья Н.Фёдорова «Сын, человек и сын человеческий», рассказ Л.Андреева «Сын человеческий» и т.п.) — героя эпохи, которая болела желанием тотального преображения вселенной, «трансенсуса реальности» и обожествления человека-титана.

Ницшеанская максима «Человек есть нечто, что должно превзойти» на русской

Ил. 1. Анненков Ю.П. Ил. в кн.: Блок А. «Двенадцать», Пб.: Алконост, 1918

ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ

КРАСНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Приди и пей. Сие есть кровь
Из сердца красного поэта,
Жизнедарующая новь,
Источник Нового Завета.
Открыв для мира грудь свою
Себя я смерти обрекаю;
Горю, безумствую, пою
И злой кровью истекаю.

2-е издание

ПЕТРОГРАД
1918

Ил. 2. Князев В. «Красное евангелие». Пг., 1918. Обложка

почве претворилась в чувство катастрофичности мира, в ощущение эпохи, которую дóлжно преодолеть. В отличие от европейского модернизма с его концентрацией на индивидууме, модернизм русский мыслил прежде всего в категориях историософии. Он выработал особый язык религиозно-мифологического описания мира, в котором драмы сегодняшнего дня обретали статус вечной мистерии, нарастание социальной революции ощущалось как предвестие коренной революции духа, конца «эона века сего». Взгляды творцов новой культуры были устремлены по «ту сторону» грядущей катастрофы, неизбежность которой многими чувствовалась почти физически. Отсюда — ностальгия по будущему, склонность к утопическим проектам, воспитанная напряжёнными эсхатологическими переживаниями. Ощущение финальности, конца предыдущего периода национальной истории — и истории человечества вообще — апокалиптическими токами пронизывало творчество едва ли не всех значительных художников и мыслителей.

Революция 1917-го безжалостно ответила на эти глубинные зовы русской культуры. И ответ этот был прочитан на том же языке апокалиптики и с той же парадоксальностью, если не антиномичностью. Сакрализация дискурса — важнейшая закономерность публицистики богоборческой революционной эпохи. Нельзя не согласиться с тем, что в леворадикальной культуре этого времени революция «понимается как преображение всего Космоса, творимого заново, по модели книги Бытия, к которой очень долго, хотя и полемически, адресуется советская культура, начиная с “Двенадцати” Блока (ил. 1) и вплоть до “Дня второго” Эренбурга» [4, с. 97].

Характерна смена фокуса в выборе сакральных претекстов — его перемещение к полюсам повествования о священной истории: к Ветхому Завету и Апокалипсису. В среде антиреволюционной актуализировались бичующие укоризны библейских пророков. И не случайно в «Окаянных днях» Бунина в записи от 10 февраля 1918 г. приводится контаминация из разных стихов Иеремии (6: 14; 5: 26; 6: 19), повествующих о жестоком воздаянии за грех отступничества: «Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их» [5, с. 199].

Но веер революционной культуры раскидывается между крайними полюсами. И, скажем, Волошину сакральная оптика позволяет воспринять происходящее с обратным знаком — как указание на промыслительность отечественной революционной Голгофы во имя спасения христианского мира: «Россия — социально наиболее здоровая из европейских стран — совершает в настоящий момент жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, перебо-

лев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе. Этот кризис, вероятно, наступит там очень скоро, но благодаря России европейская культура, быть может, переживёт его благополучно» [6, с. 317].

Раннесоветские опыты по созиданию титанической культуры нового мира, конструктивистский культ жизнестроительства, машинерии и «формовки» человека, богдановская «тектология», лирика Маяковского, поэтов «Кузницы» и авангардно-революционного проекта в целом (А.Гастев, М.Герасимов, И.Садофьев, В.Кириллов, Н.Полетаев, В.Казин и др. (ил. 2)) обильно напитывались библейскими аллюзиями как структурообразующим элементом языка эсхатологичной эпохи, успешно синтезировав их — при всём своём антипассеистском пафосе — с наследием дореволюционной культуры, открытой эстетике будущего: от «нового космизма» Уитмена до урбанизма Верхарна и Брюсова.

Два пути «старой» интеллигенции

Но перед «старой» интеллигенцией всё же неизбежно вставал драматический вопрос: либо принять поругание, источиться в ностальгии, взять на себя миссию хранения традиции «по ту сторону» постапокалиптического «нового эона» советской жизни, либо скинуть груз былой гуманистической культуры.

И выбирая последнее, русские писатели в основном шли двумя путями.

Первый — сочленение архаики с футуристичностью в новом мифотворчестве, на следующем былой парадигме (скажем — «соборности»), как у Вяч. Иванова с его патетикой прививки модернистского дионисийства к коллективистскому этосу революционного авангарда. В 1919-м в статье «Кручи (О кризисе гуманизма)» в «Записках мечтателей» он поименует собственную модель революционного «преодоления» гуманизма и «индивидуации» «мистическим обобществлением совести» (цит. по: [7, с. 382]) — и эти постулаты своей культурософии положит в основу, среди прочего, инсценировок ранних советских парадов и площадных действ, в которых главный мистагог отечественного символизма усматривал новейшее воплощение «хоровой орхестры» (см. [8]).

Второй путь — кеносис, сознательное «умаление», «истощение» и опрощение во имя преодоления раскола между интеллигенцией и революционной народной массой как форма бытования в новых условиях былого культа «народопоклонства» среди русского образованного сословия. Этот путь привёл сотни представителей художественной интеллигенции в студии Пролеткульта (особенно на раннем этапе его истории, в 1917–1920 гг. (ил. 3)) и в культуртрегерские начинания Наркомпроса, а позже — к *со*участию в созидании советской культуры. Он был чреват и обретениями, сопряжёнными с самоот-

Ил. 3. «Горн». Кн. II-III/ М., 1919. Обложка

дачей и широкой просветительской работой, и неизбежными потерями, вызванными «варваризацией» культурно-общественного контекста и постепенным формированием обязательной к применению жёсткой идеологической матрицы, зачастую принуждавшей к трагическому компромиссу и этической капитуляции.

В крайне обобщённом виде эволюцию ранней русской пореволюционной культуры внутри страны можно разложить на три этапа: 1) 1918–1921 гг. (Гражданская война с её идейным противостоянием; лишения и парадоксальное — на фоне безысходного ужаса происходящего — ощущение последней степени свободы, когда «нет ничего невозможного», «как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой» [9, с. 216]; практическое уничтожение былой инфраструктуры литературной жизни и печатного дела; «расцвет» рукописной книги, устного студийного и ораторского слова и т.п.); 2) 1921–1923 гг. (возрождение литературных предприятий и создание новых культурных институтов; выход первых «успешных» советских аналогов традиционных «толстых» журналов — «Красной нови» и «Печати и революции»; последствия постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» (1920), засвидетельствовавшего тенденцию к бюрократизации культуры и запуску репрессивного механизма управления ею, и т.п.); 3) с середины 1923 г. («рост и дифференциация советской литературы» [10, с. 132]; политика партии по постепенному обузданию творческих энергий литературных групп и организаций, методичное взращивание предпосылок будущего «огосударствления» словесности).

И хотя материалом этого времени занимались достаточно много как в нашей стране, так и за рубежом, лакун в изучении литературных свидетельств о революции первых лет советской власти и культурном фоне эпохи, чрезвычайно насыщенном, богатом и бурлящем, более чем достаточно.

Именно на устранение подобных лакун ориентирован наш проект. Его участники ставили перед собой цель в перспективе 100-летия революции начать движение к созданию комплексной, системной и концептуально выверенной научной картины преломления этого ключевого события отечественной истории XX в. в русской литературе 1917 – начала 1920-х гг. на основе тотальной проработки и научного освоения максимально широкого круга новых фактов, материалов, архивных и печатных источников с сопутствующей систематизацией накопленных наукой за ушедший век результатов в данной области историко-литературных исследований.

Отражения революции в литературных источниках

Первым шагом в этом направлении стал том исследований и публикаций «Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах» (ил. 4), большая часть материалов которого прошла апробацию в докладах, представленных на международной научной конференции «Русская литература XX века и революция 1917 года: К 120-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (ИМЛИ РАН, 28–30 сентября 2015 г.). Юбилейным характером этого научного форума обусловлен особый акцент в книге на фигуре Вс.Вяч. Иванова — одного из крупнейших писателей, выдвинутых на авансцену русской литературы опытом революции и Гражданской войны.

Вместе с тем в коллективном труде представлен ряд культурно-исторических парадигм, по-новому освещающих литературную ситуацию революционных лет в целом.

Так, в работе «“Весь мир насилья мы разроем до основанья...” (Новый гимн страны в интерпретации русского романа первых советских десятилетий)» исследуется феномен революции 1917 г.

в романе 1920–1930-х гг. через анализ константного элемента поэтики — описания и трактовки слов «Интернационала», гимна советской России в 1918–1943 гг. «Интернационал» является важным содержательно-структурным элементом в первых трёх романах о революции и Гражданской войне 1921 г. («Два мира» В. Зазубрина, «Голый год» Б. Пильняка, «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» И. Эренбурга), имевших колоссальный успех в советской России и за рубежом. Исследуя его функцию, автор доказывает, что эти тексты дали три разные повествовательные стратегии хроники революции и Гражданской войны, предопределившие семантико-стилевые векторы преображения смысловой вертикали русского классического романа в процессе формирования новой литературной системы.

Важнейшие культурно-исторические константы времени проанализированы также в работе «Революционизация как феномен эпохи», автор которой демонстрирует сложную диалектику двух версий понимания революционизации литературы: полного отказа от любых традиций в пользу нового революционного искусства и попыток приспособления старой классики к новым революционным условиям. Наконец, в исследовании «Активные процессы в языке революционной эпохи (На материале русской прозы 1917–1922 гг.)» отражён ещё один, лингвистический, аспект общей проблемы. Особое внимание в нём уделено таким явлениям, как активизация компрессивного словообразования, интенсивное использование новых слов-идеологем, включение в текст рефлексивов разных типов, поясняющих или оценивающих новые лексические единицы. Показана также связь рассматриваемых языковых средств с мотивной структурой художественных текстов этого периода, прежде всего с мотивами непонимания, насилия, гибели. При этом сделан важный вывод, что лингвистические новации в прозе

Ил. 4. Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Обложка

20-х гг. XX в. связаны прежде всего с решением стилистико-художественных задач и не носят характера механического воспроизведения особенностей языка эпохи.

В целом же в книгу вошли работы (общим числом 45) историков, литературоведов, культурологов, лингвистов, краеведов из разных городов России и зарубежных стран, которые составили объёмную картину революции как масштабного исторического события, творчески осмысляемого крупнейшими русскими писателями А. Блоком, С. Есениным, И. Буниным, М. Горьким, Б. Пильняком, Вс. Ивановым, М. Булгаковым, А. Толстым, М. Шолоховым, А. Платоновым, А. Ремизовым, Е. Замятиным, А. Белым, К. Фединым, а также публицистами, учёными, философами, служащими госаппарата и другими общественными группами Советской России и русского зарубежья. В издании представлены уникальные источниковед-

ческие материалы из крупнейших архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, а также региональных и личных архивов. Большая их часть впервые вводится в научный оборот.

Великий перелом и литература

Материалы второго — итогового — тома (ил. 5) исследований по проекту были апробированы в жанре докладов на иной конференции, прошедшей в ИМЛИ РАН 10–11 ноября 2016 г. «Русская литература “серебряного века” в культурных и литературно-общественных начинаниях революционных лет».

Одна из центральных фигур, привлекших к себе исследовательское внимание участников проекта, — Андрей Белый. В фундаментальном исследовании «Андрей Белый в 1917–1918 гг.: “принятие революции”» рассмотрены диалектически дополняющие друг друга тексты писателя-символиста: брошюры «Революция и культура» и «Глоссолалия», поэма «Христос Воскресе» и ряд статей, созданных на историческом переломе. С этой работой перекликается статья «Андрей Белый в проектах первых лет Советской власти: “Дворец Искусств” (1919–1920)», в которой демонстрируется, как революционный фон инспирирует поиски писателем путей сотрудничества с институциями нового государства, формирующими историко-культурную парадигму страны Советов. Эта же тема на других примерах подробно освещается в статье «Андрей Белый в проектах первых лет советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос». К статьям приложены публикации неизвестных ранее материалов о сотрудничестве Белого с советскими учреждениями периода 1918–1920 гг. Перипетии отношений Белого с лидером группы «Скифы» Ивановым-Разумником, обусловленные первоначальным приятием революции и дальнейшим расхождением из-за разности стратегий адаптации к советской власти, представлены в ряде докладов и статей, охватывающих общую тему «Кризис культуры и революция в восприятии и творчестве русских символистов».

Ил. 5. Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы М.: ИМЛИ РАН, 2017. Обложка

В работе «А.А. Блок, Андрей Белый, З.Н. Гиппиус и последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов» реконструируется не реализовавшаяся история замысла Блока написать очерк об этом историческом деятеле, а также анализируется восприятие поэтом (и собратьями по символистскому цеху) его политических поступков и человеческого облика.

В исследовании «Революционный театр в России 1917–1921 гг. и во Франции 1789–1793 гг.: проблемы прямой преемственности и типологического сходства» по архивным источникам (преимущественно Театрального общества (ТЕО) Наркомпроса) и периодике 1917–1923 гг. анализируются свидетельства о всплеске интереса в ранней пореволюционной и советской театральной среде к опыту

народного («гражданского») и пропагандистского театра эпохи Великой французской революции. Особое внимание уделяется вопросу о травестийном использовании мистериальных, сакральных и литературно-мифологических сюжетов в утопической революционной драме. В центре внимания оказывается поэтико-тематическое сходство между пьесой «Страшный суд королей» (1793) и травестийной «трагедией в трёх актах и водевилях» «Страсти Иисуса Христа» (1794) Пьера Сильвена Марешаля, с одной стороны, и «Мистерией-Буфф» В.Маяковского — с другой. Сходство это объясняется не прямым воздействием французских текстов (к рубежу XIX–XX вв. основательно забытых даже во Франции) на русского поэта, а их возможным опосредованным восприятием через низовую европейскую традицию стилизованного антиклерикального райка XIX в., некоторые образно-сюжетные элементы которого могли восходить к линии Марешаля в революционном театре. В этом же исследовании рассматривается вопрос о мистериальном субстрате в раннем советском театральном искусстве и на основе анализа стратегии восприятия им современной неорелигиозной французской символистской драмы. Наиболее показательный пример в данном случае даёт сценическая судьба в пореволюционной России мистерий Поля Клоделя, которые своей поэтикой «реализма» человеческих страстей и риторической приподнятостью сакрализованного языка оказались сродни новой эпохе. Театральный интерес к мистериям Клоделя возникает в России только после революции, на волне поисков нового сакрально-эпического стиля в эстетике сотворения «нового мира».

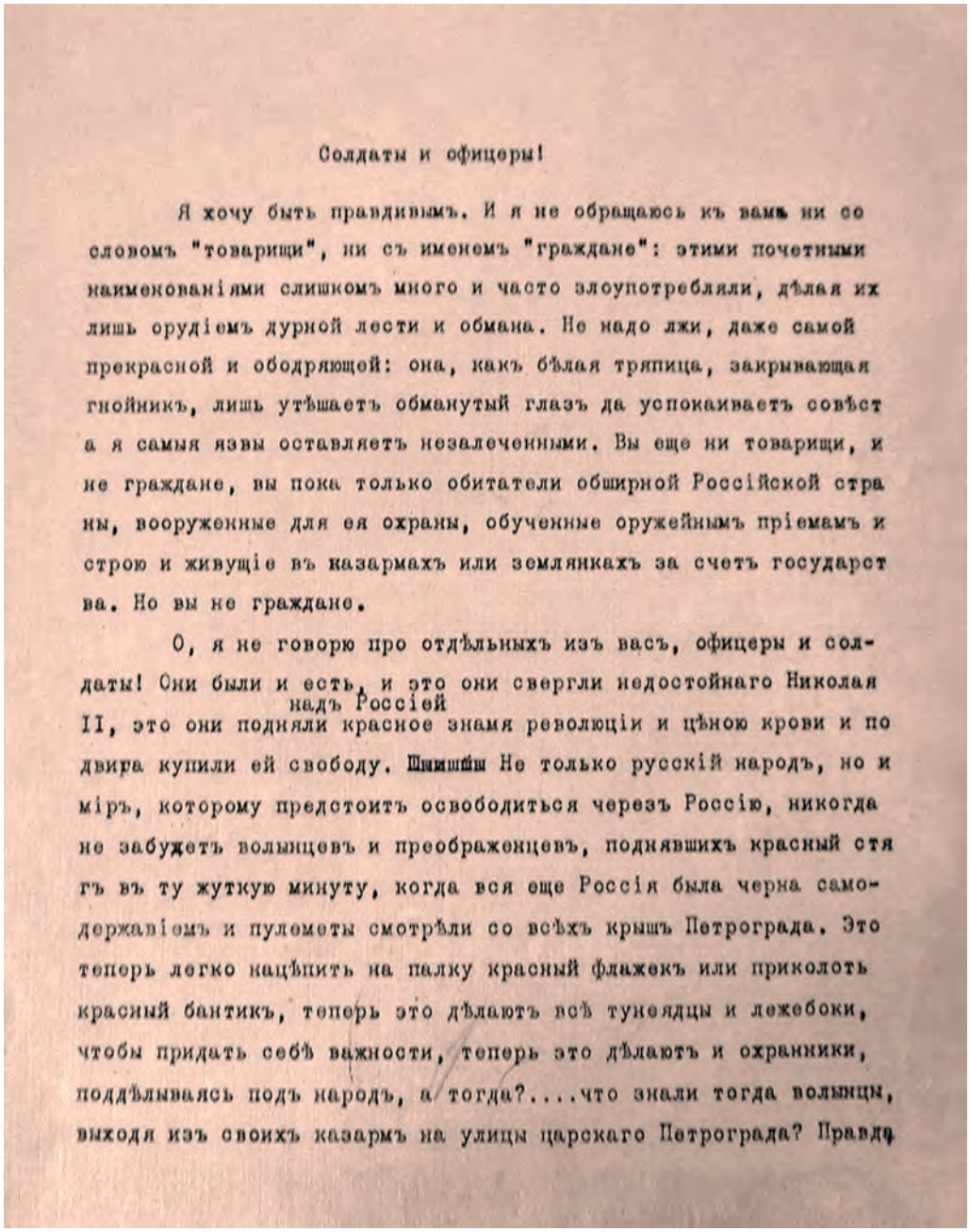
В рамках проекта также подготовлены к публикации статьи 1921 г. Д.С.Мережковского «Л.Толстой и большевизм» и Э.Гальперина-Каминского «Толстовство и большевизм» (выполнен перевод с французского языка). Анализ этих сочинений в широком контексте газетно-журнальных выступлений, посвящённых 10-летию ухода из жизни Л.Н.Толстого, убеждает, что они оказываются наиболее репрезентативными в выявлении — в разных, но взаимодополняющих вариантах — двух внутренних тенденций в переосмыслении наследия классика по горячим следам событий 1917-го: во-первых, в обнаружении глубинного родства идеологического сверхрадикализма Толстого с утопико-нигилистической ценностной парадигмой русской революции (в этом смысле они по-своему развивают и доводят до логического конца тезисы Ленина о писателе как «зеркале русской революции»); во-вторых, в попытках вслед за констатацией этого факта доказать, что в сердцевине данного сходства кроется сущностное различие, обусловленное живым опытом религиозной веры как обязывающей данности, а не идеологической программы. Превращение революционного радикализма Толстого в инструмент борьбы с радикализмом русской революции являет собой характерный поворот в умонастроениях литераторов-эмигрантов либерально-неорелигиозной ориентации, переживавших на рубеже 1910–1920-х гг. резкий крен вправо.

Важнейшие материалы одного из зачинателей русского модернизма представлены в итоговой книге подборкой «От Февраля к Октябрю: публицистика Д.С.Мережковского 1917–1918 гг. (из невошедшего в авторские сборники)». Эта публикация является первой попыткой научного издания статей Мережковского 1917–1918 гг., которые не вошли в его последний прижизненный сборник, появившийся в России: Невоенный дневник. 1914–1916. Пг.: Кн-во «Огни», 1917.

Особое внимание уделено участию русских писателей в различных начинаниях Народного комиссариата просвещения. Так, в обзоре «Театральная творческая, теоретическая и практическая деятельность А.М.Ремизова в 1917–1921 гг.» среди прочего анализируются рукопис-

ные тексты внутренних рецензий Ремизова, выполненных им в качестве руководителя Группы современного репертуара в ТЕО Наркомпроса и Петроградского театрального отдела (ПТО) Наркомпроса, на рукописные и печатные тексты 12-ти пьес (К.К. Иванова, А. Падровой, А. Ганзен, В. Леснова, Н. Щитоносцева, Д. Щеглова, С. Тефилова и др.), а также архивные материалы, связанные с взаимоотношениями писателя с цензурой (РО ИРЛИ РАН, СПб ГТБ) и отражающие его деятельность в театральном отделе комиссариата просвещения (материалы протоколов ТЕО в РО ИРЛИ).

В работе «Солдат, Революция и Бунт: публицистические и литературные рефлексии Леонида Андреева в эпоху революции 1917 года (по новым архивным материалам)» прослеживается эволюция социально-политических пристрастий писателя. Весьма идеализирован-



Солдаты и офицеры!

Я хочу быть правдивымъ. И я не обращаюсь къ вамъ ни со словомъ "товарищи", ни съ именемъ "граждане": этими почетными наименованіями слишкомъ много и часто злоупотребляли, дѣлая их лишь орудіемъ дурной лести и обмана. Не надо лжи, даже самой прекрасной и ободряющей: она, какъ бѣлая тряпица, закрывающая гнойникъ, лишь утѣшаетъ обманутый глазъ да успокаиваетъ совѣст а я самыя язвы оставляетъ незалеченными. Вы еще ни товарищи, и не граждане, вы пока только обитатели обширной Россійской страны, вооруженные для ея охраны, обученные оружейнымъ пріемамъ и строю и живущіе въ казармахъ или землянкахъ за счетъ государст ва. Но вы не граждане.

О, я не говорю про отдѣльныхъ изъ васъ, офицеры и солдаты! Они были и есть, и это они свергли недостойнаго Николая II, это они подняли красное знамя революціи и цѣною крови и подвига купили ей свободу. надъ Россіей Не только русскій народъ, но и міръ, которому предстоитъ освободиться черезъ Россію, никогда не забудетъ волынцевъ и преображенцевъ, поднявшихъ красный стягъ въ ту жуткую минуту, когда вся еще Россія была черна самодержавіемъ и пулеметы смотрѣли со всѣхъ крышъ Петрограда. Это теперь легко нацѣпить на палку красный флажекъ или приколоть красный бантикъ, теперь это дѣлаютъ всѣ тунеядцы и лежебоки, чтобы придать себѣ важности, теперь это дѣлаютъ и охранники, поддѣлываясь подъ народъ, а тогда?....что знали тогда волынцы, выходя изъ своихъ казармъ на улицы царскаго Петрограда? Правду

Ил. 6. Андреев Л.Н. Набросок к статье. Машинопись.
Русский архив в Лидсе (Великобритания)

ный в начале Первой мировой войны образ простого солдата (в целом — аналог классической идеологемы русской литературы «человек из народа») уже летом 1917 г. у Андреева будет охарактеризован как «трус» и «предатель», бегущий из окопов и обрекающий Россию на верную гибель. Более откровенно сомнения публициста выражены в подготовленной к публикации переписке этих дней, прежде всего с братом Андреем, который со всей прямотой доносил до него катастрофическую ситуацию на фронте. Крайним полюсом трансформации образа солдата у Андреева становится фигура опустившегося и преследующего офицеров (благодаря влиянию разрушившего армейскую дисциплину пресловутого «Приказа номер один») рядового Пятакова из неопубликованного и ранее не введённого в научный обиход одноименного рассказа. В приложении к работе помещается полный текст этого неизвестного произведения (РГАЛИ), а также несколько редакций неопубликованной статьи о «Приказе номер один» (Русский архив в Лидсе (Великобритания (ил. 6).

Целый ряд исследований, проведённых по проекту, посвящён отражениям революционных событий в самых разных областях литературной культуры — от адаптации классической оптики к восприятию новейшей истории («Личность и творчество Ф.М. Достоевского в контексте русской революции 1917–1921 гг.») до версификации («Эволюция стиха русской революционной поэзии»; «“Цех стиховодства”: Георгий Шенгели и культурно-просветительные проекты Юга России, 1917–1919»).

Наконец, во второй коллективной монографии, изданной в рамках проекта, помещена комментированная публикация в русском переводе с французского книги балетного и литературно-художественного критика А.Я. Левинсона «Современная русская литература: война, революция, изгнание» (1922). В научном аппарате к работе характеризуется историко-литературная роль этого источника в осмыслении темы «литература и революция», обозревается творческий путь автора книги; особое внимание уделяется до сих пор не введённому в отечественный научный оборот литературно-критическому наследию Левинсона, опубликованному во франкоязычной печати 1922–1933 гг.

Первоисточники и научные труды в интернет-пространстве

В рамках проекта не только велись масштабные источниковедческие разыскания, готовились к публикации книги и статьи, но и была организована серьёзная научно-информационная работа. В результате создана и запущена в опытную эксплуатацию первоначальная версия тематического интернет-сайта «Русская революция 1917 г. в литературных источниках» (адрес бета-версии: http://ruslitrev1917.ru). Сайт в целом состоит из разделов, группирующихся по трём категориям: 1. Материалы эпохи: «Книги», «Сборники», «Периодика»; 2. Публикации, отражающие позднейшую научно-критическую рефлексию: «Летопись литературных событий (1917–1921 гг.)»; «Конференции», «Научные издания и публикации»; 3. Разделы, направленные на информационную структуризацию содержания сайта: «Указатель авторов». «Указатель произведений», «Другие источники», «Условные сокращения».

В бета-версии уже реализовано подавляющее количество компонентов. Ведётся контентное наполнение ресурса. Содержательная его сторона должна отобразить всю сложность эпохи, и поэтому — помимо собственно художественных произведений (которые составят его основной массив) — в число обнародованных источников войдут материалы публицистического, партийно-пропагандистского характера, значимые для эпохи шедевры книжной графики и т.п. Одним из главных критериев публикации материала на сайте является

Ил. 7. «Ёлка». Книжка для маленьких детей / Сост. А. Бенуа и К. Чуковский. Пг.: Парус, 1918. Обложка

отсутствие позднейших републикаций. Таким образом, центральная его задача — предоставление доступа заинтересованному читателю к редким изданиям (использованы фонды РГБ, БАН, РГИБ и других библиотек).

В настоящее время на сайте размещены почти полные подборки критико-информационных журналов «Вестник литературы» (1919), «Книжный угол» (1918–1922) и др., подборки актуальных статей «Русской мысли», злободневных публицистических выступлений авторов разных лагерей (от Луначарского до Розанова) из газет, большой массив номеров последнего оплота русского либерализма — журнала «Народоправство». Опубликованы книги именитых и малоизвестных (но определяющих существенные тенденции эпохи) авторов: Чирикова, Вересаева, Иванова-Разумника, Эренбурга, Ремизова, Ховина, Айхенвальда, Бальмонта, Крас-

нопольского, Князева, Гожанской-Слуцкиной, Кондурушкина, Моносзона, Осоргина, Шульговского и др.

Поскольку важным фактором времени был выпуск литературных сборников, объединявших художников разных эстетических и политических пристрастий, то уже на начальном этапе становления сайта сделана попытка представить достаточно широкий спектр образцов этого жанра — «Явь» (1919), «Скрижаль. Сб. 1» (1918), «Мысль. № 1» (1918), «Лукоморье. Второй альманах рассказов» (1917), «Красный звон» (1918), «Завод огнекрылый. Сборник пролетарских поэтов» (1918), «Жемчужный коврик» (1920), «Да здравствует Красный Октябрь!» (1918), «Ветвь. Сборник клуба московских писателей» (1917), «Весенний салон поэтов» (1918), «Арион. Вып. 1» (1918), «Альманах муз. Кн. 1: Песни любви», «Ёлка: Сборник. Книжка для маленьких детей» (1917) (ил. 7), «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н.Гиппиус» (1917), «Тринадцать поэтов» (1917) и др. В раздел научных публикаций вошли работы участников проекта и иные оцифрованные издания.

Уникальной является цифровая публикация на сайте подборки (близкой к полной) номеров газеты «Русская воля». Ко всем сборникам и периодическим изданиям будут приложены росписи содержания. Данный ресурс включит также в свой состав интерактивную «Летопись литературных событий» за 1917–1920-е гг. Планируется создание указателя имён и произведений, опубликованных на сайте.

Оба итоговых научных сборника, описание которых было дано выше, также будут опубликованы на сайте.

Думается, что в своей совокупности изданные в рамках проекта книги, циклы статей и публикаций, а также тематический интернет-ресурс помогут в качественно новом осмыслении того, как центральное событие истории России XX в. отразилось в важнейшем из зеркал её культуры: в зеркале литературы.

Презентация книг, выпущенных при поддержке РФФИ, в Париже

Участники проекта на всех этапах своей работы уделяли серьёзное внимание, во-первых, коллаборации с ведущими зарубежными учёными – специалистами в смежных областях знания и, во-вторых, представлению результатов проведённых исследований на международных площадках. Так, итоги научных разысканий членов коллектива легли в основу программы конференции «Первая мировая война и Русская революция 1917 года в российских и французских литературных источниках», проведённой 26–27 октября 2017 г. в Российском духовно-культурном православном центре в Париже в рамках открытого гуманитарного проекта ИМЛИ РАН «Преодолевая национальные и политические границы... Культурная синергия России и Франции».

Значимость этого научного начинания была подчёркнута участием в нём официальной делегации Российского фонда фундаментальных исследований во главе с начальником Управления гуманитарных наук РФФИ, д.ф.н. В.П.Гребенюком. Делегация РФФИ на открытии конференции провела масштабную презентацию научных изданий, выпущенных при поддержке Фонда в рамках целевых конкурсов «Россия в 1917 году», «Россия в Первой мировой войне 1914–1918» и др. Была организована выставка более 70 книг, доставленных РФФИ во Францию, и совершен акт торжественной передачи этих изданий в дар новому российскому центру в Париже, призванному стать очагом отечественного гуманитарного присутствия в одном из центров западного мира.

В своём выступлении В.П.Гребенюк ознакомил участников мероприятия из России, Франции, Италии, Великобритании и других стран, а также представителей ведущих СМИ с деятельностью РФФИ по поддержке исследований общественно-гуманитарного цикла и научного книгоиздания. В ответном слове руководитель Центра, Посланник-советник Посоль-

Ил. 8. Руководитель Российского духовно-культурного православного центра в Париже, Посланник-советник Посольства Российской Федерации во Франции Л.Ю. Кадышев, начальник Управления гуманитарных наук РФФИ, д.ф.н. В.П. Гребенюк

ства Российской Федерации во Франции Л.Ю. Кадышев (ил. 8), выразив глубокую признательность Фонду за щедрый дар, подчеркнул значимость представления результатов деятельности РФФИ — важнейшей отечественной институции по поддержке фундаментальных исследований — и реализации проекта ИМЛИ РАН — крупнейшего в нашей стране центра академического литературоведения на новой российской площадке в Париже для ознакомления западной общественности с достижениями отечественного гуманитарного знания — как в области исследования проблематики, связанной с революцией 1917 года, так и в других научных сферах, открывающих широкое поле для взаимодействия между учёными России и Франции.

Итоги

В результате реализации проекта были разработаны исследовательские сюжеты и осуществлены научные публикации источников, в которых контекст революции 1917 года и прилегающих к ней судьбоносных для России событий выступает в двух основных ролях: во-первых, как объект осмысления литературными деятелями эпохи и, во-вторых, как субъект трансформации литературной среды, общественных практик, художественных и просветительских стратегий, наконец — тех культурных моделей, что были сформированы до исторического перелома, но после него напряжённо вырабатывали механизмы адаптации к принципиально новой ценностно-идеологической реальности. Последним обусловлено преимущественное — хотя и далеко не исключительное — внимание в книге к пореволюционной судьбе тех фигур и явлений, что были порождены культурным ландшафтом «серебряного века».

Сочленяя общие проблемно-аналитические сюжеты с исследовательским осмыс-

лением впервые вводимых в научный оборот источников, осуществлённые в рамках проекта публикации и подготовленные базы данных призваны представить значимый материал для будущего построения научной истории русской литературы революционной поры как части единой динамичной социокультурной системы, внутри которой перегородки между «поэзией» и «правдой» общественно-политического катаклизма оказываются более чем проницаемыми.

Примечательно, и то, что работа над проектом позволила выявить существенный потенциал международного сотрудничества в освоении данного материала и потребность в представлении результатов деятельности отечественных учёных-гуманитариев широкой зарубежной общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // Собр. соч. М.: Республика, 2000.
2. Белая Г.А. «Боль пролома»: Разобщение с народом как экзистенциальная проблема русской культуры // Белая Г.А. Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004.
3. Гинзбург Л.Я. Из записей 1950–1970-х годов // Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. М.: Сов. писатель, 1987.
4. Вайскопф М.Я. Во весь логос: Религия Маяковского. М.; Иерусалим: Саламандра, 1997.
5. Бунин И.А. Собр. соч.: В 12 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10.
6. Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991.
7. Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 6 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. Т. 3.
8. Бёрд Р. Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи // Русская литература. 2006. № 2. С. 174–189.
9. Мандельштам О.Э. Слово и культура // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-бизнес-центр, 1993. Т. 1.
10. Полонский В.П. Очерки литературного движения революционной эпохи. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

ENGLISH

Russian Revolution of 1917 in literary sources

Polonskiy Vadim Vladimirovich is DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director, A. M. Gorky Institute for World Literature (IWL RAS), Russian Academy of Sciences, head of the project "Russian Revolution of 1917 in Literary Sources (1917 – early 1920s)" (15-34-12003а(ц)).
E-mail: v.polonski@mail.ru

Vvedenskaya Vera Mikhailovna is Senior Researcher, A.M. Gorky Institute for World Literature (IWL RAS), Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.
E-mail: vera_vvedenskaya@mail.ru

Glukhova Elena Valeryevna is PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute for World Literature (IWL RAS), Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.
E-mail: elenagluhova@mail.ru

Kozmenko Mikhail Vasilyevich is PhD in Philology, Lead Researcher, A.M. Gorky Institute for World Literature (IWL RAS), Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.
E-mail: uzium@mail.ru

The article focuses on the issue of filling gaps in the study of literary witnesses about the revolution of 1917 and the first years of the Soviet power in the cultural background of the era, extremely rich and vibrant. A major interdisciplinary project "The Russian Revolution of 1917 in Literary Sources (1917 – early 1920s)" seeks to tackle these tasks. The main result of the work on the project is the release of two fundamental multi-authored collections in 2017.

The first one — "The Russian Revolution of 1917 in Literary Sources and Documents" — represents a large-scale snapshot of the historical event reflected in the broad literary and documentary material of the epoch creatively depicted by the greatest Russian poets and writers (A. Blok, S. Yesenin, I. Bunin, M. Gorky, B. Pilnyak, Vs. Ivanov, M. Bulgakov, A. Tolstoy, M. Sholokhov, A. Platonov, A. Remizov, E. Zamyatin, A. Bely, K. Fedin).

The second work – "The Fracture of 1917: The Revolutionary Context of the Russian Literature" – in addition to a number of problematic articles, an important collection of unknown texts by Merezhkovsky and Vsevolod Ivanov were scholarly republished and commented for the first time. The paper analyzes unknown archival materials by Leonid Andreev, a series of articles «On the Pass» by A. Bely as well as documents on his activities at the «Palace of Arts», etc.

Keywords: the Russian Revolution of 1917, the Russian literature in the revolutionary context, unknown archival materials

REFERENCES

1. Rozanov V.V. Apokalipsis nashego vremeni // Sobr. soch. M.: Respublika, 2000 (in Russian).
2. Belaya G.A. «Bol' proloma»: Razobshchenie s narodom kak ekzistentsial'naya problema russkoj kul'tury // Belaya G.A. Don Kikhoty revolyutsii — opyt pobed i porazhenij. M.: RGGU, 2004 (in Russian).
3. Ginzburg L.Ya. Iz zapisej 1950–1970-kh godov // Ginzburg L.Ya. Literatura v poiskakh real'nosti. M.: Sov. pisatel', 1987 (in Russian).
4. Vajskopf M.Ya. Vo ves' logos: Religiya Mayakovskogo. M.; Ierusalim: Salamandra, 1997 (in Russian).
5. Bunin I.A. Sobr. soch.: V 12 t. Berlin: Petropolis, 1935. T. 10 (in Russian).
6. Voloshin M. Stikhotvoreniya. Stat'i. Vospominaniya sovremennikov. M.: Pravda, 1991 (in Russian).
7. Ivanov Vyach. I. Sobr. soch.: V 6 t. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1979. T. 3 (in Russian).
8. Byord R. Vyach. Ivanov i massovye prazdnestva rannej sovetskoj epokhi // Russkaya literatura. 2006. № 2. S. 174–189 (in Russian).
9. Mandel'shtam O.E. Slovo i kul'tura // Mandel'shtam O.E. Sobr. soch.: V 4 t. M.: Artbiznes-tsentr, 1993. T. 1 (in Russian).
10. Polonskij V.P. Ocherki literaturnogo dvizheniya revolyutsionnoj epokhi. 2-e izd. M.; L.: Gos. izd-vo, 1929 (in Russian).

УДК 94(470)«1917»
ГРНТИ 03.23.55

Н.В. СУРЖИКОВА*

Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах

В статье рассматривается специфика освещения событий 1917 г. в России в так называемых эго-документах — воспоминаниях, дневниках, травелогах и частной переписке. Подчёркивается, что личные документы являются разными формами не только нарративизации личного опыта, но и объективации прошлого.

Ключевые слова: Россия, 1917 год, теория эго-документа, письма, дневники, воспоминания, записки, литература путешествий, публикация исторических источников

Россия 1917 г. продолжает оставаться в центре внимания исследователей, не устающих находить всё новые и новые лакуны в её изучении. Во многом это связано с тем, что как исследовательский проект Россия 1917 г. может изучаться с самых разных позиций, выбор которых определяется в том числе и особенностями формирования источниковой базы. Её комплектование за счёт материалов, характер которых может быть обозначен «зонтичным» термином «эго-документы», предполагает приоритетное использование воспоминаний, дневников, частной переписки, травеложных текстов и некоторых других источников «пограничного жанра», непременным свойством которых является их автобиографичность, причём как очевидная, так и скрытая [1–5]. В условиях стремительной антропологизации исторических исследований и изменения отношения к документальности, которое проявляется в кризисе доверия ко всяческому официозу [6–8], нарративы, характеризующиеся непременным присутствием «Я», важны тем, что позволяют выявить и систематизировать различные социальности и субъективности, свойственные России 1917 г., и при этом понять, как революционные события рационализировались их современниками и почему это происходило именно так, а не иначе (фото 1, 2).

В такой системе исследовательских координат представления о России 1917 г. превращаются в более дифференцированные, нюансированные, а кумулятивный эффект от изучения этих представлений делает историческое знание более разнообразным. При этом «эгоцен-

* **Суржикова Наталья Викторовна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, руководитель проекта «Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах» (15-31-12033а/ц).
E-mail: snvplus@mail.ru

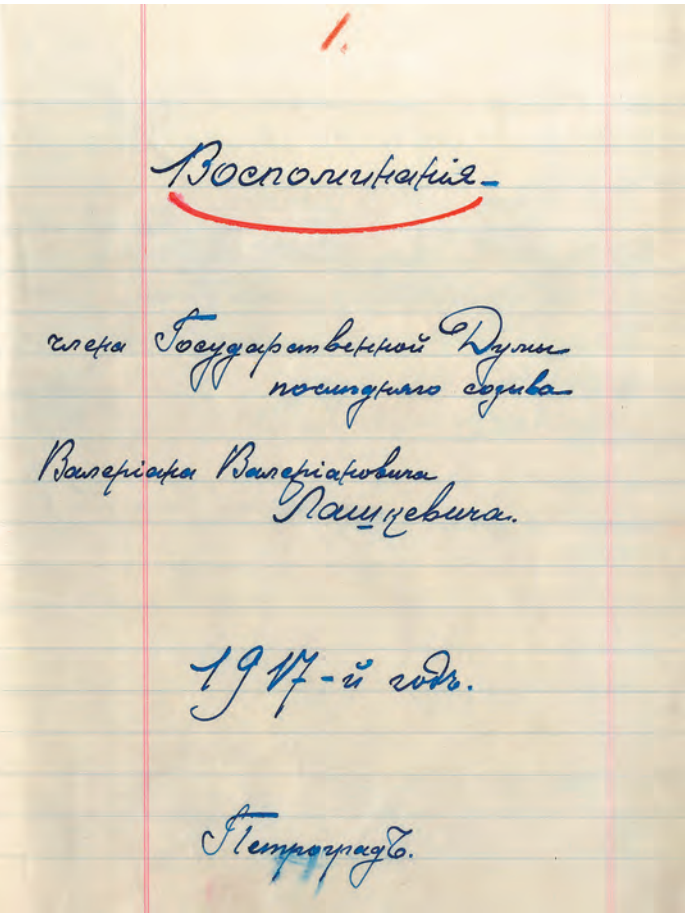
Фото 1. Демонстрация в Петрограде в марте 1917 г.
Из фондов Пермского краеведческого музея

тризм» я-документов в первую очередь способствует «прозаизации» российского 1917 г. Духу эпохи тем самым противопоставляется её «физиология», а это, помимо очевидного намёка на высокий потенциал эго-документов как источников для изучения революционной повседневности, предполагает ещё и их не менее высокую когнитивную ценность как оснований для отказа от исключительно рационального, структурного понимания того, что происходило в России 1917 г. Вводя исследователя в пространство человеческого опыта, эго-источники дают возможность освободиться от традиционной фактографической перспективы российского 1917 г., заставляя услышать голоса переживших его людей и, больше того, их диалоги. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что экспозиция эго-источников не просто фиксирует различные контексты Великой русской революции. Она также позволяет историку погрузиться в её пространство и, следуя за тем или иным современником, свободно передвигаться в этом пространстве, выбирая маршрут в зависимости от предпочтений в использовании тех или иных самоописательных текстов.

При этом Россия 1917 г., рассматриваемая через призму эго-источников, оказывается разной не только потому, что воспоминания, дневники, травелоги и письма являются различными способами объективации прошлого. Специфика его нарративизации индивидом, помимо дисциплинирующих рамок того или иного эго-жанра, диктовалась ещё и особенностями жизненного опыта этого индивида. Для общего, интегрального ощущения революционной эпохи эта отличность не стала помехой, о чём свидетельствует первичная каталогизация революционных событий, присутствующая в любом эго-источнике о России 1917 г.

Так какой же была Россия 1917 г., зафиксированная в ощущениях современников?

Россия 1917 г. — это прежде всего страна, бесконечно идущая, едущая и/или бегущая, причём даже там, где речь идёт о привычно статичной деревне. Спешащий в Таврический дворец В. Оболенский, покидающий революционную Москву С. Толстой, отбывающая в деревню Р.-М. Хин-Гольдовская, едущая в Кисловодск Н. Горская, бегущий на Дон В. Терентьев [9, 10], — эти и другие создатели эго-документов зафиксировали, что события 1917 г. вслед за Первой мировой войной напрямую способствовали превращению всевозможных движений и передвижений в универсальный феномен, а самих мигрантов — в фактор, ведущий к реорганизации пространства, к «затиранию» старых и созданию новых географических границ. Дорога, вокзал, вагон и т.п. для того революционного года оказались не менее атрибутивно значимыми, чем многолюдные демонстрации или, скажем, продовольственные «хвосты» (фото 3).


1.

Воспоминанія

члена Государственной Думы
последняго созыва
Валеріана Валеріановича
Лашкевича.

1917-й годъ.

Петроградъ.

Фото 2. Титульный лист воспоминаний В. Лашкевича. Из фондов ГА РФ

«На привокзальной площади толпился народ. Здесь стояли тысячи солдат, ещё сотни лежали на телегах. Мы медленно пробирались через толпу, солдаты вокруг нас галдели, пытаясь заполучить право нести наш багаж. Иногда эта алчная жажда чаевых приводила к потасовкам и шумным ссорам, которые грозили закончиться вызовом доктора. Я выбрала двух солдат, казавшихся крепкими и более или менее спокойными. Они шли по обеим сторонам нашего багажа, одной рукой поддерживая его, а другой — не давая приблизиться другим солдатам, пытавшимся занять их места. Когда мы добрались до вокзала, они взяли багаж и стали пробиваться к поезду. Весь путь приходилось проделывать в настоящей борьбе. Какой бы то ни было порядок отсутствовал. Кажется, никто не знал, с какой платформы отправится поезд. Я следовала за ними по всей станции, пока, наконец, мы не дошли до платформы, от которой, как они сказали, будет отходить мой поезд. Нас окружала толпа из крестьян, солдат и женщин с детьми. У каждого было столько багажа, что хватило бы дюжине человек. Связки с матрацами, чайники, сундуки, корзины с едой и всё, что можно только представить... После получасового ожидания прибыл поезд. Я стояла неподвижно. Если бы я пошевелилась, то меня бы затоптали. Все как сумасшедшие бросились к нему...», — так характеризовала Ф. Харпер типичную картину всеобщего движения [11]. Перемещения при этом стали не просто синонимом революционного брожения. Охваченные хаосом дороги, вокзалы и поезда символизировали избыточность революционных измене-

Фото 3. Солдаты покидают фронт в июле 1917 г.
Из фондов Московского дома фотографии

ний, которых было слишком много, чтобы разглядеть в них закономерность или хотя бы рядоположенность.

Вместе с изменившимся восприятием пространства Россия 1917 г., просвеченная сквозь эго-источники, демонстрировала ещё и изменившееся отношение ко времени. Календарь революционного 1917 г., всё более и более отрываясь от привычного календаря, в качестве точек отсчёта времени предлагал теперь не только весну или осень, Рождество или Пасху. Он также наполнился совершенно новыми «до» и «после»: «после Февральской революции», «до Корниловских дней», «перед восстанием большевиков» и т.д., и т.п. Стоит ли удивляться, что практически любые я-свидетельства запечатлели эффект быстрого времени, ретроспективно казавшегося слишком малым, слишком тесным для той концентрации событий, которой отличался этот период. Более того, время стало другим, и даже его беспристрастная механика революционизировалась. В связи с этим 7 марта 1917 г. Р.-М. Хин-Гольдовская записала в своём дневнике: «*...Милиция, комиссары, декреты... Скоро, вероятно, и календарь перелицуем. Пойдут у нас плювиозы, мессидоры, фруктидоры. Как бы до термидора не докатиться*» [10] (фото 4).

Метаморфозы, случившиеся в России 1917 г. с такими базовыми для человека «вещами», как пространство и время, не просто наглядно демонстрировали масштабность и кардинальность революционных событий. Эти метаморфозы также означали, что «аутичность» частной человеческой жизни всегда относительна, а в эпоху системных трансформаций и вовсе сомнительна. «*Особенного ничего не было*», — записал в один из дней 1917 г. В. Суханин, очевидно, имея в виду, что

в его собственной жизни ничего примечательного не происходило [12]. Но эта фраза, помимо всего прочего, есть ничто иное, как попытка автора противопоставить своё индивидуальное бытие социальному событию, свою судьбу — судьбе своей страны. Это имплицитное противопоставление, это желание отодвинуть от себя «роковые минуты» истории красноречиво свидетельствовали, что в России 1917 г. приватное неумолимо отступало перед социально весомым, что в любую, даже самую личную из всех личных историй так или иначе проникала «большая история».

Историчность же событий, охвативших Россию в 1917 г., сомнений у их современников не вызывала. «*Так много исторического материала, что нет времени записывать*», — сокрушался по этому поводу М. Лихарев в мартовские дни 1917 г. [10]. «*Какие "сюжеты" мы готовим для будущих — лет эдак через сто — историков, романистов, драматургов!.. То-то будут нас благодарить...*», — восклицала в августе 1917 г. Р.-М. Хин-Гольдовская [10]. И даже Таня Ходолей-Рожкова, 13-летняя гимназистка, понимала, что на её глазах происходит что-то экстраординарное: «*На старости буду это вспоминать. Уж как сейчас громко выстрелила пушка, даже стёкла задрожали. Я хотела послушать, как стреляют пушки и в особенности пулемёты, и вот услышала. У меня сейчас я не знаю, какое у меня сейчас настроение, т.е. не знаю, как его описать словами*» [10]. Революция, таким образом, неумолимо разрушала обособленные личные миры россиян. Об этом же свидетельствует частое включение в эго-документы вырезок из текущей периодики (фото 5).

Современники революционных событий 1917 г., взирая на Россию, балансирующую где-то между «уже не» и «ещё не», вряд ли осознавали, насколько актуальной для неё станет проблема лиминальности как отдельно взятых социальных групп, так и общества в целом. Более того, они с большим трудом находили или не находили вовсе причинно-следственные связи между актуальными событиями. Одним из следствий этого «ненахождения» стало превращение России 1917 г. в заповедник самых невероятных кривотолков и домыслов. «*Ходят слухи, что генерал Крымов не сам застрелился, а его убил Керенский, которому Крымов дал пощёчину. Насколько это верно, выяснится... Ходят*

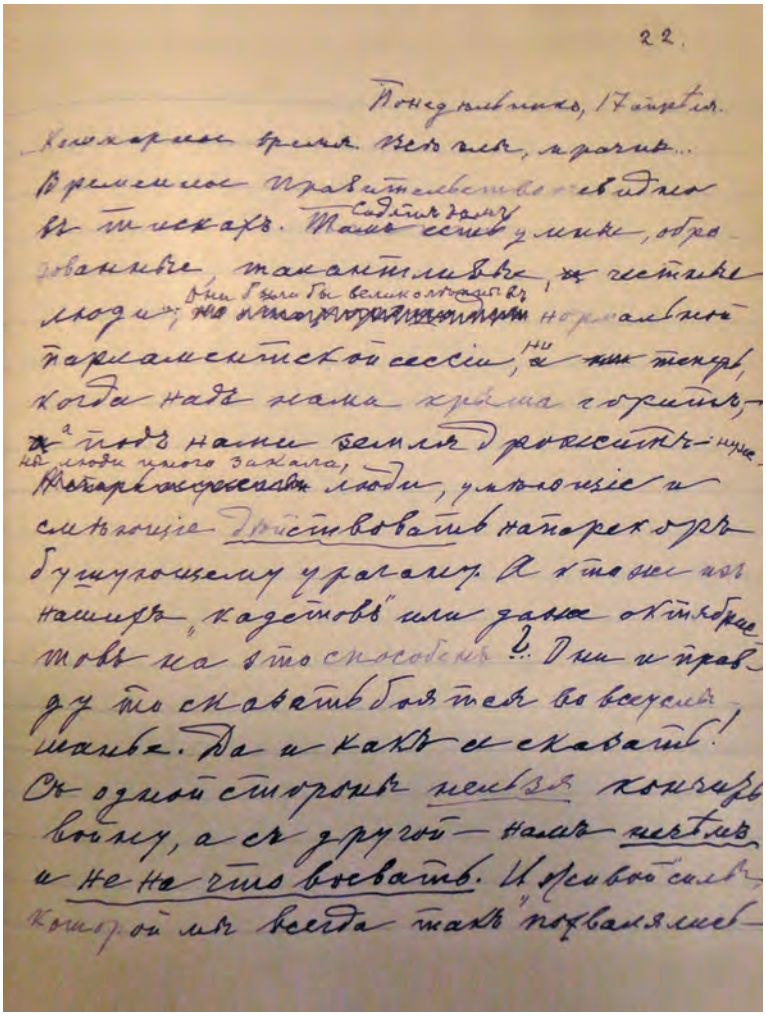


Фото 4. Фрагмент дневника Р.-М. Хин-Гольдовской. Из фондов ГА РФ

слухи, что выдвигается в ближайшем будущем диктатура, чья — не знаю, но со стороны будто бы октябристов. Всё чаще-чаще раздаются крики и в Петрограде: “Пусть будет хоть царь, но будет власть”», — корреспондировала из Петрограда в Екатеринбург В.Брославская [13].

«*Среди разнообразных слухов определённо циркулирует один: генерал Алексеев будет объявлен диктатором. Ему поручено составить временное правительство... Вчера разнёсся слух о смерти наследника. Бедный мальчик ни в чём не повинный и без вины виноватый... Если он умер, то это — милость Господня... Носится такой слух, будто англичане вместе с японцами желают привести нас в “порядок”...*», — отмечалось в дневниковых записях другой современницы [10].

«*У нас говорят, что побили в Москве народу 45 000. Кроме того, разбили Храм Христа Спасителя! И много кой-что ещё болтают*», — сообщал в письме брату А.Сысоев [14].

При этом если интеллигентные слои населения, будучи «“оголоушены” невероятностью событий» [10], всё-таки сохраняли способность хоть какой-то их оценки, их менее образованные сограждане просто ничего не понимали, не уставая удивляться происходящему вокруг: «*Одна баба остановила на улице одну мою тётю и спросила её: “Что же всё время кричат: “Пролетает, собирайтесь”. Ужели уже птицы в Петроград прилетели, и зачем же собираться?” Это достойно анекдота, но это, к сожалению, факт. Показывает, насколько русский народ пока понимает революцию*» [15].

Невероятность перемен, охвативших страну в 1917 г., фактически поставила их очевидцев перед фактом формирования новой реальности, в которой старые ориентиры уже не работали, что особенно выразительно зафиксировали эго-источники, созданные оказавшимися в 1917 г. в России иностранцами [16]. То, что они ожидали увидеть, и то, что они неожиданно увидели здесь, превратило образ

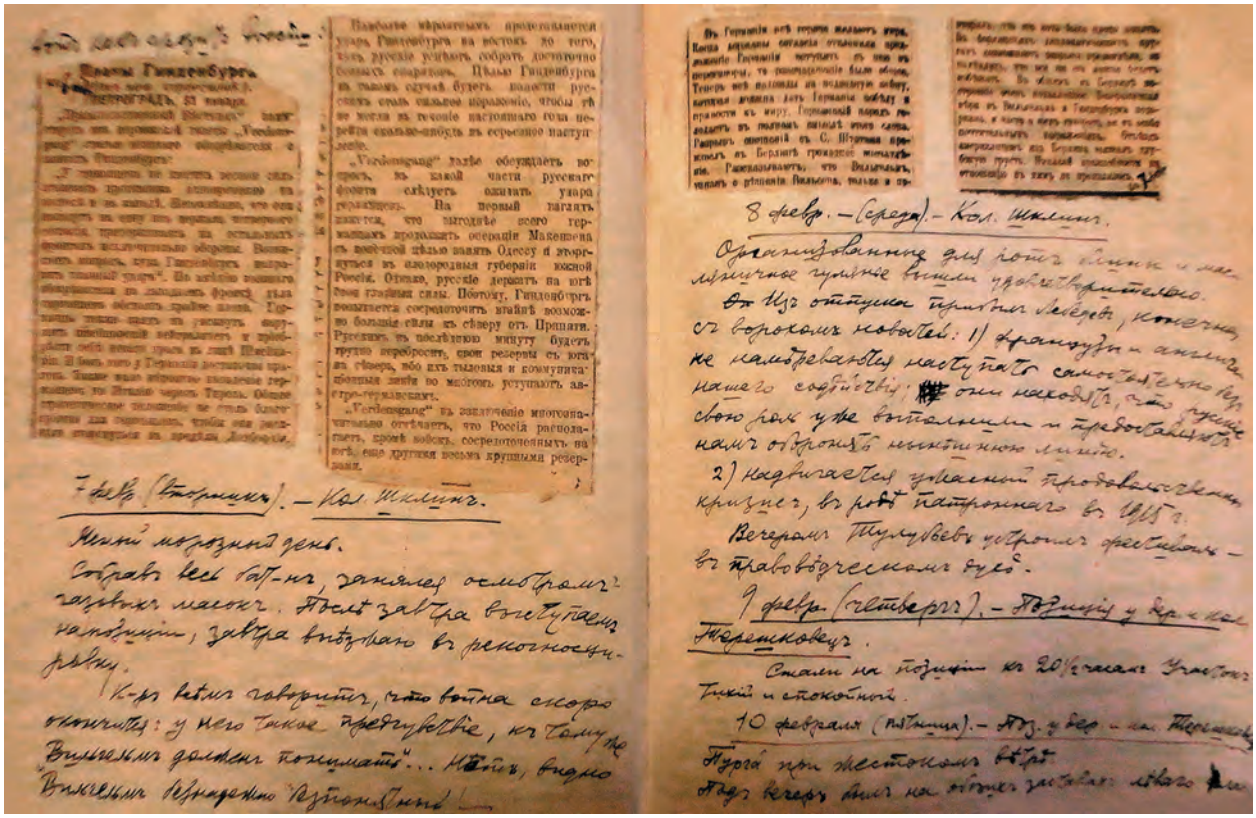


Фото 5. Фрагмент дневника Е. Дампеля. Из фондов ГА РФ

России в как минимум двоящийся, подвергнувшийся процессу кардинальной «пересборки» [17]. Между тем, иностранцами в России 1917 г. ощущали себя и сами россияне, для которых русская революция означала прежде всего перевёртывание традиционной социальной географии: прислуга теперь отдавала распоряжения, матросы и солдаты заседали в императорских дворцах, бабы шли воевать, офицеры торговали газетами, крестьяне и рабочие ехали на мирные переговоры... Эту изменившуюся Россию очень трудно было принять, что напрямую способствовало превращению любых само-свидетельств революционной эпохи в конструктивно сложные, излишне замысловатые нарративные ансамбли. «Худшее самовластье», «бесчисленные процессии», «сильные убийства», «страшные беспорядки», «полная анархия», «большая популярность» — эта и подобная ей риторика, ярко окрашенная коннотативно, засвидетельствовала, что для современников Великой русской революции важно было не столько рассказать о происходившем с ними и вокруг них, сколько попытаться оценить его и тем самым хотя бы частично вернуть утраченное чувство «определённости жизни» [18]. И чем острее оказывалось это чувство на фоне падения авторитета власти, разрыва центр-периферических связей и информационного вакуума, тем важнее для современника становилась сама возможность я-коммуникации.

При этом факт того, что в условиях стремительной депривации приватного пространства сепаратная жизнь как альтернатива общественно значимым социальным процессам становится всё более ценной, только подчёркивала принудительность, императивность действия этих процессов. Но почему происходило именно так, а не иначе? Почему обособленные индивидуальные миры россиян в 1917 г. «с быстротой вихря» [10] сдавали свои позиции и тылы? Ответ на этот вопрос содержится практически в любом эго-источнике того времени или о том времени, так или иначе затрагивая тему революционного насилия. Это насилие очаровывало современников своей невероятной бессмысленностью и бессмысленной невероятностью. Авторы различных эго-текстов, будучи вполне современными людьми, не понимали, почему цивилизация, сталкиваясь с агрессивным варварством, отступала перед ним. Они не знали, как это объяснить и уж тем более — что с этим делать. Однако, что показательно, уже в 1917 г. они понимали, что «цивилизационный обвал» [19] неминуем, что модерн со всем его конвенциональным многообразием социального будет сокрушён непримиримой архаикой, знающей только «чёрное» и «белое», «своё» и «чужое».

Определения её победе, в отличие от Н. Бердяева [20], многие современники не находили, что не мешало им быть весьма точными. «*Что-то будет и что-то страшное. Как-то мы расхлебаем заваривающуюся кашу!..*», — писал Е. Дампель ещё в середине февраля 1917 г. «*Чувствуется, что в России что-то случилось колоссальное...*», — *мрачно констатировал С. Толстой в конце октября 1917 г.* «*Будет ужасная внутренняя война...*», — предрекал в сентябре 1917 г. М. Чевеков вскоре разразившуюся в России гражданскую войну. «*Бешеный шквал сносит всё, чем мы жили... Фомы Опискины опутали всю Россию. А теперь, на смену, грядёт Пётр Верховенский с своими "тройками"*», — каким-то фантастическим образом предвидела Р.-М. Хин-Гольдовская то, что позже назовут сталинским правосудием [10].

Но, наделив тотальное насилие статусом сюжетной пружины русской революции 1917 г., были ли авторы эго-текстов просто провидцами? Обрисовывая в частных документах ближайшие перспективы истории России, они самим фактом их вербализации конструировали будущее. И то, что это слово вскоре отозвалось делом, не было случайностью. Воспроизво-

дя сценарии будущего в своих личных документах, их создатели фактически открывали ему дверь, и уже тем самым превращались из наблюдателей исторического процесса в его соучастников.

В любом случае эго-документы, как и другие источники, не позволяют дать однозначного ответа на вопрос, что же всё-таки получила Россия в 1917 г. — национальную катастрофу или выход из модернизационного тупика? В источниках эго-жанра, совокупность которых вполне может быть идентифицирована как полифонический роман, т.е. роман, в котором, по мысли М.М. Бахтина, голос любого героя самоценен и его «правда» равноправна с «правдами» других [21], тема 1917 г. в России вообще не звучит как тема цивилизационного выбора. Она звучит прежде всего как тема человека в ситуации формирования нового мира. И даже то, что революция неумолимо размыкала границы социально различных миров и заключала совершенно разных людей в пространство общей судьбы, не исключило возможности сосуществования отличных друг от друга мировоззренческих, а с ними и поведенческих моделей. Возможно, именно поэтому Россия 1917 г., познаваемая через те или иные эго-источники, и сегодня продолжает оставаться книгой, по всем параметрам соответствуя принципам «открытого произведения» У. Эко [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Egodocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages / Ed. by R. Dekker. Hilversum: Verloren, 2002.
2. Krusenstern von B. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 2. 1994. S. 462–471.
3. Lejeune Ph. Je est un autre: L'autobiographie, de la littérature aux médias. Paris: Editions du Seuil, 1980.
4. Presser J. Memoires als geschiedborn // Winkler Prins Encyclopede. Vol. VIII. Amsterdam: Elsevier, 1958. P. 208–210.
5. Schulze W. Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin: Academie Verlag, 1996.
6. Дубин Б. Границы и ресурсы автобиографического письма (по запискам Евгении Киселёвой) // Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса: Вторые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб.: Норд-Вест, 2005. С. 19–28.
7. Статус документа: Окончательная бумажка или отчуждённое свидетельство?: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
8. Эпштейн М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 1. С. 257–269.
9. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
10. Россия 1917 года в эго-документах: Дневники. М.: Политическая энциклопедия, 2017 *(в печати)*.
11. Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортёра. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
12. Вебер М.И., Суржикова Н.В. «Особенного ничего не было»: Петроград 1917 года в дневнике военного цензора В.В. Суханина // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 41–51.
13. Государственный архив Свердловской области. Ф. 95. Оп. 1. Д. 143. Л. 17–20, 23–24.
14. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 424. Оп. 2. Д. 318. Л. 157.

15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–2 об.
16. Rappaport H. Caught in the Revolution: Petrograd, 1917; London: Windmill Books, 2016.
17. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
18. Вебер М.И., Лебеденко Е.Ю., Суржикова Н.В. «Проклятый Петроград», «полная анархия» и «гражданская темнота»: Россия 1917 года в частной переписке современников // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2016. № 3 (34). С. 75–89.
19. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
20. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин: Обелиск, 1924.
21. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
22. Эко У. Открытое произведение. СПб.: Академический проект, 2004.

ENGLISH

Russia of 1917 in national and foreign ego-documents

Surzhikova Natalia Viktorovna is DSc in History, leading researcher of the Institute of History and Archaeology of the Urals branch of the Russian Academy of Sciences, head of the project "Russia of 1917 in national and foreign ego-documents" (15-31-12033а/ц).
E-mail: snvplus@mail.ru

The article focuses on the coverage of 1917 events in Russia in the so-called ego-documents — memoirs, diaries, travelogues and personal correspondence. It is emphasized that personal documents are diverse forms of not just describing personal experience, but also objectivation of the past.

Keywords: Russia, 1917, ego-document theory, letters, diaries, memoirs, records, travel literature, publication of historical sources

REFERENCES

1. Egodocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages / Ed. by R. Dekker. Hilversum: Verloren, 2002.
2. Krusenstern von B. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 2. 1994. S. 462–471.
3. Lejeune Ph. Je est un autre: L'autobiographie, de la littérature aux médias. Paris: Editions du Seuil, 1980.
4. Presser J. Memoires als geschiedborn // Winkler Prins Encyclopede. Vol. VIII. Amsterdam: Elsevier, 1958. P. 208–210.
5. Schulze W. Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin: Academie Verlag, 1996.
6. Dubin B. Granitsy i resursy avtobiograficheskogo pis'ma (po zapiskam Evgenii Kiselyovoj) // Pravo na imya. Biografiya kak paradigma istoricheskogo protsessa: Vtorye chteniya pamyati Veniamina Iofe. SPb.: Nord-Vest, 2005. S. 19–28 (in Russian).

7. Status dokumenta: Okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdyonnoe svidetel'stvo?: Sbornik statej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013 (in Russian).
8. Epshtejn M. Skriptorika. Vvedenie v antropologiyu i personologiyu pis'ma // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 1. S. 257–269 (in Russian).
9. Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh: Vospominaniya. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015 (in Russian).
10. Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh: Dnevniki. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017 *(v pechati)* (in Russian).
11. Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh: Zapiski reportyora. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2016 (in Russian).
12. Veber M.I., Surzhikova N.V. «Osobennogo nichego ne bylo»: Petrograd 1917 goda v dnevnike voennogo tsenzora V.V. Sukhanina // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2017. № 3 (56). S. 41–51 (in Russian).
13. Gosudarstvennyj arkhiv Sverdlovskoj oblasti. F. 95. Op. 1. D. 143. L. 17–20, 23–24 (in Russian).
14. Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. F. 424. Op. 2. D. 318. L. 157 (in Russian).
15. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv. F. 1006. Op. 1. D. 114. L. 1–2 ob. (in Russian).
16. Rappaport H. Caught in the Revolution: Petrograd, 1917; London: Windmill Books, 2016 (in Russian).
17. Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003 (in Russian).
18. Veber M.I., Lebedenko E.Yu., Surzhikova N.V. «Proklyatyj Petrograd», «polnaya anarkhiya» i «grazhdanskaya temnota»: Rossiya 1917 goda v chastnoj perepiske sovremennikov // Vestnik Permskogo un-ta. Ser. Istoriya. 2016. № 3 (34). S. 75–89 (in Russian).
19. Narskij I.V. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1918 gg. M.: ROSSPEN, 2001.
20. Berdyaev N.A. Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy. Berlin: Obelisk, 1924 (in Russian).
21. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972 (in Russian).
22. Eko U. Otkrytoe proizvedenie. SPb.: Akademicheskij proekt, 2004.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902.2, 904
ГРНТИ 03.41.01

В.Ю. КОВАЛЬ, Т.Д. ПАНОВА,
Н.А. КРЕНКЕ, Г.Е. ДУБРОВИН,
А.С. АЛЁШИНСКАЯ, А.А. КАРПУХИН*

Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований

Проанализированы материалы, полученные в ходе раскопок 2007 г. в Нижнем Тайницком саду Московского Кремля на площади 700 кв. м. Здесь выявлены шесть усадеб с более чем 100 деревянными постройками XIV–XVII вв., а также две древние дороги. Получены данные для палеоэкологических реконструкций, изучения системы питания населения. Обоснована новая для Москвы шкала керамики, базирующаяся на различиях в формовочных массах. Эти результаты позволили существенно изменить прежние представления истории заселения юго-восточной части Кремля.

Ключевые слова: археология, Московский Кремль, средневековье, деревянные постройки, керамика, исторические реконструкции

* **Коваль Владимир Юрьевич** — кандидат исторических наук, заведующий отделом Института археологии (ИА) РАН, руководитель проекта «Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований» (14-01-00062а).
E-mail: kovaloka@mail.ru

Панова Татьяна Дмитриевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля, исполнитель того же проекта.
E-mail: alec@kremlin.museum.ru

Кренке Николай Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: nkrenke@mail.ru

Дубровин Геннадий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: gendub@mail.ru

Алёшинская Анна Сергеевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: asalesh@mail.ru

Карпухин Алексей Александрович — научный сотрудник ИА РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: Karpukhin.A@rambler.ru

Исследовательский проект «Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований» имел целью обработку, анализ и подготовку к последующей публикации обширных коллекций и полевой документации, которые были получены в ходе совместных раскопок Института археологии РАН и Музеев Московского Кремля, проводившихся летом 2007 г. на территории Нижнего Тайницкого сада Кремля (рис. 1–3). Значение этих раскопок было очень велико, поскольку они стали первыми после 1959 г. (работы Н.Н. Воронина при строительстве Кремлёвского Дворца съездов) масштабными археологическими раскопками на территории Кремля. Раскопки 2007 г. проводились в сжатые сроки, предваряя новое строительство, но при этом отличались масштабностью (общая вскрытая площадь достигала 700 кв. м при мощности культурного слоя от 3 до 10 м) и максимальной тщательностью соблюдения методики подобных работ. Раскопки проходили под непосредственным контролем и руководством директора Института археологии РАН академика Н.А. Макарова при участии руководителей структурных подразделений Института А.В. Энговатовой и Л.А. Беляева, а со стороны Музеев Московского Кремля — Т.Д. Пановой и Д.О. Осипова. Методическое и организационное руководство раскопами осуществляли В.Ю. Коваль, Н.А. Кренке, О.М. Олейников. Отчёт о раскопках, состоявший из 10 томов, смог представить лишь фиксационную составляющую проделанной работы [1], а для аналитического осмысления всего массива собранной информации потребовались дополнительные время и средства. Благодаря финансовой поддержке Фонда эта задача успешно выполнена.

Работы 2007 г. проводились на двух раскопах. На более крупном раскопе 1 (площадью более 500 кв. м) было исследовано свыше 130 различных сооружений (погребов, наземных построек, частоколов, уличных мостовых и т.п.), выявлена их планировка, собрана большая коллекция вещевых находок и стратифицированная коллекция керамики, обнаружена московская берестяная грамота № 3 с самым большим в России текстом, написанном чернилами [2] (рис. 4).

Не менее интересным был раскоп 2, располагавшийся рядом с Беклемишевской башней Кремля. Хотя его площадь существенно меньше (175 кв. м) и не на всей этой площади удалось довести раскопки до материка (по условиям техники безопасности), именно здесь были зафиксированы напластования мощностью до 10 м. В результате была получена уникальная по мощности стратиграфическая колонка культурного слоя Московского Кремля, для нижней части которой получена радиоуглеродная дата возрастом 1290 ± 50 лет, не имеющая, правда, отношения к городским отложениям [3, с. 109]. На этом же раскопе найдена московская берестяная грамота № 2 (рис. 5), представлявшая собой обрывок разграфленной

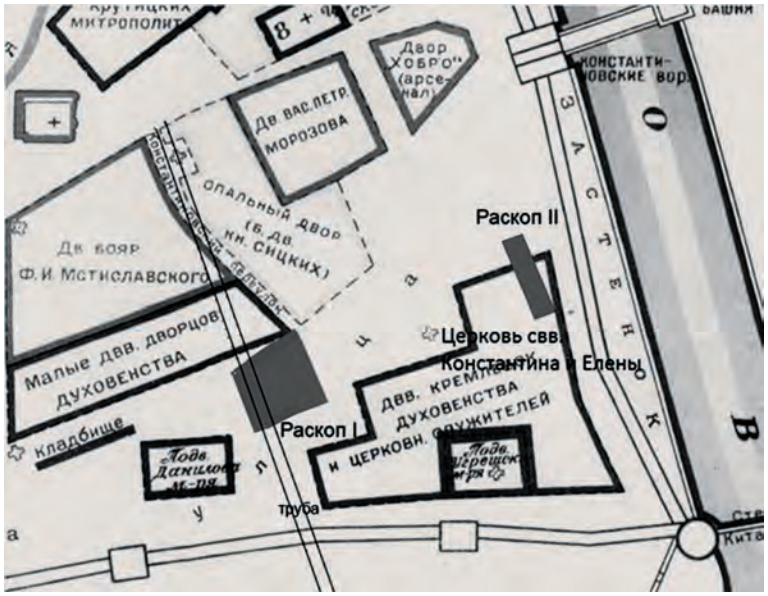


Рис. 1. Ситуационный план размещения раскопов в Тайницком саду

Рис. 2. Раскоп 1 в ходе исследований (июнь 2007 г.)

Рис. 3. Академик Н.А. Макаров на раскопках в Тайницком саду

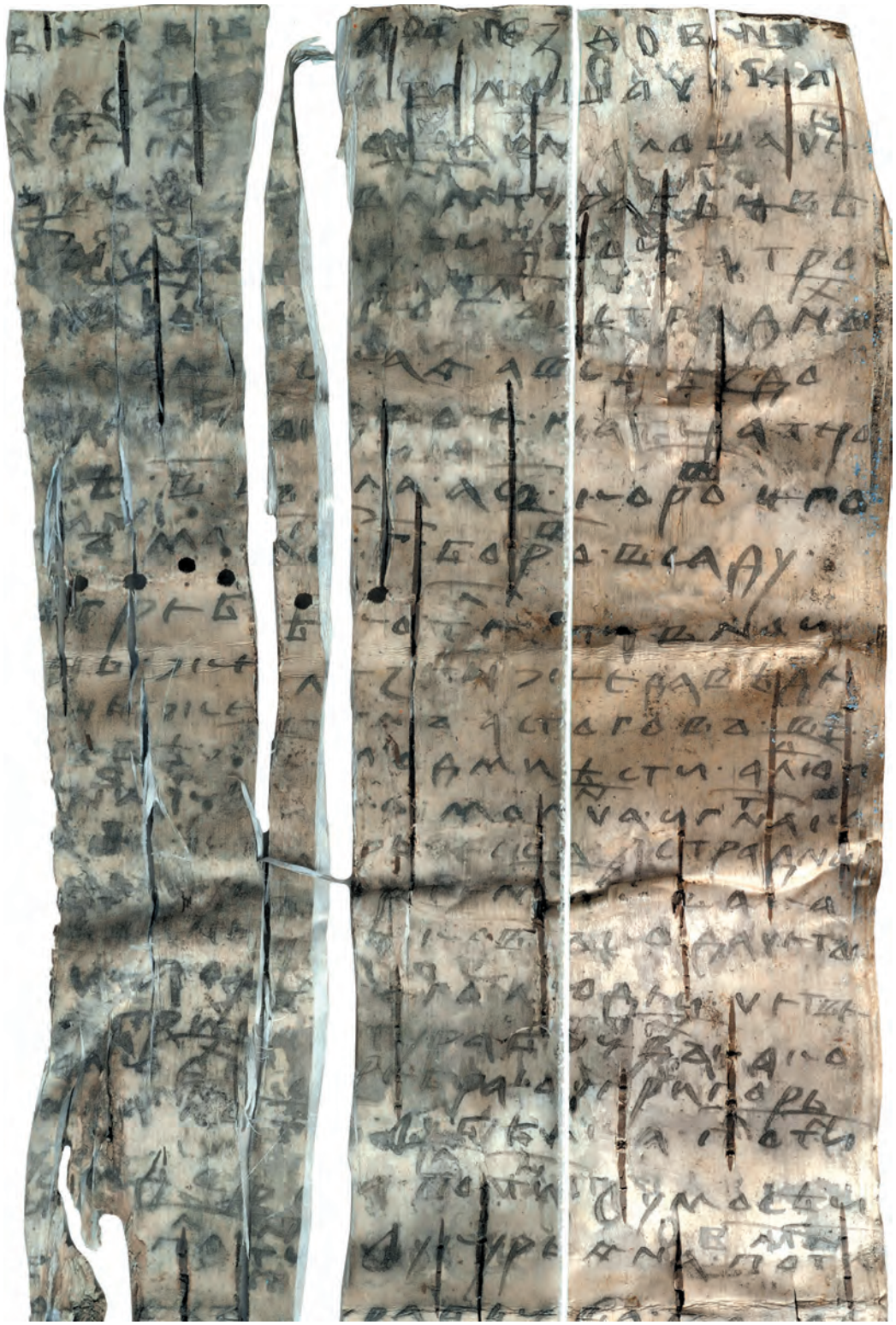


Рис. 4. Московская берестяная грамота № 3

заготовки для написания какого-то документа с отдельными процарапанными словами.

Таким образом, раскопки в Тайницком саду дали уникальные находки и не менее уникальный научный материал. Наиболее важной его частью были, безусловно, многочисленные постройки, располагавшиеся на усадьбах вдоль улицы, которая была впервые зафиксирована в Кремле

методами археологии (хотя, конечно, не было никаких сомнений, что уличная планировка имелась тут изначально).

Аналитические и компаративные исследования сопровождались историографическими изысканиями, направленными на сбор информации о пункте производства работ, его окружении, истории изучения Тайницкого сада, в том числе методами полевой археологии [4].

Одним из важнейших результатов исследования стала разработка ярусологии раскопа 1 [5], впервые проведённая на материалах не только Кремля, но и Москвы в целом, поскольку на остальной территории города ярусология деревянных построек никогда ранее не разрабатывалась. Такая удача оказалась возможной благодаря уникальной сохранности древесных остатков XIII–XVII вв., сопоставимой с сохранностью древесины в Великом Новгороде. В то же время большую трудность для выполнения этой работы представляла микротопография участка исследований: он размещался на очень неровной поверхности, в древности здесь находился край оврага и начинался довольно крутой склон в сторону поймы р. Москвы. По этой причине постройки, относившиеся к одному строительному ярусу (т.е. хронологически близкие) могли располагаться на разных глубинных отметках, перепад которых мог превышать 1 м.

Рис. 5. Московская берестяная грамота № 2

Выделены 6 относительно стабильных территориальных единиц — усадеб. При этом в основу использованной методики было положено сочетание локальных ярусных шкал (по группе из трёх усадеб на территории оврага (А, Б, В) и по отдельным усадьбам «юго-восточного склона» (Г, Д, Е) в сочетании с улицей) с общими для всей территории горизонтами. Всего таких горизонтов насчитывается 30 (рис. 6). Всё это даёт представительную и одновременно детальную картину застройки территории раскопа, менявшейся на протяжении 400 лет.

Изучение застройки территории в динамике позволило выявить две древние дороги, ведшие:

- к церкви свв. Константина и Елены, а также к одноимённой проездной кремлёвской башне (с XV в. улица с деревянным замощением);
- на Кремлёвский холм (впоследствии переулок, вероятно, известный из письменных источников как Константино-Еленинский). Последний совпадал

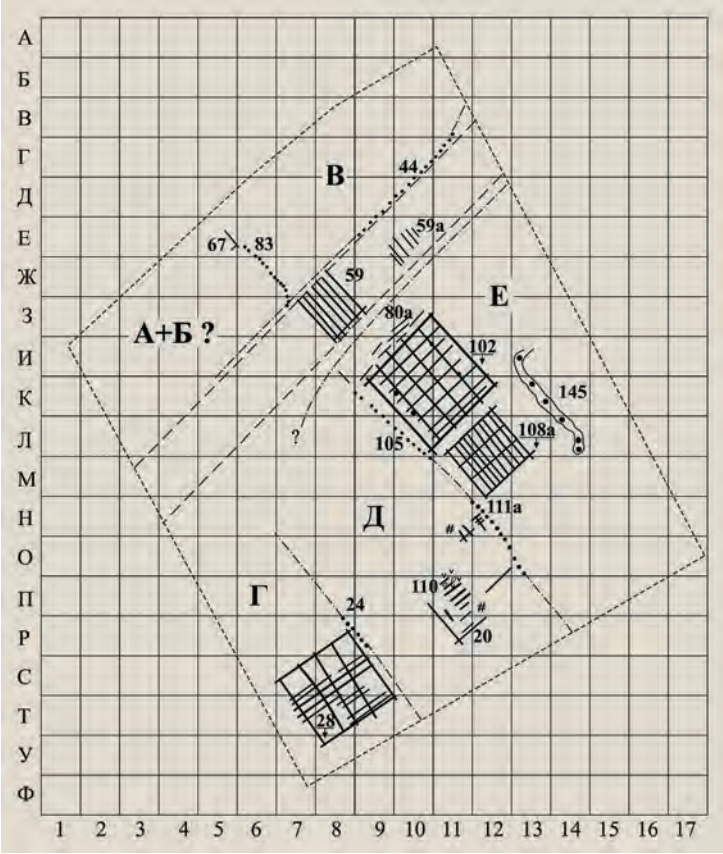


Рис. 6. Раскоп 1. План яруса застройки первой четверти XVI в.

с трассой дренажной трубы (в источниках «Труба»), спускавшейся вниз с холма. Скорее всего, после прокладки дренажной трубы произошла кардинальная перепланировка территории.

В ходе исследования изучено, описано и систематизировано около 150 построек (наземных и впускных). Среди них представлены как отдельные сооружения (наземные: жилые и хозяйственные; погреба; ограды; настилы, в том числе уличные мостовые и т.д.), так и комплексы, сочетающие несколько связанных между собой построек, а также хронологические (вертикальные) «цепочки» однотипных сооружений (чаще всего погребов, но иногда и наземных построек), последовательно и стабильно сменявших друг друга на одном и том же месте иногда в течение довольно длительных промежутков времени (до 100 и более лет).

Исследованные постройки могут быть разделены на 2 группы:

1) наземные, без углублённых частей (подполий, подклетов и т.п.)
2) углублённые или впускные (у которых надземные части фиксировались не всегда).

Все наземные постройки срубные, углы рублены «в обло» с чашкой в нижнем венце (с припазовкой и без). Лишь у двух из них сохранились остатки столбовых опечков и находившихся на них печей (свидетельства того, что, скорее всего, это были жилые дома). Остальные наземные постройки вошли в раскопы частично, без отопительных сооружений, что затрудняет выделение жилых из их числа. Однако по крайней мере у трёх из них обнаружены завалины, что также с определённой долей вероятности позволяет отнести эти сооружения к жилым домам.

Впускные постройки были заглублены в грунт не менее чем на 1 м (в тех случаях, когда сохранились перекрытия, глубина их заложения составляла около 1,5 м). В большинстве из них прослежены остатки лестниц, а также дренажных водосборников (обычно в виде заглублённых в грунт бочек). По конструкции крепежа стенок эти сооружения можно разделить на три типа [6]:

- срубные (большинство сооружений — 15 шт.) (рис. 7);
- бревенчатые с углами встык (2 шт.);
- каркасно-столбовые, с дощатой обшивкой (2 шт.).

Определения пород древесины построек [7, с. 278–283] показали, что наземные части домов на кремлёвском Подоле строились только из хвойных пород (почти исключительно из сосны), тогда как срубы погребов и подполий, опускавшихся в сырой грунт, предпочитали строить из дуба, поскольку его древесина лучше иных пород противостоит влаге и гниению. Частокольные ограды изготавлива-

лись только из хвойных пород. Следовательно, предпочтения той или иной древесине при строительстве отдавали исключительно в зависимости от того, какое именно сооружение и даже какую часть здания собирались возводить.

В ходе проведения дендрохронологического анализа была собрана обширная коллекция образцов древесины, насчитывающая 191 поперечный спил с брёвен. Чуть более половины (52%) изученной дендрохронологической коллекции составили спилы с брёвен хвойных пород, остальные образцы принадлежали дубу. Однако отсутствие дендрохронологических шкал по дубу лесной зоны Восточной Европы не позволило на нынешнем этапе полноценно использовать этот источник. Из состава хвойных образцов доля молодого леса (до 50 лет) составляет 34%, более половины (53%) древесных стволов хвойных пород имеют биологический возраст от 50 до 100 лет и около 13% — свыше 100 лет.

Несмотря на недостаток образцов с оптимальным числом годичных колец, удалось всё же установить порубочные даты для ряда построек, в том числе и тех, которые датировались по археологическому материалу в их заполнении. Датирование осуществлялось путём перекрёстного сравнения с материалами различных археологических памятников из архива кабинета дендрохронологии Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН. Результатом сравнительного анализа стала датировка ряда построек в интервале конца XIII–XIV в. Во всех случаях порубочные даты оказались раньше дат археологического материала, что позволяет с доверием относиться к результатам дендрохронологического датирования и убедиться в правильности датировки по керамическому материалу.

Рис. 7. Срубная конструкция погреба XVI в. (сооружение Т1-23)

В ходе археологических работ 2007 г. в самых широких масштабах производился отбор образцов для различных естественно-научных исследований (почвоведческих, археоботанических, археозоологических и др.). В частности, на склоне Кремлёвского холма, обращённого к реке Москве, было заложено два палинологических разреза в раскопах 1 и 2, где вскрыта достаточно мощная толща отложений, которая представляет собой сложнопостроенный культурный слой. В этих разрезах, помимо автохтонных отложений, содержатся фрагменты сохранившихся деревянных строений, отмостка дороги, многочисленные линзы и маломощные прослои древесного угля, строительный мусор в виде обломков кирпича, щепы, известняка, бересты, костей, скопления навоза, заполнившего яму с чётко очерченными границами. Всё это говорит о том, что территория была плотно заселена, а отложения склона неоднократно подвергались переносу и перемешиванию. Эти обстоятельства привели к существенному изменению первоначальной естественной последовательности залегания склоновых отложений, а иногда – к существенному преобразованию их состава. Обработать этот банк данных удалось только в ходе выполнения проекта.

В каждом разрезе из всех литологических разностей были отобраны пробы (65 образцов) для палинологического анализа с интервалом 5–10 см. Было выделено несколько спорово-пыльцевых комплексов. Исходя из особенностей палинологических спектров, в формировании отложений, вскрытых в этих разрезах, можно выделить три этапа. Первый этап включает накопление органогенных отложений с большим количеством пыльцы и спор хорошей сохранности, что в большей степени свидетельствует о непотревоженном характере содержащихся в них спектров, и только частично спектры формировались под влиянием человеческой деятельности. Этот этап характеризуется спорово-пыльцевыми комплексами с I по V из раскопа 1 (рис. 8) и комплексами I–VII из раскопа 2. Анализ спектров комплексов показал, что в целом спектры этого этапа близки по составу, их основное отличие заключается в чередовании доминирующих форм. Среди древесных пород это пыльца широколиственных пород и сосны, в группе травянистых и кустарничковых растений — пыльца злаков и разнотравья. Окончательно решить вопрос, чем это обусловлено — изменением климата или перемешиванием отложений, связанным с деятельностью человека, — пока сказать трудно.

Для второго этапа характерны аллохтонные отложения, условия, формирование которых в значительной степени связано с деятельностью человека. В образцах, вмещающих эти комплексы, насыщенность пыльцой и спорами сильно отличается. В некоторых образцах микрофоссилии полностью отсутствуют. Иногда состав спектра очень близко повторяет состав, характерный для предыдущего этапа, что наводит на мысль о переотложении осадков. Второй этап характеризуется спорово-пыльцевыми комплексами, приуроченными в значительной степени к отложениям, которые связаны с хозяйственной деятельностью человека, строительным мусором, проявлениями пожаров на изучаемой территории. Поскольку второй этап представлен комплексами, выделенными в перемешанных слоях автохтонных отложений, давать описание растительности для данного этапа было бы некорректно.

И, наконец, третий этап отличается как непотревоженным составом спектров, так и переотложенными компонентами. Он представлен одним (XII) спорово-пыльцевым комплексом из раскопа 1 и двумя спорово-пыльцевыми комплексами (XIII и XIV) из раскопа 2. Третий этап отражает постепенные изменения от благоприятных климатических условий к более холодным.

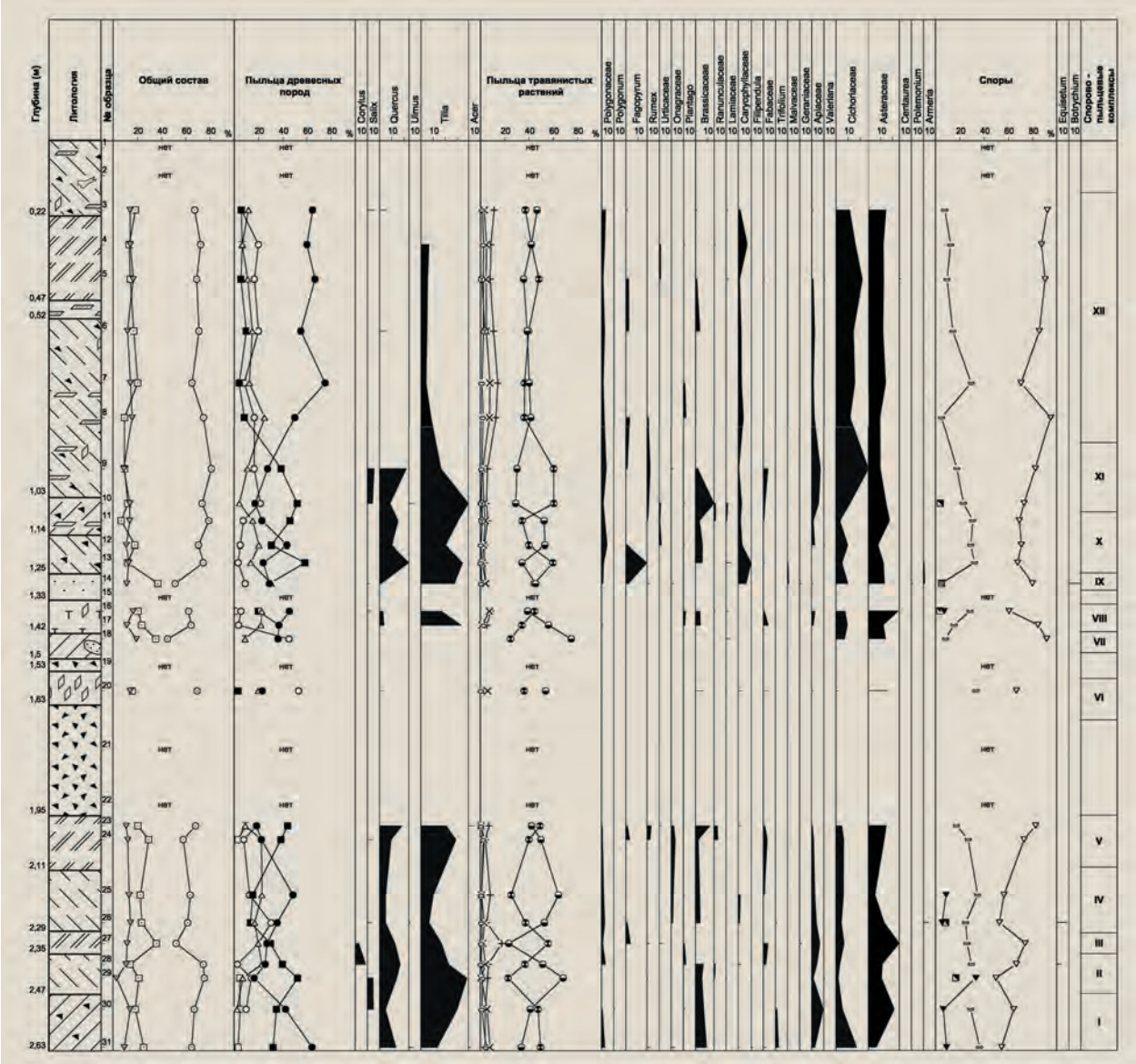


Рис. 8. Палинологическая колонка раскопа 1

Здесь представлены лишь некоторые результаты естественно-научных исследований, проведённых в ходе выполнения проекта, полный их корпус будет опубликован в подготавливаемом монографическом исследовании.

Разумеется, основной массив археологического материала, полученного при раскопках, составляли вещевые находки (более 3000 экз.) и керамика (более 100 тыс. обломков). Все категории древностей, поступивших на постоянное хранение в Музеи Московского Кремля, прошли полный цикл исследований, систематизированы, и по ним получена важная итоговая информация. Сформированные коллекции приобретают значение эталонных для Москвы в связи с тем, что значительная их часть происходит из хорошо датированных условно-закрытых комплексов (заполнений погребов и иных построек). Следует отметить многочисленные импортные предметы, хорошей сохранности кожаные изделия (обувь, сумки, чехлы и т.п.), важную коллекцию культовой металлопластики (кресты-тельники, миниатюрные иконки), предметы вооружения, предметы настольных игр (шахматные фигуры и пр.), изделия из дерева, кости и рога (рис. 9). В то же время обнаружено

Рис. 9. Костяная пластина с резным декором

минимальное количество находок, маркирующих слои домонгольского времени (стеклянные браслеты, шиферные пряслица), что подтверждает вывод о слабой освоенности изученного участка Кремля в домонгольское время. Все перечисленные (и не вошедшие в данный список) категории памятников материальной культуры обладают весомым научным потенциалом.

В качестве примера использования такого потенциала можно назвать исследование самой массовой категории находок — обломков бытовой керамики (рис. 10). Почти четверть из массива керамического материала удалось обработать по современной методике статистической фиксации [8], т.е. с учётом признаков технологии, морфологии, функции и декора керамики, получив огромный корпус принципиально новой информации о керамике Москвы, который никогда ранее не поступал в руки исследователей [9, 10].

Благодаря обработке этого массива данных удалось получить следующие результаты, касавшиеся как местной (изготовленной в Москве и окрестностях), так и импортной керамики:

1. Дана полная характеристика восьми эталонных (наиболее многочисленных) комплексов керамики, которые происходили из заполнения построек, заглублённых в материк. Для этих комплексов надёжно установлена их хронология путём сопоставления датирующих возможностей самой керамической шкалы, узкодатированных вещевых находок и их корреляции с дендрохронологическими определениями. При сопоставлении статистических характеристик упомянутых восьми комплексов с 19 другими, менее многочисленными, надёжно установлены даты формирования этих комплексов. Хронологический диапазон комплексов соответствует XIV–XVII вв. Это означает, что впервые получены подробные характеристики технологии изготовления, морфологии (детали профилировки) и декора керамики, бытовавшей в Московском Кремле на длительном промежутке времени. Впоследствии это позволит проводить более «тонкие» сравнения керамических комплексов.
2. Разработана альтернативная шкала московской средневековой керамики, базирующаяся не столько на разнице в цвете использовавшихся глин (как в шкале Рабиновича—Розенфельдта), приме-

нявшихся в московской археологии на протяжении второй половины XX в.), а прежде всего на различиях в составе формовочных масс. Эта шкала дополнена систематикой днищ, венчиков горшков и орнаментации посуды. Полученные статистические данные позволяют давать более дробную характеристику керамических комплексов и статистически учитывать значительное число признаков, ранее остававшихся вне пределов научной фиксации (например, процентный состав венчиков разных типов в комплексах, структуру разных типов орнаментации керамики — линейной, волнистой и т.п.).

3. Использование новой керамической шкалы позволило уточнить хронологию разных видов керамики Москвы и более точно проследить те изменения, которые происходили в московском гончарстве и в сфере потребления кухонной и столовой керамики на протяжении XIV–XVII вв. Получены новые свидетельства, подтверждающие важные изменения в гончарстве средневековой Москвы: появление производства краснолощёной посуды в конце XIV – начале XV в., производства гжельской белоглиняной керамики не ранее конца XV в., а чернолощёной московской — не ранее второй четверти XVI в. С одной стороны, полученные даты подтверждают выводы предшествующих исследователей, с другой — уточняют прежние представления о хронологии смены керамики разных типов на рынке Москвы.
4. Установлено наличие в Подмосковье центра по производству керамики из слабоожелезненных глин, функционировавшего в XV в., продукция которого попадала в Московский Кремль.
5. Выявлены основные страны-поставщики столовой глазурованной керамики — Золотая Орда и Китай (XIV в.), Турция (XV–XVI вв.), Иран (XV–XVII вв.). Впервые в Москве и всей средневековой Руси обнаружены образцы турецкой поливной керамики с красным фоном для подглазурной росписи (рис. 11), датировка которой возможна в пределах середины – второй половины XVI в. Установлен факт ввоза в Москву поливной керамики из неизвестного центра, размещавшегося, вероятно, в Малой Азии, на рубеже XIV–XV вв. или в начале XV в.

Рис. 10. Кухонная керамика из комплексов построек XIV в.

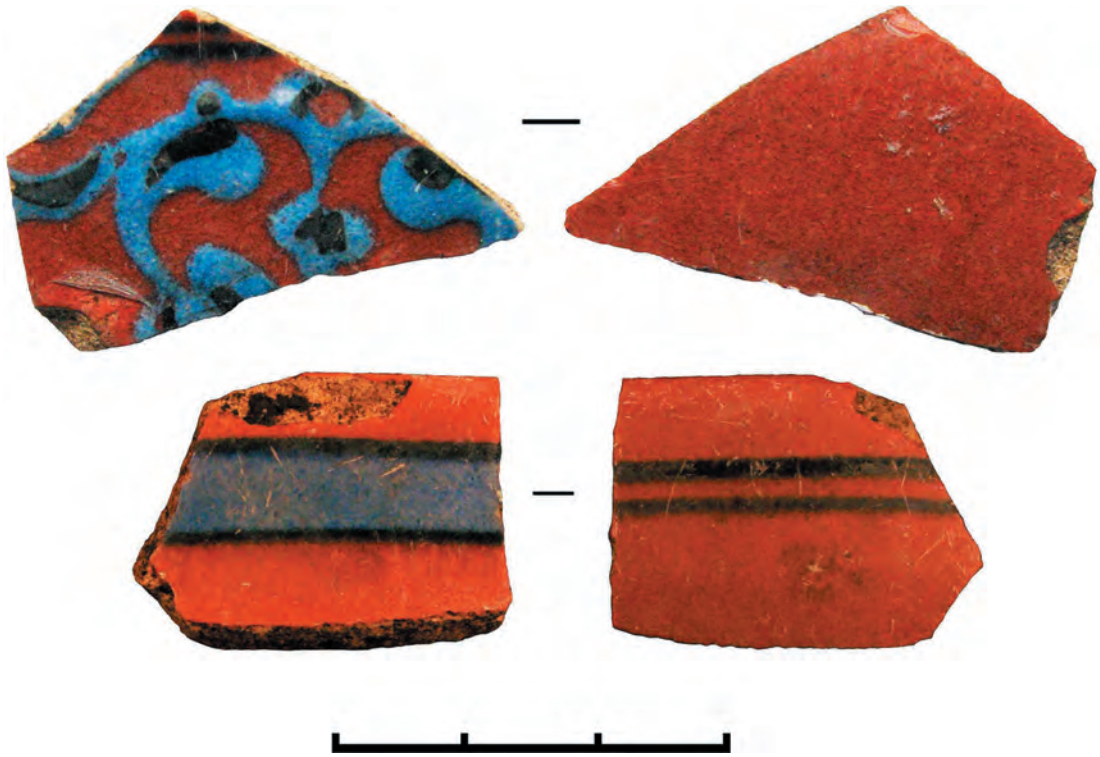


Рис. 11. Турецкая керамика XVI в. с росписью по красному фону

6. Подтверждено, что западноевропейская керамика в XIV–XVI вв. спорадически проникала в Москву, однако с XVII в. её импорт постепенно возрастает и к XVIII в. уже становится доминирующим.

В результате выполнения проекта получен чрезвычайно объёмный корпус принципиально новой информации не только о древностях Московского Кремля, но также о материальной (и духовной) культуре всей средневековой Москвы. Собранный материал вызывает необходимость пересмотра многих устоявшихся представлений и стереотипов. Эти корректировки будут иметь значение для осмысления археологии всего русского средневековья, для выработки современной научной парадигмы истории средневековой Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ИА РАН. Р-1. № 29009–29018. Панова Т.Д., Коваль В.Ю. Отчёт об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 году. М., 2008.
2. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. Т. 1. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.
3. Кренке Н.А., Глазунова О.Н., Ершов И.Н., Олейников О.М. Стратиграфический раскоп на подоле Московского Кремля // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 243. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 107–126.
4. Панова Т.Д. Раскопки в Тайницком саду и история археологического изучения территории Подола Боровицкого холма Москвы в XIX–XX вв. // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 243. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 92–107.

5. Дубровин Г.Е., Коваль В.Ю. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) // Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 94–110.
6. Коваль В.Ю., Дубровин Г.Е. Деревянное домостроительство XIV–XVI вв. в Московском Кремле (по материалам раскопок 2007 г.) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский ин-т РТЭГУ, 2011. С. 189–192.
7. Гольева А.А. Древесина в домостроительстве центра Москвы // Археология Подмосковья. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2015. С. 278–283.
8. Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016.
9. Коваль В.Ю. Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 г. // Археология Подмосковья. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 254–286.
10. Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2016. Вып. 12. С. 437–475.

ENGLISH

Podol (low part) of Moscow Kremlin on materials of archaeological research

Koval Vladimir Yuryevich is PhD in History, Head of the Department of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS), Head of the project "Podol of Moscow Kremlin on materials of archaeological research" (14-01-00062a).
E-mail: kovaloka@mail.ru

Panova Tatiana Dmitrievna is DSc in History, leading scientific associate of the Moscow Kremlin Museums, researcher in the same project.
E-mail: alec@kremlin.museum.ru

Krenke Nikolay Aleksandrovich is DSc in History, Leading Researcher of the IA RAS, researcher in the same project.
E-mail: nkrenke@mail.ru

Dubrovin Gennady Evgenievich is PhD in History, senior researcher of the IA RAS, researcher in the same project.
E-mail: gendub@mail.ru

Aleshinskaya Anna Sergeevna is PhD in Geography, senior researcher of the IA RAS, researcher in the same project.
E-mail: asalesh@mail.ru

Karpukhin Alexey Aleksandrovich is research fellow at the IA RAS, researcher in the same project.
E-mail: Karpukhin.A@rambler.ru

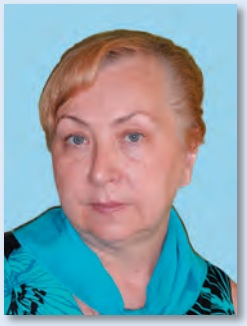
The materials obtained during the excavation in the Lower Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin on an area of 700 sq. m of 2007 were analyzed. There are 6 estates with more than 100 wooden buildings dating back to the 14th–17th centuries, as well as 2 ancient roads were detected. New data for paleo-ecological reconstructions, the study of the population's nutrition system were obtained. A new scale for ceramics based on differences in the pastes is substantiated. These results have made it possible to significantly change the old representations about the history of the settlement of the southeastern part of the Kremlin.

Keywords: archeology, the Moscow Kremlin, the Middle Ages, wooden buildings, ceramics, historical reconstructions

REFERENCES

1. Arkhiv IA RAN. R-1. № 29009–29018. Panova T.D., Koval' V.Yu. Otchyot ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Tajnitskogo sada v Moskovskom Kremle v 2007 godu. M., 2008 (in Russian).
2. Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Koval' V.Yu. Berestyanaya gramota iz raskopok v Moskovskom Kremle // Moskovskij Kreml' v XV stoletii. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki. T. 1. M.: Art-Volkhonka, 2011. S. 452–455 (in Russian).
3. Krenke N.A., Glazunova O.N., Ershov I.N., Olejnikov O.M. Stratigraficheskij raskop na podole Moskovskogo Kremlya // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN. Vyp. 243. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016. S. 107–126 (in Russian).
4. Panova T.D. Raskopki v Tajnitskom sadu i istoriya arkheologicheskogo izucheniya territorii Podola Borovitskogo kholma Moskvy v XIX–XX vv. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN. Vyp. 243. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016. S. 92–107 (in Russian).
5. Dubrovin G.E., Koval' V.Yu. Usadebnaya zastrojka raskopa 1 v Tajnitskom sadu Moskovskogo Kremlya (predvaritel'naya publikatsiya) // Arkheologiya Podmoskov'ya. Vyp. 10. M.: IA RAN, 2014. S. 94–110 (in Russian).
6. Koval' V.Yu., Dubrovin G.E. Derevyannoe domostroitel'stvo XIV–XVI vv. v Moskovskom Kremle (po materialam raskopok 2007 g.) // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk: Omskij in-t RTEGU, 2011. S. 189–192 (in Russian).
7. Gol'eva A.A. Drevesina v domostroitel'stve tsentra Moskvy // Arkheologiya Podmoskov'ya. Vyp. 6. M.: IA RAN, 2015. S. 278–283 (in Russian).
8. Koval' V.Yu. Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zheleznogo veka lesnoj zony Vostochnoj Evropy // Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovanij. Vyp. 9. M.: IA RAN, 2016 (in Russian).
9. Koval' V.Yu. Importnaya keramika Moskovskogo Kremlya po materialam raskopok na Podole v 2007 g. // Arkheologiya Podmoskov'ya. Vyp. 11. M.: IA RAN, 2015. S. 254–286 (in Russian).
10. Koval' V.Yu. Keramika iz raskopok na Podole Moskovskogo Kremlya // Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara. M., 2016. Vyp. 12. S. 437–475 (in Russian).

УДК 39 (391; 392)
ГРНТИ 03.61.91



Е.Ф. ФУРСОВА*

Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика и направления развития традиционной культуры в первой трети XX века

В работе впервые поставлена проблема региональной и локальной идентичностей южнорусских переселенцев Южной Сибири первой трети XX в., которые, обладая этнокультурными различиями, не разграничивались местным населением (сибиряками-старожилами) с украинцами. Это выражалось в обозначении тех и других общим названием «хахлы» (в данной местности это название не носило уничижительного оттенка). Южнорусские группы выделялись на фоне северно-среднерусской общности старожилов не только особыми южными чертами традиционной культуры, но и спецификой языка (мягкое «г», аканье). Вместе с тем самоидентификации внутри этих групп носили дробный характер, определявшийся этнокультурной спецификой и конкретными местами выхода с территорий Европейской России (говорили о «Расее» как своей прародине «орлы», «тамбаши», «куряне», «рязаны» и пр.).

В процессе научного поиска проведены полевые исследования в местах преобладающего проживания южнорусских переселенцев Сибири (2014–2016 гг.), привлечены также полевые записи более ранних экспедиций автора. Для освещения процессов переселения в Сибирь, выявления этнокультурного состава населения автор обратилась к материалам архивов как в азиатской части России, так и европейской — мест исхода южных русских. Для сравнительного исследования компонентов традиционной культуры осуществлены работы с этнографическими коллекциями в Музее декоративно-прикладного и народного искусства (Москва), Белгородском, Брянском, Воронежском, Курском, Орловском, Старооскольском и др. краеведческих музеях.

Старожилы Сибири выделяли переселенцев по диалектным особенностям и внешнему облику, т.е. костюму. В результате исследования выявлена значимость символов традиционной культуры в среде южнорусских и смешанных южнорусско-украинских переселенцев для их внешней и внутренней идентификации (самоидентификации). Показано, что вектор адаптационных стратегий развития культур восточнославянских переселенцев в Сибири был направлен к обретению утраченного на исходных территориях бывшей Киевской (Московской) Руси материального и духовного единства.

Ключевые слова: южнорусские переселенцы Сибири, этнокультурная идентичность, традиционная культура, аккультурация, осибирячивание

* **Фурсова Елена Фёдоровна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проекта ««Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика и направления развития традиционной культуры в первой трети XX в.» (14-01-00343а).
E-mail: mf11@mail.ru

Анализ этнокультурной ситуации в сибирской деревне в первой трети XX в. актуален сегодня в связи с необходимостью решения дискуссионных вопросов о характере самоидентификации россиян, и в частности сибиряков. Совершенно очевидно, что поиски идентичностей в настоящее время должны учитывать групповые формы самоопределения, которые образовались в результате обрусения, «осибирячивания» переселенцев с юга Российской империи в конце XIX – начале XX в., потомки которых играют заметную роль в общественно-политической жизни Сибири. Специфика этнических процессов на территории Южной Сибири первой трети XX в. заключалась в том, что одни из прибывших групп русских оказались в этнокультурном отношении более близкими сибирякам-старожилам (северно-среднерусские), другие значительно разнились по своим культурным характеристикам (южнорусские, соседствующие с ними украинцы). В связи с этим встаёт вопрос о множественности проявлений процессов аккультурации и форм культурной интерференции. На этнографических материалах важно раскрыть, с одной стороны, механизмы преодоления границ отчуждения, когда различавшиеся в этнокультурном отношении люди становились «своими», а с другой — выявить, при каких условиях эта граница оказывалась трудно преодолимой и длительное время сохранялась.

Отметим, что ко времени начала работы над проектом внимание исследователей-этнографов к южнорусским переселенцам в Урало-Сибирском регионе практически отсутствовало. Вместе с тем потоки переселенцев из Курской, Орловской, Тамбовской, Полтавской, Черниговской и пр. южных губерний в 1896–1914 гг. превышали численность выходцев из других мест [1, с. 2–41; 2, с. 234]. Наиболее популярны для поселений были степные и лесостепные районы Сибири вдоль Сибирской железной дороги, а также Алтай, где имелись плодородные чернозёмные почвы [3, с. 41; 4, с. 7].

Для полевых исследований были избраны населённые пункты с преобладанием в составе потомков воронежских, курских, рязанских, орловских, тамбовских, тульских переселенцев. Это территории Алтайского, Красноярского краёв, Новосибирской, Кемеровской, Омской и Томской областей. Интервью были проведены не только на изучаемой территории, но и в местах исторической прародины — в Воронежской, Курской, Орловской областях.

Народная топонимика (годонимы) в сибирских сёлах

Память о прибытии южных русских на сибирские земли сохранилась в названиях населённых мест и целых районов: например, Судженский уезд Томской губернии, а также многочисленные Орловки в Колыванском, Купинском, Кыштовском, Татарском, Чистоозреном, Чулымском и пр. в районах Новосибирской области, деревни Рязанка, Рязанск — в Омской и Новосибирской областях, Воронежская и Воронежская Заимка — в Омской области, деревня Тамбовка — в Тогучинском районе Новосибирской области и т.д.). В семейных преданиях жителей отразились сведения о переселении родственников, об основателях заимок, деревень.

В селениях, где старожилы проживали совместно с переселенцами, обращают на себя внимание специфические годонимы, т.е. названия улиц населённых пунктов (от др.-греч. ὁδός — путь, улица, русло), связанных с этнокультурной принадлежностью населения. Не только улицы, но и отдельные районы («края», «околки», «колки») своими названиями указывали на проживание культурных локальных групп, о чём свидетельствуют не только полевые материалы, но и письменные источники [5, с. 128; 6, с. 320].

В населённых пунктах со смешанным южнорусско-украинским населением вы-

Фото 1. Свадьба. Канский уезд, д. Карымова, 1 октября 1913 г. Семья Соколовых, новосёлов из Тамбовской губернии. Фотоархив КККМ.

Источник: http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html

ходцы из соответствующих губерний селились отдельно (фото 1, 2). Местные жители хорошо помнят, что, например, в с. Верх-Коен Искитимского района Новосибирской области до коллективизации проживали своими *краями* «чалдоны», «сибиряки», «хахлы», «куряне» [7]. М.Т. Голубкова вспоминала об этой своеобразной схеме планировки родного села в 1930 г.: «По этой стороне речки край звали *Похлёбкой*. Так прозвали хахлы, где жили русские кацапы. Похлёбка — так русские варили её. А украинцы не варили похлёбку, они — борщ. И сейчас так называется: «Куда?» *На Похлёбщине*» [8]. Село Шубинка Шубинской волости Бийского округа ещё в 1920-х гг. было поделено на *Сибирь* и *Рязань*, где проживали старожилы-сибиряки и рязанские переселенцы, а также их потомки. «Дедушка Фёдор любил нас, маленьких, по *Рязанке* покатать...», — вспоминала про своё детство Т.И. Шадрина [9].

В сёлах с сложным этнокультурным составом складывалась сложная сеть годонимов. П.Р. Бесхлебный рассказывал, что улицы в деревне Шитиково Юргинского района Кемеровской области назывались строго в соответствии с этнокультурной идентичностью жителей. «Ну, *Хахлатская*, *Чалдонская* там. Ага, чалдоны тут жили, и хохлы тут жили» [10]. Аналогичным образом не хотели сибиряки и чалдоны селиться вместе с южнорусскими переселенцами. Т.И. Плющов, потомок курских переселенцев, хорошо помнил народные названия краёв д. Загайново Алтайского края: «Вот когда наши приехали, сибиряки с того конца жили, в деревне. Здесь не было населения, только Шмаково старше была. Вот там Шмаково, там кержаки жили, а вот эти все

приезжие... Это родители рассказывали. Тот *Курский край*, а тот *Сибирский*. Ещё *Забайкальский край*, там улочка. Курский край назван так, что с Курской губернии переселенцы приехали сюда» [11, 12].

Уличные названия включали этнонимы, народные прозвища или слова, содержание которых сейчас мало кто из информантов в состоянии раскрыть. Например, Серафима Васильевна Шастина из д. Парфёново Топчихинского района Алтайского края по этому поводу говорила так: «Ну, вот как район наш организовался, стали улицы называть, а то по прозвищу как-то звали. Вот эта улица была *Вороиха* — из Воронежа больше переселились..» [13].

Как известно, пространство может осмысляться как некая протяжённость, являющаяся, в первую очередь, ориентационным полем для человека, в том числе и как арена разворачивания исторических событий [14, с. 6]. Материалы по народной топонимике особенно актуальны в настоящее время, когда в сельских населённых пунктах наблюдается смена состава населения и от бывших насельников, основателей краёв и улиц, остаются только этнотопонимы.

Фото 2. Хохлуша-переселенка из д. Ново-Полтавка Минусинского уезда. Снимок конца XIX – начала XX в. На снимке: молодая женщина в традиционном украинском костюме, сидящая на ступеньке крыльца. Поступление 1916 г.

Источник: http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html

Этнокультурная идентичность

Проживавшие на прежней прародине чересполосно с украинцами выходцы из Курской, Воронежской губерний освободились на сибирских землях от прозвища «кацапы». Однако здесь, несмотря на свою русскую самоидентичность, они нередко получали новое имя «хахлы» по причине мягкого произношения «г». Заметим, что в Сибири хахлами называли всех проговаривавших «г» как «х», порой с определяющим происхождение словом, например, «воронежские хахлы». Этих южнорусских переселенцев хотя и идентифицировали в сибирских сёлах как украинцев, однако сами они чётко отделяли себя от них, прежде всего ориентируясь на особенности разговорной речи. «Ну мы, не украинцы, а мы хохлы, хохлушка я. Что это означает? А Бог его знает. Украинцы по-другому разговаривают. Не по-нашему» [15]. Данные интервью позволяют утверждать, что современные потомки курян и воронежцев считают себя русскими даже при условии наличия в своих родословных украинских корней.

Русское население Южной России своими прозвищами всегда отражало многообразие и пестроту прежнего культурного и социального состава, а также особенностей говоров (егуны, саяны, цуканы, щекольщики и т.д.) [16, с. 175]. Например, многие южнорусские жители Курской губернии говорили на диалектах то более, то менее акающих наречий (в Дмитровском, Фатежском, Щигровском, Тимском, Курском и пр. уездах) [17, с. 2]. Данные интервью показывают, что диалектные особенности южнорусских изменялись в Сибири даже в пределах жизни одного человека, если он оказывался в новой языковой среде в детском возрасте. Не так быстро процессы аккультурации происходили в компактной среде южнорусских и украинских переселенцев. Слово «хахол» сибирские украинцы никогда не воспринимали как уничижительное.

Обобщив свои наблюдения по этому вопросу, директор Топчихинского краеведческого музея, потомок украинских переселенцев С.В.Поздин говорил: «Хахол — это украинец. Это доброе такое слово. Поэтому, если “хахлы” — это уважительно, а вот “хахлятчина”, “хахловщина” и так далее — то есть “-чина”, “-щина” — с уничижительным немножко. Вот такие они практически везде были, потому что здесь особо старожилы хахлов не жаловали. Я так думаю больше всего по той причине, что их было очень много, а земли было мало. Вот мне рассказывали, что хахлов в Парфёново провожали, не приписывали. Они шли по тракту обозами, а им говорили: “О, дальше, дальше. Нам здесь не надо”. Иная ситуация наблюдалась в этих местах в конце XIX в., когда после отмены крепостного права первая волна переселения пошла в Сибирь и недостатка в свободных землях ещё не наблюдалось» [18].

Распространённость и популярность подобных представлений подтверждается полевыми этнографическими материалами интервью (около сотни информантов), что свидетельствует о наличии в первой трети XX в. культурных идентичностей нескольких уровней: региональной (хахлы) и локальной в зависимости от мест выхода переселенцев (куряне, тамбаши, полтава и пр.). Таким образом, в Сибири эти групповые идентичности сменили коллективные названия-прозвища этнографических групп, характерные для юга Европейской России.

Традиционная одежда как культурная ценность: «свои» и «другие»

В каждой прибывшей на поселение в Сибирь группе были заметны свои культурные особенности, которые сохранялись в зависимости от характера поселения (компактного или рассеянного) и степени приверженности своим традициям. Южнорусские переселенцы вопросу «выглядеть подобным образом», в соответствии с принятыми в сибирском регионе традициями, придавали большое значение. Этим они отличались от украинских крестьян, с которыми нередко соседствовали в сибирских сёлах. Нацеленность на соответствие местным сибирским условиям жизни была присуща переселенцам ещё до переезда, именно на такое отношение к новой обстановке настраивали оставшихся на родине ранее уехавшие земляки.

В подтверждение приведём выдержку из письма крестьянина д. Притыкина Пителенской волости Раненбургского у. Рязанской губернии, переехавшего на новое место жительства в с. Катунское Бийской волости Томской губернии. «Бабьи наряды: в платках ходят, в ковегах (здесь, видимо, старинное название одежды. — *Е.Ф.*), в пальтах; сощуны [19] не нужны здесь; их не носят, запанья — тоже. Юбки по две возьмите с собой, а остальные, какие получше, продавайте; башмаки свои захватывайте; аршин 5 сукна захватите из двора... Января 8 дня 1882 года» [20, с. 189].

Одна из целей полевых исследований заключалась в выявлении характерных элементов одежды у представителей разных групп южнорусских, по которым

можно было определить их культурную принадлежность.

Многие переселенки из южнорусских губерний хорошо помнили, что матери или бабушки рассказывали о таком виде архаичной поясной одежды, как *панёвы*, или упоминали о них, однако на руках у населения они практически не сохранились. Информанты показывали оставленные в семьях на память куски тканых панёв. По всей видимости, этот вид одежды был только привезён, но не стал отличительной чертой костюма ни южнорусских, ни украинских переселенок. В ряде случаев название *панёвы* сохранилось для обозначения чёрных суконных юбок (у тамбовских) и даже кофт (у рязанских 1880-х гг. переселения). На основе сохранившихся в музейных собраниях комплексов с *сарафаном* курского вида можно предположить, что в Сибирь прибыли переселенцы-однодворцы из Курской губернии. Как вспоминали информанты, матери хранили красные или чёрные шерстяные сарафаны в сундуках и просили похоронить в этом виде одежды (фото 3).

Основным мотивом отказа от привычной одежды стало отсутствие её у местного населения — сибиряков, чалдонов, которые в глазах переселенцев выглядели не только обеспеченными, но и «модно» одетыми (с использованием покупных тканей, городских фасонов, фурнитуры). Таким образом, из сообщений информантов вырисовывается общая картина подражания местному старожильческому населению. Отличительной чертой рубах южанок было преобладание прямых широких рукавов, в то время как сибирячки раскашивали рукава, вставляя клинья.

Фото 3. Женский костюм с плиссированным сарафаном, принадлежал переселенцам из Курской губ. Музей костюма Кемеровского университета культуры и искусств

Если девичьи причёски во всех группах населения, включая украинок, были сходны (одна коса), то женщины покрывали прибранные волосы по разному: *повойниками* или *кокошниками* в виде небольших шапочек, которые крепились на голове шпильками. Интересно, что среди южнорусских переселенок, наряду с указанными названиями головных уборов, хорошо известных в рязанской, курской, воронежской и пр. губерниях, встречается и упоминание *шашмуры*, т.е. распространённой в Сибири шапочки *с обручком* северного происхождения. Поверх покрывались платками, шалями или кружевными *файшонками*.

В изучаемое время мужские рубахи-*косоворотки* повседневного назначения в разных культурных группах русских мало отличались, но праздничные — имели свои особенности

в характере орнаментации и техниках её выполнения. Безусловно, орнаментация у южнорусских крестьян выглядела более искусной и яркой, чем у чалдонов, хотя по своему характеру и у тех и у других в её основе лежали растительные образы. Добавим, что старожилы имели больше возможностей и предпочитали покупные ткани (сатин, шёлк, полушёлковые), в то время как переселенцы чаще шили из домотканого холста. Кроме того, если у старожилов-старообрядцев разных согласий большое значение придавалось орнаментированным тканым поясам-*опояскам*, то южные переселенцы подпоясывались кручёной верёвкой или ремнём. По этим деталям в дореволюционной сибирской деревне можно было отличить крестьян-переселенцев из Воронежской, Курской, Тамбовской и пр. губерний.

Фото 4. Женская рубаха поликового покроя, принадлежала переселенцам из Воронежской губ. АГКМ ОФ 19090/2

Различия в верхней одежде касались не только орнаментаций, но, главным образом, конструкции, которая у южных и украинских переселенцев характеризовалась приталенностью силуэта (как говорили в Европейской России, *с перехватом*), что не являлось характерным для старожильческого костюма. Можно говорить об общности терминологии верхней одежды — *шабуры*, *зипуны*, *шубы*. Женщины из обеспеченных семей носили бархатные или покупного сукна *жакетки*, а также полупальто из плюша — *саки* и *полусаки*.

Важнейшим маркером в костюме жителей Сибири была обувь, прежде всего, повседневная, которая у южан была представлена лаптями, за что они и заслужили прозвище *лапотников*. Особенно удивляла сибиряков традиция носить лапти и летом, и зимой, хотя бы и с войлочными чулками-*суконками*. На этом фоне старожилы, называвшие себя чалдонами, объединялись с украинскими переселенцами: и те, и другие не имели плетёной обуви. Эмоциональные всплески относительно «непрестижных» лаптей выражались в большом количестве частушек на эту тему, бытовавших в начале XX в. и в 1920-е гг. Желание стать похожим на сибиряков способствовало появлению у переселенцев кожаных *обуток*, а также обуви кустарного производства.

У южан не было сильного желания сохранить традиции мест исхода, по которым они бы выделялись на местном фоне (панёвы, чёрная графическая вышивка у воронежцев (фото 4), безрукавки, курские плиссированные сарафаны). Это свидетельствует о твёрдом решении адаптироваться к сибирским условиям, новым реалиям жизни и быта. Южнорусские и украинские женщины, являвшиеся носительницами во многом сходных традиций одежды, хотя и воспринимали местный сибирский костюм с юбкой и кофтой (это также поддерживалось модными течениями времени), однако с разной скоростью. Воронежские, тамбовские, курские и пр. переселенки быстрее переходили на общепринятые в Сибири виды одежды, в то время как полтавские, черниговские и пр. выходцы с украинских земель вплоть до 1950-х гг. носили вышитые сорочки (кофты), безрукавки и пр., но отказались от распашных видов поясной одежды в пользу юбок.

Исследование показало, что одежда, служившая многие века надежным маркером,

подверглась трансформациям из-за стремления избавиться от отражённой в ней культурной идентичности, стать «своим».

Таким образом, процессы аккультурации в сибирских сёлах с составом населения *старожилы+южнорусские+украинские переселенцы* можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, общность процессов унификации культуры «под сибирский стандарт» сглаживала старые, привезённые ещё с мест исхода, различия между представителями групп южных переселенцев Сибири. С другой стороны, приверженность части южан, в их числе украинских переселенцев, своим обычаям, подбор невест по принципу этнокультурной близости и землячества способствовали сохранению этнокультурных групп Сибири до начала 1930-х гг. Общественно-политические события 1930-х гг. изменили содержание этих процессов, которые в итоге привели в 1970-е гг. практически к полному нивелированию культурных различий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. Пг.: Издание Переселенческого Управления, 1916.
2. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983.
3. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. Спб.: Издание переселенческого управления, 1906. Вып. XVIII.
4. Большаков М.А. Современное переселение. М., 1924.
5. Токарев Н.В. Адаптация тамбовских переселенцев в условиях сибирского фронтира на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 126–129.
6. Васеха М. Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 316–327.
7. «Чалдонами» называла себя часть старожилов Сибири, которая по их легенде являлась будто бы потомками выходцев с Дона, донских казаков. «Сибиряки» — старожилы, первопоселенцы Сибири с XVII–XVIII вв., по распространённому мнению не связывают своё происхождение с Доном.
8. ПМА2000: Голубкова Мария Тихоновна, 1921 г.р., род. в с. Верх-Коен Искитимского района НСО. Родители по отцу приехали из Курской губ., по матери — из Киевской губ.
9. ПМА1988: Шадрина Татьяна Ивановна, 1910 г.р., род. в с. Шубинка Шубинской волости Бийского округа, приехала в 1880-х гг. из Рязанской губ.
10. ПМА2015: Бесхлебный Пётр Романович, 1930 г.р., д. Шитиково, Юргинский район Кемеровской области.
11. Забайкальским краем также называлось место проживания старожилов.
12. ПМА1999: Плющов Тимофей Иванович, д. Загайново Алтайского края.
13. ПМА2015: Шастина (дев. Несмачных) Серафима Васильевна, 1923 г.р., род. в д. Топчиха Топчихинского района Алтайского края. По отцовской линии — потомки переселенцев из Курской губернии (1887 г.), по материнской линии (Демьяненко) — выходцы из Черниговской губернии (1904 г.).
14. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010.
15. ПМА2014: Костюченко Дарья Моисеевна, 1918 г.р., д. Карымка (Верхняя Есаулка) Манского района Красноярского края. В 1941 г. приехала из Воронежской обл.
16. Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 172–257.

17. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. LXXVI. № 5. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1904. С. 1–382.
18. ПМА2015: Поздин Сергей Витальевич, с. Топчиха Алтайского края. Директор Топчихинского краеведческого музея.
19. Сощун или шушпан — старинный для Рязанской губ. вид верхней женской одежды с широкими рукавами из белого сукна или холста.
20. Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1885.

ENGLISH

South Russian immigrants of Siberia: ethno-cultural specifics and trends in the development of the traditional culture in the first third of the twentieth century

Fursova Elena Fedorovna is DSc in History, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), head of the project "South Russian immigrants of Siberia: ethno-cultural specifics and trends in the development of the traditional culture in the first third of the 20th century" (14-01-00343a).
E-mail: mf11@mail.ru

The paper for the first time focuses on the issue of regional and local identities of South Russian immigrants from South Siberia in the first third of the 20th century, who, having ethno-cultural differences, were not delineated by the local population (Siberians-Old-timers) with Ukrainians, which was expressed in their designation by a common name ("Khakhla" — the name in this area did not have a derogatory meaning). The South Russian groups were distinguished in comparison with the North-Central Russian communities of Old-timers not only by special southern features of traditional culture, but also by the specific language (soft "g", open sound "a"). At the same time, self-identifications within these groups were of a fractional nature, determined by the ethno-cultural specifics and specific places of exit from the territories of European Russia ('Rasseya' (Russia's old name) was named ancestral home by people from Orlov, Tambov, Kursk, Ryazan regions, etc.).

In the process of the scientific search, field studies were carried out in the places predominantly inhabited by South Russian immigrants in Siberia (2014–2016), field records of the author's earlier expeditions were also studied. To cover the process of resettlement in Siberia, to identify the ethno-cultural composition of the population, the author reviewed the archives in both the Asian part of Russia and the European area – the places of exodus of the Southern Russians. In order to carry out a comparative study of the components of the traditional culture, the author worked with ethnographic collections in the Museum of Decorative, Applied and Folk Arts (Moscow), Belgorod, Bryansk, Voronezh, Kursk, Oryol, Starooskolsky and other museums of local lore.

The Old-timers of Siberia distinguished settlers according to their dialect and looks, clothes. As a result of the research, the significance of the symbols of the traditional culture among the South-Russian and mixed South-Russian-Ukrainian settlers was revealed for their external and internal identity (self-identity). It is shown that the vector of adaptation strategies for the development of cultures of East Slavic settlers in Siberia was directed toward the acquisition of material and spiritual unity lost in the original territories of the former Kyiv (Moscow) Russia.

Keywords: South-Russian immigrants of Siberia, ethno-cultural identity, traditional culture, acculturation, Russification (Siberiafication)

REFERENCES

1. Itogi pereselencheskogo dvizheniya za vremya s 1910 po 1914 gg. Pg.: Izdanie Pereselencheskogo Upravleniya, 1916.
2. Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma. Novosibirsk: Nauka, 1983.
3. Pereselenie v Sibir'. Pryamoe i obratnoe dvizhenie pereselentsev semejnykh, odinokikh, na zarabotki i khodokov. Spb.: Izdanie pereselencheskogo upravleniya, 1906. Vyp. XVIII.
4. Bol'shakov M.A. Sovremennoe pereselenie. M., 1924.
5. Tokarev N.V. Adaptatsiya tambovskikh pereselentsev v usloviyakh sibirskogo frontira na rubezhe XIX–XX vv. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. № 10 (126). S. 126–129.
6. Vasekha M. Kto takoj «sibiryak»: chto takoe sibirskaya identichnost' // Vestnik rossijskoj natsii. 2014. № 6. S. 316–327.
7. «Chaldonami» nazyvala sebya chast' starozhilov Sibiri, kotoraya po ikh legende yavlyalas' budto by potomkami vykhodtsev s Dona, donskikh kazakov. «Sibiryaki» — starozhily, pervoposelentsy Sibiri s XVII–XVIII vv., po rasprostranyonnomu mneniyu ne svyazyvayut svoyo proiskhozhdenie s Donom.
8. PMA2000: Golubkova Mariya Tikhonovna, 1921 g.r., rod. v s. Verkh-Koen Iskitimskogo rajona NSO. Roditeli po ottsu priekhali iz Kurskoj gub., po materi — iz Kievskoj gub.
9. PMA1988: Shadrina Tat'yana Ivanovna, 1910 g.r., rod. v s. Shubinka Shubinskoj volosti Bijskogo okruga, priekhala v 1880-kh gg. iz Ryazanskoj gub.
10. PMA2015: Beskhlebnyj Pyotr Romanovich, 1930 g.r., d. Shitikovo, Yurginskij rajon Kemerovskoj oblasti.
11. Zabajkal'skim kraem takzhe nazyvalos' mesto prozhivaniya starozhilov.
12. PMA1999: Plyushchov Timofej Ivanovich, d. Zagajnovo Altajskogo kraya.
13. PMA2015: Shastina (dev. Nesmachnykh) Serafima Vasil'evna, 1923 g.r., rod. v d. Topchikha Topchikhinskogo rajona Altajskogo kraya. Po ottsovskoj linii — potomki pereselentsev iz Kurskoj gubernii (1887 g.), po materinskoj linii (Dem'yanenko) – vykhodtsy iz Chernigovskoj gubernii (1904 g.).
14. Berezovich E.L. Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: mifopoeticheskij obraz prostranstva. M.: KomKniga, 2010.
15. PMA2014: Kostyuchenko Dar'ya Moiseevna, 1918 g.r., d. Karymka (Verkhnyaya Esaulka) Manskogo rajona Krasnoyarskogo kraya. V 1941 g. priekhala iz Voronezhskoj obl.
16. Gantskaya O.A., Lebedeva N.I., Parnikova A.S. Material'naya kul'tura sel'skogo naseleniya yuzhnovelikorusskikh oblastej // Materialy i issledovaniya po etnografii russkogo naseleniya Evropejskoj chasti SSSR. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. S. 172–257.
17. Khalanskij M.G. Narodnye govory Kurskoj gubernii. Zametki i materialy po dialektologii i narodnoj poezii Kurskoj gubernii // Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. T. LXXVI. № 5. SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1904. S. 1–382.
18. PMA2015: Pozdin Sergej Vital'evich, s. Topchikha Altajskogo kraya. Direktor Topchikhinskogo kraevedcheskogo muzeya.
19. Soshchun ili shushpan — starinnyj dlya Ryazanskoj gub. vid verkhnej zhenskoj odezhdy s shirokimi rukavami iz belogo sukna ili kholsta.
20. Grigor'ev V.N. Pereselenie krest'yan Ryazanskoj gubernii. M.: Tip. A.I. Mamontova, 1885.

ЭКОНОМИКА

УУДК 314
ГРНТИ 05.11.65 доп. 05.11.15

Ю.В. ЯКОВЕЦ,
Е.Е. РАСТВОРЦЕВ*

Тенденции и перспективы социодемографической динамики стран БРИКС

В результате исследования по проекту на базе социодемографического блока геоцивилизационной макромодели с использованием статистики баз данных Всемирного банка и ООН выявлены и количественно оценены критические ситуации социодемографической динамики стран БРИКС за последнюю четверть века и на перспективу. Среди них:

— резкое снижение темпов прироста населения, распространение депопуляции, старение населения и падение доли стран БРИКС в мировом населении и других демографических показателях;
— недостаточный уровень использования трудового потенциала по сравнению со среднемировым уровнем;
— отставание от среднемирового уровня по затратам на здравоохранение и образование;
— запоздалая и неадекватная реакция государств на изменения в социодемографической динамике.

Определены меры по преодолению критических ситуаций и усилению взаимодействия стран БРИКС в области социодемографической политики.

Ключевые слова: БРИКС, социодемографическая динамика, темпы роста населения, возрастная структура населения, трудовой потенциал, уровень производительности труда, затраты на здравоохранение, потребление домашних хозяйств, государственное регулирование социодемографических процессов

* **Яковец Юрий Владимирович** — доктор экономических наук, президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, руководитель проекта «Социодемографическая эволюция России и других стран БРИКС: закономерности, тенденции и перспективы» (16-02-00229а).
E-mail: yu.yakovets@mail.ru

Растворцев Евгений Евгеньевич — научный сотрудник Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, исполнитель того же проекта.
E-mail: e.rastvortsev@gmail.com

Одной из ключевых целей устойчивого развития на период до 2030 г., одобренных Саммитом ООН и Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2015 г., является обеспечение устойчивого социодемографического развития. Система целей устойчивого развития цивилизаций, дополняющая принятые цели развития на Саммите ООН (в т.ч. в социодемографической сфере), уже была подробно исследована авторами в 2017 г. [1].

В 2014 г. было проведено междисциплинарное исследование по перспективам развития стран БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР), подготовлен и опубликован коллективный научный доклад (в том числе при поддержке РФФИ) при участии МГУ им. М.В. Ломоносова, Национального комитета по исследованию БРИКС, Института Латинской Америки, Института Дальнего Востока РАН и др. [2].

В опубликованной в 2016 г. по итогам первого этапа исследований монографии рассмотрены закономерности и критические ситуации социодемографической динамики в мире и их особенности в странах БРИКС [3]. В 2017 г. на основе доработанного социодемографического блока геоцивилизационной макромодели с использованием баз данных Всемирного банка и ООН выявлены критические ситуации социодемографической динамики в странах БРИКС в сопоставлении с мировым уровнем за последнюю четверть века по четырём группам показателей:

- демографическая динамика;
- трудовой потенциал и эффективность его использования;
- здравоохранение и образование;
- динамика потребления домашних хозяйств.

Также определены ключевые меры по преодолению критических ситуаций в перспективе.

Демографическая динамика стран БРИКС

Основные показатели демографической динамики приведены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что наиболее серьёзной критической ситуацией в демографической динамике стран БРИКС является падение темпов роста населения и рост среднего возраста темпами, превышающими среднемировые. В результате доля

Таблица 1

Показатели демографической динамики

Год	Население			Средний возраст населения, лет	Накопленная международная миграция		
	млн чел.	% к миру	% среднегодового прироста		млн чел.	% к миру	% к населению
Весь мир							
1990	5285	—	1,74	—	152	—	2,89
2000	6118	—	1,33	—	172	—	2,83
2015	7355	—	1,19	—	243	—	3,34
2030	8551	—	0,90	—	—	—	—
2050	9772	—	0,60	—	—	—	—
Страны с высокими доходами							
1990	997	18,9	0,78	33,4	75	49	7,70
2000	1070	17,5	0,63	36,3	100	58	9,59
2015	1183	16,1	0,59	40,4	157	65	13,58
2030	1250	14,6	0,30	43,5	—	—	—
2050	1288	13,2	0,10	45,7	—	—	—

Продолжение таблицы 1

Год	Население			Средний возраст населения, лет	Накопленная международная миграция		
	млн чел.	% к миру	% среднегодового прироста		млн чел.	% к миру	% к населению
Страны со средними доходами							
1990	3965	75,0	1,89	22,6	69	45,0	1,72
2000	4622	75,6	1,36	25,2	64	37,3	1,39
2015	5530	75,2	1,14	29,1	77	31,6	1,41
2030	6362	74,4	0,80	33,3	—	—	—
2050	7067	72,3	0,40	37,2	—	—	—
Китай							
1990	1135	21,5	1,47	24,90	0,38	0,25	0,03
2000	1263	20,6	0,79	30,10	0,51	0,29	0,04
2015	1371	18,6	0,51	37,00	0,98	0,40	0,07
2030	1441	16,9	0,00	43,00	—	—	—
2050	1364	14,0	–0,40	48,00	—	—	—
Индия							
1990	870	16,5	2,07	21,10	7,5	4,9	0,86
2000	1053	17,2	1,77	22,70	6,4	3,7	0,61
2015	1309	17,8	1,17	26,70	5,2	2,2	0,40
2030	1513	17,7	0,80	31,40	—	—	—
2050	1659	17,0	0,30	37,50	—	—	—
Россия (без учёта Крыма, согласно статистике ООН и Всемирного банка)							
1990	148	2,81	0,39	33,40	11,5	7,6	7,81
2000	147	2,40	–0,42	36,50	11,9	6,9	8,13
2015	144	1,96	0,19	38,70	11,6	4,8	8,12
2030	141	1,65	–0,30	42,60	—	—	—
2050	133	1,36	–0,20	41,10	—	—	—
Бразилия							
1990	149	2,83	1,80	22,40	0,80	0,52	0,53
2000	175	2,87	1,45	25,10	0,68	0,40	0,39
2015	206	2,80	0,85	31,30	0,71	0,29	0,34
2030	225	2,63	0,50	37,70	—	—	—
2050	233	2,38	0,00	45,10	—	—	—
ЮАР							
1990	36,8	0,70	2,28	20,10	1,16	0,76	3,16
2000	44,9	0,73	1,49	22,80	1,00	0,58	2,23
2015	55,0	0,75	1,59	26,10	3,14	1,29	5,77
2030	64	0,75	0,90	29,60	—	—	—
2050	73	0,75	0,50	34,20	—	—	—
БРИКС							
1990	2340	44,3	—	—	21	14,0	0,91
2000	2682	43,8	—	—	21	11,9	0,76
2015	3085	41,9	—	—	22	8,9	0,70
2030	3384	39,6	—	—	—	—	—
2050	3462	35,4	—	—	—	—	—

Источники: данные Всемирного банка и ООН [4, 5].

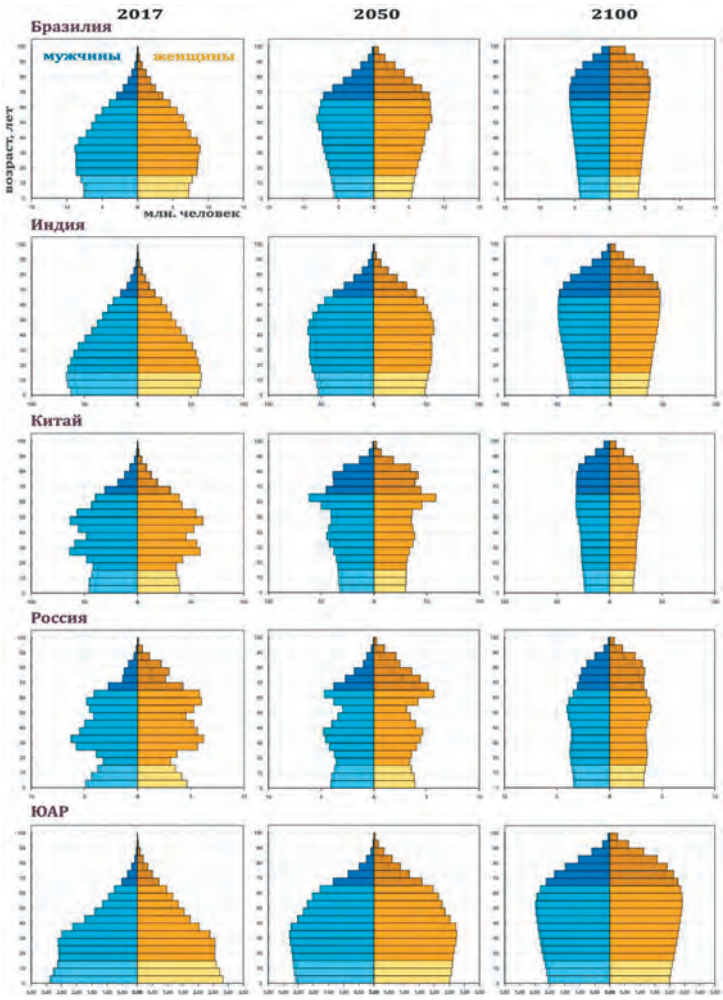


Рис. 1. Прогноз возрастной структуры населения [4]

стран БРИКС в населении мира сокращается с 44,3% в 1990 г. и 41,9% в 2015 г. до 35,4% — к 2050 г. А Китай с 2030 г. вступит в период депопуляции. По прогнозу ООН к 2100 г. все страны БРИКС окажутся в состоянии депопуляции. Средний возраст населения в Китае и России существенно превышает среднемировой и растёт опережающими темпами. Индия с 2030 г. по численности населения превратится в крупнейшую державу мира со сравнительно низким средним возрастом, однако старение населения будет проходить опережающими темпами. Накопленная миграция в большинстве стран БРИКС, кроме России, существенно ниже среднемировой, однако у нас она почти вдвое выше.

Негативной тенденцией является деформация возрастной структуры населения в странах БРИКС, нарушается нормальный процесс его воспроизводства, традиционная демографическая пирамида видоизменяется, превращаясь в «демографическую ёлочку», «демографический карандаш» с равномерным распределением численности населения по периодам жизни и даже в «демографический гриб» с численным преобладанием пожилого населения. Эта тенденция представлена на основе долгосрочного прогноза ООН на период до 2100 г. (рис. 1).

Трудовой потенциал и эффективность его использования

В табл. 2 приведены показатели, характеризующие трудовой потенциал стран БРИКС.

Из данных табл. 2 вытекает, что страны БРИКС обладают крупнейшим трудовым потенциалом, доля которого в мире (44,4%) превышает долю населения (41,9%). При этом уровень безработицы в странах БРИКС в целом ниже среднемирового. Эффективность использования трудового потенциала (производительность труда — ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на одного занятого) повышается темпами выше среднемировых: в Китае за четверть века ВВП увеличился в 8,5 раз, в Индии — в 3,4 раза. Однако по уровню производительности труда всё ещё наблюдается значительное отставание от среднемирового уровня: в Китае — на 24%, в Индии — на 51%, в Бразилии — на 10%. В России и ЮАР уровень производительности труда несколько выше среднемирового, но многократно отстаёт от стран с высоким уровнем доходов.

Негативной тенденцией социодемографической динамики является ускоренный рост урбанизации, особенно в начале XXI в. За четверть века доля городского населения в его общей численности

возросла в мире на 26% и к 2014 г. достигла 54%. Впервые в истории численность городского населения превысила численность сельского. Это ведёт к переполнению мегаполисов, ухудшению возрастной структуры и трудовых ресурсов сельского населения, являющегося основным носителем систем ценностей локальных цивилизаций.

Основной вклад в эту тенденцию внёс Китай, где уровень урбанизации за четверть века увеличился в 2,2 раза и превы-

Таблица 2

Показатели трудового потенциала

Год	Доля рабочей силы, % населения 15+	Численность рабочей силы		Безработных, % рабочей силы	ВВП по ППС на 1 занятого в ценах 2011		Доля городского населения, %
		млн человек	% к миру		тыс. долл.	% к миру	
Весь мир							
1990	66,4	2342	—	6,1	20,9	—	42,9
2000	65,4	2777	—	6,4	23,8	—	46,5
2016	62,8	3427	—	5,7	33,5	—	54,3
Страны с высокими доходами							
1990	60,6	469	20,0	6,8	64,4	308	74,5
2000	60,6	514	18,5	6,6	78,1	328	76,8
2016	60,0	582	17,0	6,3	91,9	274	81,4
Страны со средними доходами							
1990	67,5	1740	74,3	5,9	10,6	51	36,8
2000	65,8	2086	75,1	6,5	12,3	52	41,6
2016	62,3	2561	74,7	5,6	23,7	71	51,4
Китай							
1990	79,4	641	27,4	4,9	3,0	14	26,4
2000	77,5	733	26,4	4,5	6,6	28	35,9
2016	70,8	807	23,6	4,6	25,4	76	56,8
Индия							
1990	60,8	328	14,0	4,0	4,8	23	25,5
2000	58,9	405	14,6	4,3	6,9	29	27,7
2016	53,8	510	14,9	3,5	16,5	49	33,1
Россия							
1990	67,2	76,8	3,28	12,1	41,0	196	73,4
2000	60,6	72,7	2,62	10,6	29,8	125	73,4
2016	63,3	75,7	2,21	5,7	45,9	137	74,1
Бразилия							
1990	64,9	62,6	2,67	10,2	26,0	125	73,9
2000	68,5	84,4	3,04	14,0	27,3	115	81,2
2016	67,0	108	3,14	11,5	30,2	90	85,9
ЮАР							
1990	54,6	12,3	0,52	23,9	37,3	178	52,0
2000	56,7	16,6	0,60	26,7	35,9	151	56,9
2016	53,3	21,2	0,62	25,9	44,2	132	65,3
БРИКС							
1990	70,4	1121	47,9	—	—	—	—
2000	68,3	1312	47,2	5,7	9,7	41	—
2016	62,6	1522	44,4	5,1	24,0	72	—

Источник: данные Всемирного банка [5].

сил среднемировой показатель. В Индии доля городского населения за тот же период увеличилась на 30%, однако осталась ниже среднемирового уровня на 40%. В России уровень урбанизации превышает мировой на 36% и остаётся сравнительно стабильным. Наиболее высок уровень урбанизации в Бразилии — 86%, что на 58% выше среднемирового. Это является одним из факторов перенаселения мегаполисов. В ЮАР уровень урбанизации вырос на 25% и превысил среднемировой показатель на 20%.

Уровень развития здравоохранения и образования

В табл. 3 приведены данные Всемирного банка об уровне затрат на здравоохранение и их доле в ВВП в странах БРИКС в сопоставлении с мировыми показателями, а также о доле государственных расходов на образование в ВВП.

Таблица 3

Уровень здравоохранения и образования

Год	Затраты на здравоохранение			Гос. расходы на образование, % к ВВП
	на душу населения по ППС в ценах 2011 г., долл.	% к миру	доля в ВВП, %	
Весь мир				
1995	481	100	8,5	—
2000	607	100	9,0	3,9
2014	1271	100	9,9	4,7
Страны с высокими доходами				
1995	2078	432	9,2	4,8
2000	2665	439	9,8	4,8
2014	5205	409	12,3	5,2
Страны со средними доходами				
1995	139	28,8	4,9	—
2000	188	30,9	5,2	3,8
2014	577	45,4	5,8	4,1
Китай				
1995	64	13,4	3,5	1,8
2000	133	22,0	4,6	—
2014	731	57,5	5,5	4,3
Индия				
1995	60	12,5	4,0	—
2000	85	14,0	4,3	4,3
2014	267	21,0	4,7	3,8
Россия				
1995	301	62,6	5,4	—
2000	371	61,1	5,4	2,9
2014	1836	144	7,1	3,5
Бразилия				
1995	524	109	6,5	4,5
2000	634	104	7,0	3,9
2014	1318	104	8,3	6,0
ЮАР				
1995	555	115	8,3	—
2000	622	103	8,1	5,4
2014	1148	90,3	8,8	6,0
БРИКС				
1995	115	—	5,3	—
2000	168	27,7	5,5	2,4
2014	633	49,8	6,1	2,0

Источники: данные Всемирного банка и Росстата [5, 7].

Данные таблицы свидетельствуют, что при общем росте расходов на здравоохранение в мире за два десятилетия в 2,6 раза разрыв между странами с высокими и низкими доходами увеличился в 56,6 раза в 2014 г. [5].

Наиболее высокими темпами эти затраты росли в странах БРИКС: в Китае — в 11,4 раза, достигнув 58% к среднемировому уровню; в Индии — в 4,4 раза (всего 21% к мировому уровню в 2014 г.); в России — в 6,1 раза, превысив мировой уровень на 44%; в Бразилии — в 2,5 раза (104% к мировому уровню); в ЮАР — в 2,1 раза (90% мирового уровня).

Между тем, состояние здоровья населения (в том числе трудоспособного) является базовым фактором и одновременно результатом социально-экономической модернизации, напрямую влияя на производительность труда и конкурентоспособность экономики [8, с. 96–97; 9, с. 30–31].

Доля среднемировых затрат на образование в ВВП составляет 4,7%. Наиболее высокий уровень, превосходящий среднемировой, поддерживается в Бразилии и в ЮАР — 6%. В Индии она снизилась и составляет 3,8% (при высокой доле — 31% — неграмотных среди населения старше 15 лет) [5], в Китае — 4,3%. В России показатель самый низкий среди стран БРИКС (3,5%), что никак не соответствует ни внутренним потребностям экономики страны, ни внешним вызовам.

Поддержка сферы образования и здравоохранения как ключевых составляющих развития человеческого капитала становится основным источником социально-экономического развития в экономике знаний [10, с. 67–68], которая в России даёт вклад в ВВП в размере всего 11–12%. В то же время в Западной Европе её вклад уже достиг 35%, в США — 40%, в Китае — 20% и продолжает расти [11, с. 10; 12, с. 12]. Между тем, экономика, основанная на поддержке и развитии человеческого потенциала (прежде всего сферы науки, образования, здравоохранения, информационно-коммуникационных технологий и др.), является локомотивом современной экономики и для стран БРИКС представляет собой стратегический ориентир.

По индексу развития человеческого потенциала (в системе расчётов ПРООН), куда также входят показатели сферы образования и здравоохранения, Россия находится на 50-м месте в мире (2014 г.), Бразилия — на 75-м, Китай — на 90-м, ЮАР — на 116-м, Индия — на 130-м. [13, с. 59].

Уровень и динамика потребления населения

В ООН традиционно в качестве обобщающего показателя жизненного уровня населения используются производство ВВП по паритету покупательной способности (ППС) в постоянных ценах на душу населения. Однако этот показатель не точный, поскольку пропорции в распределении ВВП между потреблением домашних хозяйств, государственными расходами и валовым накоплением капитала неодинаковы. По этой причине в качестве обобщающего показателя уровня жизни в межстрановых сопоставлениях можно использовать показатель потребления домашних хозяйств на душу населения по ППС в постоянных ценах. В Китае при росте ВВП по ППС на душу населения с 1990 по 2016 г. в 9,4 раза (отношение к среднемировому уровню с 17 до 96%) потребление домашних хозяйств по ППС на душу населения выросло в 7,3 раза (табл. 4).

Как видно из таблицы, за последние 26 лет ВВП на душу населения увеличился на 69%, в таких же объёмах возросло и среднедушевое потребление населения. Однако по группам стран этот рост неравномерен. В наибольшей мере эти показатели увеличились в странах со средними доходами в 2,2 раза; в странах с низкими доходами темпы роста доходов и потребления значительно ниже, а их отношение к среднемировому уровню доходов на душу населения снизилось с 12,8 до 10,4% (в 20,7 раза ниже, чем в странах с высокими доходами, и в 7 раз ниже,

Таблица 4

Уровень доходов населения

Год	ВВП на душу населения по ППС в ценах 2011 г.		Потребление домашних хозяйств		
	тыс. долл.	% к миру	доля в ВВП, %	на душу населения в ценах 2011, тыс. долл.	% к миру
Весь мир					
1990	8,9	100	58,0	5,2	100
2000	10,3	100	58,5	6,0	100
2016	15,0	100	58,0	8,7	100
Страны с высокими доходами					
1990	29,1	327	57,9	16,9	327
2000	36,0	349	59,2	21,3	353
2016	43,2	288	59,6	25,8	295
Страны со средними доходами					
1990	4,5	50,0	58,1	2,6	50,1
2000	5,2	50,7	56,4	3,0	49,0
2016	10,6	70,8	54,0	5,7	65,9
Китай					
1990	1,5	17,1	48,3	0,74	14,3
2000	3,7	35,8	46,2	1,7	28,3
2016	14,4	95,9	37,1	5,3	61,4
Индия					
1990	1,8	19,7	60,9	1,1	20,7
2000	2,5	24,2	61,7	1,5	25,5
2016	6,1	40,6	59,4	3,6	41,5
Россия					
1990	20,6	232	48,9	10,1	195,1
2000	14,1	136	46,2	6,5	107,5
2016	24,0	160	53,4	12,8	147
Бразилия					
1990	10,3	116	59,3	6,1	119
2000	11,4	110	64,6	7,3	122
2016	14,0	93,3	64,0	9,0	103
ЮАР					
1990	9,9	111	56,7	5,6	108,6
2000	9,7	94,1	62,4	6,1	100,3
2016	12,3	81,61	60,0	7,4	84,3
БРИКС					
1990	3,5	39,5	53,6	1,9	36,4
2000	4,4	42,6	54,0	2,4	39,3
2016	11,2	74,9	46,6	5,2	60,1

Источник: данные Всемирного банка [5].

чем в среднем по миру) [5]. Доля потребления домашних хозяйств в структуре ВВП в странах с низкими доходами существенно выше, чем в странах со средними и высокими доходами (а также в среднем по миру), и составляет почти 80% [5]. Таким образом, уровень валового накопления основного капитала значительно ниже среднемирового, что ведёт к нарастанию отставания от среднемирового уровня потребления.

Рекордно высокие темпы роста ВВП на душу населения (в 9,4 раза за 26 лет) и по среднедушевому потреблению до-

машних хозяйств (в 7,2 раза), о чём было сказано выше, достигнуты в Китае. Это говорит о высоких темпах роста уровня жизни населения в планово-рыночной экономике. Разрыв между показателями объясняется тем, что в Китае наблюдаются тенденции падения доли домашних хозяйств в ВВП с 48% в 1990 г. до 37% — в 2016 г. при опережающем росте валового накопления основного капитала. Эту тенденцию перенакопления капитала можно оценить как негативную, ограничивающую возможности увеличения внутреннего спроса, что стало одним из факторов снижения темпов роста ВВП в последние годы.

Уровень ВВП на душу населения в 2016 г. в Китае составил 96% от среднемирового. Однако по потреблению домашних хозяйств (64%) отставание от стран с высокими доходами многократно выше. Это свидетельствует о необходимости повышения темпов роста потребления населения для решения поставленной XIX съездом Коммунистической партии Китая (октябрь 2017 г.) задачи достижения к середине века мирового лидерства по этому показателю.

В Индии также наблюдался опережающий рост ВВП на душу населения в 3,5 раза и потребления домашних хозяйств — в 3,4 раза. Однако всё же сохранилось отставание от среднемирового уровня на 40,6 и 41,5% соответственно. В Индии остаётся самый низкий среди стран БРИКС (3,6 тыс. долл.) уровень потребления домашних хозяйств, что свидетельствует о необходимости проведения политики опережающего роста уровня жизни населения.

В России уровень среднедушевого дохода ВВП за этот период (а точнее к концу периода) увеличился всего на 16%, а отношение к среднемировому уровню снизилось с 2,3 раза до 1,6 (на 31%). Это объясняется резким падением ВВП в 1990-е гг. в ходе экономического кризиса. В 2000–2007 гг. ВВП рос темпами, превышающими среднемировые, однако в результате кризиса в 2008 г. сократился на 9% и после недолгого роста снова снизился в результате применения экономических санкций к России. В 2017 г. возобновился умеренный экономический рост. Доля потребления домашних хозяйств в ВВП существенно ниже мирового уровня, с 49% в 1990 г. она снизилась до 46% в 2000 г., но к 2016 г. в результате проведения активной социальной политики поднялась до 53%.

В России за четверть века среднедушевое потребление домашних хозяйств увеличилось всего на 27%, а отношение к мировому уровню уменьшилось с 195% в 1990 г. до 147% — в 2016 г. Это свидетельствует о продолжении политики опережающего роста потребления населения.

В Бразилии ВВП на душу населения увеличился на 36%, отношение к среднемировому уровню снизилось с 116 до 93%; потребление домашних хозяйств на душу населения увеличилось почти в 1,5 раза. Отношение к мировому уровню снизилось с 119 до 103%.

В ЮАР наблюдались низкие темпы роста ВВП на душу населения (24% за 26 лет), в результате чего отношение к среднемировому уровню снизилось со 111% в 1990 г. до 82% — в 2016 г. Среднедушевое потребление домашних хозяйств за тот же период увеличилось на 31%, а отношение к среднемировому уровню снизилось с 109 до 84%.

В странах БРИКС наблюдается значительная дифференциация в уровне доходов населения, что видно из рис. 2.

Наиболее существенная дифференциация доходов населения (уровень экономического неравенства) наблюдается в ЮАР, где соотношение доходов верхних и нижних 10% населения составило в 2011 г. 57 раз, в Бразилии в 2015 г. — почти 37 раз, в России этот коэффициент составил примерно 11 раз. При этом в предыдущих версиях базы данных Всемирного банка эти данные были несколько выше: в России (14,1 раза) [6], в Китае в 2012 г. — 16 раз и в Индии в 2011 г. — 8 раз.

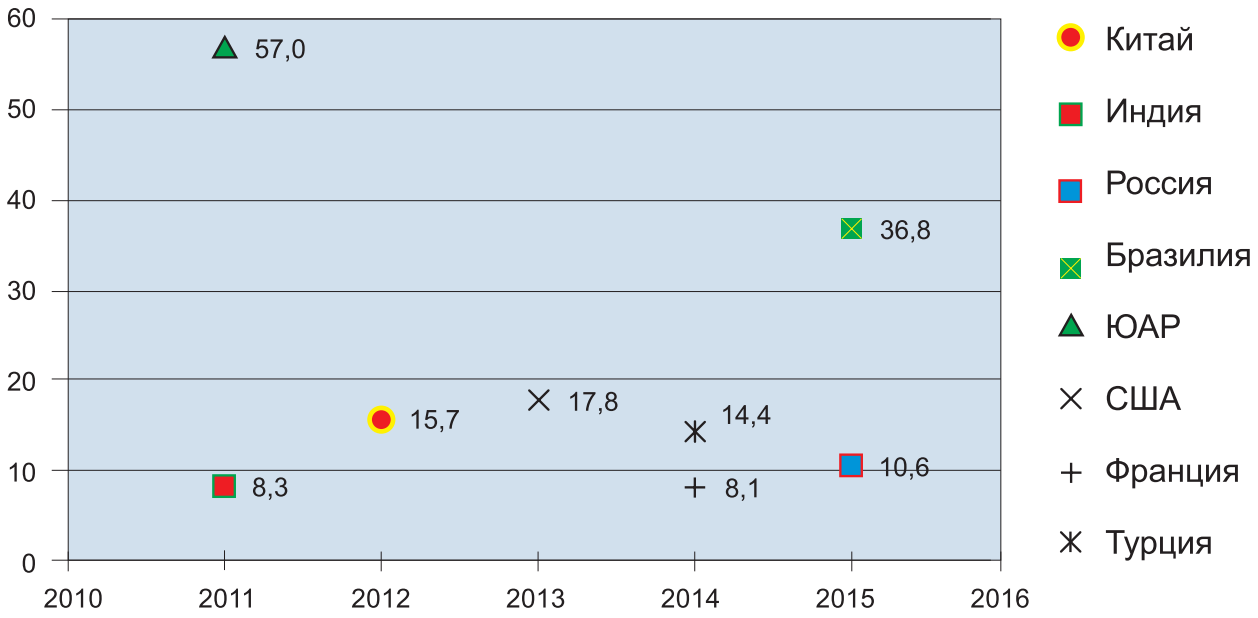


Рис. 2. Прогноз возрастной структуры населения [4]

Уровень государственного регулирования социодемографических процессов

Критической ситуацией в последней четверти века как в странах БРИКС, так и в целом по миру является запоздалая и неадекватная реакция государств на радикальные перемены социодемографической динамики.

Во-первых, демографическая политика, выработанная в послевоенное десятилетие в условиях демографического взрыва, была направлена на ограничение темпов роста населения, сокращение рождаемости и планирование семьи. В результате наблюдалось резкое падение уровня рождаемости и темпов прироста населения как в целом по миру, так и в странах БРИКС. Россия с середины 1990-х гг. вступила в период депопуляции, такая же участь в перспективе ждёт и Китай.

Во-вторых, распространение в странах БРИКС либеральных реформ, направленных на сокращение участия государства в экономике, коммерциализацию здравоохранения, образования и других социальных услуг, равно как развернувшийся глобальный экономический кризис, привели к дополнительным ограничениям социодемографической динамики, росту безработицы, особенно среди молодёжи, падению уровня жизни и обнищанию значительных слоёв населения.

В-третьих, значительно растёт разрыв между странами с высокими и низкими доходам; ООН и интеграционные объединения, включая БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), уделяют недостаточно внимания этой проблеме.

Выводы

Выполненное исследование позволяет сделать следующие основные выводы относительно социодемографической динамики в странах БРИКС и перспектив преодоления критических ситуаций.

1. С конца XX в. в странах БРИКС наблюдаются признаки социодемографического кризиса, обусловленного сменой цивилизационных циклов и отвечающего общим тенденциям глобального социодемографического кризиса. В отдельных странах БРИКС этот кризис имеет специфические особенности, которые необходимо учитывать в перспективной социодемографической политике и во взаимодействии этих стран.

2. Общей критической ситуацией стран БРИКС является падение темпов роста населения в размерах, превышающих среднемировые, вследствие чего доля этих стран в мировом населении сокращается. С середины 1990-х гг. Россия находится в состоянии депопуляции; по прогнозам ООН после 2030 г. депопуляция распространится на Китай. Во всех странах наблюдается ухудшение возрастной структуры населения за счёт опережающего роста доли населения в пожилом возрасте, что вызывает проблемы с пенсионным обеспечением.

Для преодоления данной критической ситуации первостепенное значение имеют выработка и последовательная реализация долгосрочной дифференцированной политики, направленной на поддержание темпов роста населения не ниже среднемировых, преодоление или предупреждение депопуляции, решение проблем растущей доли лиц пожилого возраста и их посильного участия в общественном воспроизводстве.

Проведению такой политики будет благоприятствовать переход со второй четверти XXI в. к повышательной волне 7-го цивилизационного и 6-го Кондратьевского циклов, что повлияет на рост рождаемости и увеличение численности семей.

В демографической политике стран БРИКС следует отказаться от механизма «планирования семьи ради сокращения рождаемости» и осуществлять реальную поддержку увеличению рождаемости и многодетным семьям.

3. Страны БРИКС обладают огромным трудовым потенциалом, доля которого в мире превышает долю в численности населения. Однако уровень эффективности его использования ниже среднемирового, о чём свидетельствует отставание в уровне производительности общественного труда (71,6% от среднемирового).

Стратегическим приоритетом долгосрочной политики в области занятости и использования трудового потенциала является обеспечение опережающих среднемировые темпов роста производительности труда на основе ускоренного освоения и распространения 6-го технологического уклада, повышения уровня квалификации рабочей силы.

Одними из направлений долгосрочной социодемографической стратегии стран БРИКС должны стать стабилизация, а в перспективе — снижение уровня урбанизации на основе политики опережающего развития аграрного сектора, создания благоприятных условий труда и жизни в сельской местности. Это будет способствовать сокращению уровня внутренней и международной миграции.

4. Несмотря на значительный рост среднедушевых затрат на здравоохранение, сохраняется значительное отставание по этому показателю от мирового среднедушевого уровня, особенно в странах с высокими доходами. Этому способствует распространение коммерциализации здравоохранения и образования. Важнейшей стратегической задачей стран БРИКС является существенное увеличение затрат на здравоохранение и их доли в ВВП, с тем чтобы обеспечить превышение среднемирового уровня при повышении качества медицинских услуг, преимущественно на бесплатной основе. В решении этой задачи важную роль может играть усиление интеграционных связей стран БРИКС в области создания многоязычной информационной системы для обучения и повышения квалификации медицинского персонала и медицинского консультирования.

Одной из важнейших задач долгосрочной социодемографической стратегии является опережающий рост затрат на образование, с тем чтобы свести к минимуму безработицу среди молодёжи и обеспечить переквалификацию работников на основе непрерывного образования в условиях быстро меняющейся структуры производства. Эта задача должна решаться в основном за счёт бюджетных

расходов, которые в целом по миру также растут.

5. Хотя в странах БРИКС, особенно в Китае и Индии, за четверть века значительно увеличился ВВП на душу населения, по реальному среднедушевому потреблению наблюдается значительное отставание в Индии и Китае. Необходимо соблюдать оптимальные пропорции в распределении ВВП между потреблением домашних хозяйств, государственными расходами и накоплением основного капитала, чтобы обеспечить опережающие темпы роста уровня жизни населения.

Социальная политика в странах БРИКС (особенно в ЮАР и Бразилии) должна быть направлена на сокращение имущественного неравенства, искоренение голода и нищеты.

6. Критической ситуацией в социодемографической динамике стран БРИКС является запоздалая и зачастую неадекватная реакция государств на радикальные перемены в этой сфере. Продолжается сложившаяся в прошлое десятилетие практика планирования семьи. Чрезмерное распространение получила коммерциализация здравоохранения и образования. Возникают проблемы с пенсионным обеспечением быстрорастущей численности пожилого населения. Отсутствует долгосрочная социодемографическая стратегия, отвечающая вызовам XXI в. Представляется необходимой выработка в странах БРИКС научно обоснованной дифференцированной социодемографической политики, направленной на преодоление выявленных критических ситуаций для обеспечения устойчивой социодемографической динамики с учётом специфики каждой страны.

7. Представляются необходимыми значительное усиление интеграционного взаимодействия стран БРИКС в социодемографической сфере, обобщение накопленного в отдельных странах опыта и выработка долгосрочной стратегии, обеспечивающей устойчивое социодемографическое развитие при сближении основных его показателей в странах БРИКС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковец Ю.В. Растворцев Е.Е. Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций. М.: ИНЭС-МИСК, 2017. 376 с.
2. Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС: Научный доклад к VII саммиту БРИКС / Под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. М.: МИСК—ИНЭС—НКИ БРИКС, 2014.
3. Закономерности, тенденции и перспективы социодемографической динамики цивилизаций / Под ред. Ю.В. Яковца и Н.М. Римашевской М.: МИСК-ИНЭС, 2016.
4. World Population Prospects. The 2017 Revision. Volume II: Demographic Profiles. United Nations. New York, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf (дата обращения: 10.10.2017 г.).
5. База данных Всемирного банка «World Data Bank, World Development Indicators». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?ReportId=58771&Type=Table# (дата обращения: 17.10.2017 г.).
6. Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. О системе целей и стратегии устойчивого развития Евразийского экономического союза // Экономические стратегии. 2016. № 6. С. 6–21.
7. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/e1fc7e8049071786a7b1fff96bd95409 (дата обращения: 23.10.2017 г.).

8. Римашевская Н.М., Русанова Н.Е. Здоровье российского населения в условиях социально-экономической модернизации // Народонаселение. 2015. № 4. С. 96–105.
9. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России // Народонаселение. 2013. № 1. С. 30–41.
10. Аганбегян А.Б. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. С. 66–79.
11. Аганбегян А.Б. Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // ЭКО. 2016. № 2. С. 5–14.
12. Аганбегян А.Б. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста (Продолжение, начало в № 3. 2017. С. 66–79) // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 6–21.
13. Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М.: Проспект, 2017.

ENGLISH

Trends and Prospects of the Socio-Demographic Dynamics of BRICS countries

Yakovets Yuri Vladimirovich is DSc in Economics, President of Pitirim Sorokin-Nikolai Kondratieff International Institute, principal investigator of the project "Socio-Demographic Evolution of Russia and other BRICS Countries: Regularities, Trends and Prospects" (16-02-00229a).
E-mail: yu.yakovets@mail.ru

Rastvortsev Evgeniy Evgenyevich is Researcher of Pitirim Sorokin-Nikolai Kondratieff International Institute, researcher in the same project.
E-mail: e.rastvortsev@gmail.com

The research on the basis of the socio-demographic block of the geo-civilization macro-model using the World Bank and UN databases reveals and quantitatively assesses critical situations of the socio-demographic dynamics in the BRICS countries over the past quarter of the century and provides an outlook for the future:

– the sharp decline in the rate of population growth, the spread of depopulation, aging and the drop in the share of the BRICS countries in the world population;
– insufficient level of labor potential use in comparison with the average global rates;
– lagging behind the average world level in terms of health and education costs;
– belated and inadequate response of states to changes in the socio-demographic dynamics.

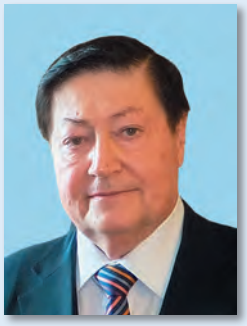
Measures have been identified to overcome critical situations and strengthen the interaction of the BRICS countries in the socio-demographic policy.

Keywords: BRICS, socio-demographic dynamics, population growth rates, age structure of the population, labor potential, labor productivity, health expenditure, consumption by households, state regulation of socio-demographic processes

REFERENCES

1. Yakovets Yu.V. Rastvortsev E.E. Sistema dolgosrochnykh tselej ustojchivogo razvitiya tsivilizatsij. M.: INES-MISK, 2017. 376 s. (in Russian).
2. Perspektivy i strategicheskie prioritety voskhozhdeniya BRIKS: Nauchnyj doklad k VII sammitu BRIKS / Pod red. V.A. Sadovnichego, Yu.V. Yakovtsa, A.A. Akaeva. M.: MISK—INES—NKI BRIKS, 2014 (in Russian).
3. Zakonomernosti, tendentsii i perspektivy sotsiodemograficheskoj dinamiki tsivilizatsij / Pod red. Yu.V. Yakovtsa i N.M. Rimashevskoj M.: MISK-INES, 2016 (in Russian).
4. World Population Prospects. The 2017 Revision. Volume II: Demographic Profiles. United Nations. New York, 2017. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf (data obrashcheniya: 10.10.2017 g.).
5. Baza dannykh Vsemirnogo banka «World Data Bank, World Development Indicators». [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://databank.worldbank.org/data/reports. aspx?ReportId=58771&Type=Table# (data obrashcheniya: 17.10.2017 g.) (in Russian).
6. Yakovets Yu.V., Rastvortsev E.E. O sisteme tselej i strategii ustojchivogo razvitiya Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // Ekonomicheskie strategii. 2016. № 6. S. 6–21 (in Russian).
7. BRIKS. Sovmestnaya statisticheskaya publikatsiya. 2015; Braziliya, Rossiya, Indiya, Kitaj, YUAR / Rosstat. M.: IITS «Statistika Rossii», 2015. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/e1fc7e8049071786a7b1fff96bd95409 (data obrashcheniya: 23.10.2017 g.) (in Russian).
8. Rimashevskaya N.M., Rusanova N.E. Zdorov'e rossijskogo naseleniya v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoj modernizatsii // Narodonaselenie. 2015. № 4. S. 96–105 (in Russian).
9. Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya demograficheskoj i semejnoj politiki v sovremennoj Rossii // Narodonaselenie. 2013. № 1. S. 30–41 (in Russian).
10. Aganbegyan A.B. Chelovecheskij kapital i ego glavnaya sostavlyayushchaya — sfera «ekonomiki znanij» kak osnovnoj istochnik sotsial'no-ekonomicheskogo rosta // Ekonomicheskie strategii. 2017. № 3. S. 66–79 (in Russian).
11. Aganbegyan A.B. Kak preodolet' stagnatsiyu i vosstanovit' ekonomicheskoe razvitie // EKO. 2016. № 2. S. 5–14 (in Russian).
12. Aganbegyan A.B. Chelovecheskij kapital i ego glavnaya sostavlyayushchaya — sfera «ekonomiki znanij» kak osnovnoj istochnik sotsial'no-ekonomicheskogo rosta (Prodolzhenie, nachalo v № 3. 2017. S. 66–79) // Ekonomicheskie strategii. 2017. № 4. S. 6–21 (in Russian).
13. Yakovets T.Yu. Gosudarstvennoe regulirovanie sotsiodemograficheskikh protsessov v Rossii. M.: Prospekt, 2017 (in Russian).

УДК 339.9
ГРНТИ 11.25.41



Ю.Н. САЯМОВ*

Международные отношения в контексте глобальных процессов

В статье рассматриваются взаимосвязи международных отношений и глобальных процессов и содержится новая дополненная формулировка понятия международных отношений. Показано, что основным способом осуществления международных отношений в ходе их эволюции с древних времён и до недавних пор всегда оставались войны и завоевательные походы, оставлявшие не более 5% времени жизни человечества на его развитие в отсутствие больших разрушительных конфликтов. Прослеживается история становления международных отношений во всём мире от первого контакта между самыми ранними цивилизациями через речной, морской и океанический периоды человеческого развития и до Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем и современной ситуации, когда новой системе ещё только предстоит родиться и её конкретные черты пока не проявились.

Ключевые слова: международные отношения, глобальные процессы, системы глобальных процессов

Исследуя международные отношения и глобальные процессы, важно определить, какое содержание вкладывается в эти понятия.

Что такое международные отношения

Несмотря на привычность словосочетания «международные отношения» и его, казалось бы, очевидный смысл в русском и других языках, дать исчерпывающее определение этого многообразного проявления человеческой активности, которое образует неотъемлемую составную часть истории и современности, оказывается делом весьма затруднительным.

Дословно — это отношения между народами. В действительности же на протяжении веков под международными отношениями понимались главным образом отношения между государствами. В отдельных теориях общества международные отношения склонны считать особым видом общественных отношений, выходящим за рамки внутриобщественных связей и территориальных образований [1].

* **Саямов Юрий Николаевич** — профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму» (15-07-00001а).
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

Международные отношения существуют с незапамятных времен, но сам термин, как полагают, утвердился в политическом лексиконе и дискурсе сравнительно недавно. Считается, что его самое раннее употребление содержится в трудах английского философа эпохи Ренессанса Дж. Бентама (1748–1832), который понимал международные отношения как стихийно возникающие отношения крупных национальных государств.

Поскольку речь идёт об отношениях, неизбежен вопрос об их участниках. Немало политиков и исследователей продолжают считать международные отношения отношениями между государствами или, по формулировке французского философа Р. Арона, отношениями между политическими единицами [2]. Другие же, вслед за американским политологом Дж. Розенау, готовы включить в состав участников международных отношений, по его образному выражению, «и туристов, и террористов» [3].

Французский исследователь М. Мерль ввёл так называемый критерий локализации, определяя международные отношения как совокупность соглашений и потоков, которые пересекают границы или же имеют тенденцию к пересечению границ [4]. Этим же критерием пользуются авторы учебного пособия «Международные отношения» под редакцией профессора П.А. Цыганкова, которым принадлежит удачная формулировка: «Международные отношения — это многообразные факторы, события, процессы, нормы и потоки, пересекающие национально-государственные границы» [5].

Однако в отношениях сегодняшнего дня и эта формулировка тоже оставляет без ответа некоторые вопросы. Например, как вписать в таком случае в определение международных отношений деятельность иностранных посольств или граждан других государств, которые, осуществляя эти отношения в странах пребывания, никаких национально-государственных границ не пересекают. Из определения выпадают также международные организации. Вследствие этого, как представляется, определение понятия международных отношений должно включать указание на принадлежность их участников к разным государствам или международным организациям, что, собственно, и образует международный характер их отношений. Соответственно, приведённая выше формулировка могла бы быть дополнена следующим образом: «Международные отношения — это многообразные факторы, события, процессы, нормы и потоки, принадлежащие разным государствам или международным организациям, пересекающие национально-государственные границы или вступающие во взаимодействие на отдельно взятой территории».

Эволюция международных отношений с древности до наших дней

Прослеживая эволюцию международных отношений с древности и до наших дней, нельзя не отметить, что основным способом их осуществления до недавних времён служили почти исключительно войны и завоевательные походы. С 3600 г. до н.э. и по сей день лишь 294 года, т.е. немногим более 5% всего времени, были годами без больших войн. За это время в войнах и конфликтах погибло в общей сложности не менее 3,5 млрд человек [6].

Конец изолированного существования народов и начало их общей глобальной истории и тем самым международных отношений наступили, как считается, примерно 36 веков тому назад, когда египетский фараон XVIII династии Тутмос I предпринял завоевательный поход в Сирию и достиг Месопотамии, впервые перебросив мост между двумя великими цивилизациями древности. По мнению известного французского учёного Гастона Шарля Масперо, это стало началом той всемирной исторической драмы, которая с тех пор непрерывно разыгрывается на глобальной сцене, меняя лишь

своё содержание, актёров и внешние формы проявления [7].

Если бросить беглый взгляд на историю формирования международных отношений, то мы увидим, что она берёт своё начало с первых цивилизаций древности, которые были цивилизациями речными, образовавшимися на плодородных долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Ганга, Янцзы. За периодом речных последовал период морских цивилизаций, который охватывает 25 столетий — с финикийской колонизации Средиземного моря и основания Карфагена до Великих географических открытий. Начавшийся вместе с Новым временем и Великими географическими открытиями период океанических цивилизаций охватывал уже весь земной шар. Построение, в котором всемирная история подразделяется на три больших периода речных, морских и океанических цивилизаций, предложил выдающийся русский учёный-географ Лев Ильич Мечников, считающийся отцом русской геополитики [8], в книге «Цивилизация и великие исторические реки», вышедшей в Париже в 1889 г., спустя год после смерти автора [9].

Формирование геополитических систем международных отношений

Формирование первой геополитической системы международных отношений, которой стал Вестфальский порядок, происходило в мире, в котором к этому времени уже складывались основные государства и межконтинентальные контакты начали приближать материки друг к другу, расширяя рынок товаров и технологий до мирового масштаба. В то же время это мир начавшегося колониального грабежа и передела, в котором обретённые таким путём богатства всё больше стали определять место и значимость государства на международной сцене. Средневековые территориальные споры и военные конфликты заменялись новыми масштабными противоречиями в процессе образования новых государств, стремившихся к суверенности. Разразившаяся в Европе Тридцатилетняя война (1618–1648) впервые стала столь масштабным военным конфликтом, затронувшим практически все европейские страны, включая Россию (рис. 1).

Начавшись как религиозное столкновение протестантов и католиков, война переросла в общеевропейскую бойню, приблизившуюся по своим жертвам и разрушениям к будущим мировым войнам XX в. Погибло около 2 млн 100 тыс. участников военных действий и более 6 млн мирных жителей [10]. Вестфальский мир, заключённый по итогам кровавой Тридцатилетней войны, которая явилась по сути дела мировой войной своего времени, утвердил принципы суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела других государств как основу для построения международных отношений в послевоенной Европе, а затем и в глобальном масштабе. В международной жизни начало укореняться понятие «государственного интереса», доминантной становится идея политического равновесия.

Принципы Вестфаля, претерпев со временем некоторые изменения, продолжают и сегодня определять суверенитет государства как основу, на которой строятся международные отношения, что зафиксировано в Уставе ООН. Эпоха Вестфаля оставила глубокий след в развитии международных отношений. В её первый период ожесточённые войны европейских государств на суше и на море выходят за пределы Старого света и переплетаются между собой, приводя, по сути дела, к общеевропейской войне в мировой проекции. В число великих держав, без которых не мог решаться ни один из вопросов общеевропейского, а затем — и мирового уровня, в 1721 г. по завершении Северной войны вступает Россия. Ведущие государства Европы вырабатывают долгосрочные концепции своих государственных интересов на европейской и мировой арене, создавая возможности для формирования союзов государств и их иерархии на осно-

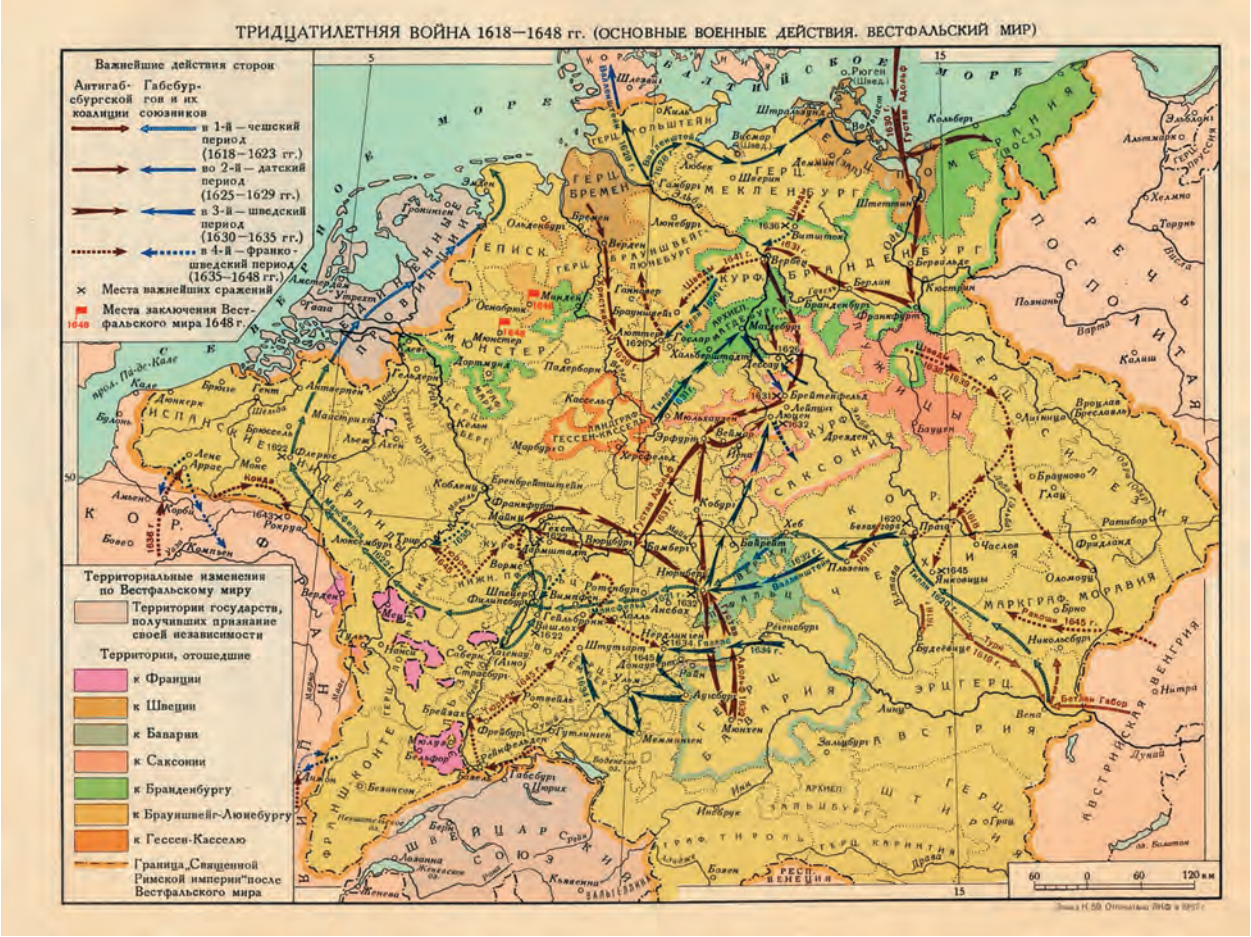


Рис. 1. Карта военных действий Тридцатилетней войны

ве более стабильных и предсказуемых позиций. Начинает складываться модель мироустройства, в которой европейская политика оказывает определяющее влияние на другие регионы мира.

На последующем этапе Вестфальская система испытывает значительное усложнение международных отношений из-за нарастания конфликтов и нарушения баланса сил, в результате чего страдает её устойчивость. В этот период возникают Соединённые Штаты Америки, происходит возвышение России и упадок Османской империи, разделённая между тремя государствами Польша надолго исчезает с политической карты Европы. После Великой французской революции 1789 г. начинается растянувшийся почти на четверть века период перекройки международных отношений в ходе войн Наполеона (рис. 2) и насильственной унификации Европы под его началом. Эта попытка потерпела крах в результате разгрома Наполеона в России в 1812 г. и его окончательного поражения в следующем году в «битве народов» под Лейпцигом.

Изменившиеся политические и международные отношения диктовали необходимость их нового системного урегулирования. Этим занялся Венский конгресс 1815 г., создавший Венскую систему международных отношений, которую также называют системой Европейского концерта, имея в виду достигнутое согласие основных государств-участников, её гарантов. Впервые было сформулировано понятие «великие державы» применительно к России, Австрии и Великобритании, которые вместе с Пруссией создали значимый прецедент, взяв в «клуб победителей» побеждённую Францию в целях достижения единства и стабильности основ-

ных государств Европы. Венская система, в рамках которой утвердилась многосторонняя дипломатия, стала почти на 40 лет — до начала Крымской войны — прообразом системы коллективной безопасности в Европе. В отличие от Вестфальской, Венская система включала в свою орбиту уже не только отдельные государства, но и их коалиции. Ответственность за поддержание баланса сил возлагалась теперь на основные державы и осуществлялась путём проведения международных конференций по вопросам, которые определялись как угрожающие миру.

В период Венской системы международные отношения приобретают глобальный характер, окончательно формируются Французская (1852), Германская (1871) и Британская (1876) империи. Венская система оказалась очень устойчивой и на всём протяжении своего существования осталась практически неизменной. Правящие элиты ведущих держав, отвечавших за систему, имели схожие взгляды на международные отношения и стремились решать международные проблемы посредством договорённостей, компромиссов и коалиционных соглашений, когда это удавалось.

Совершенно иной характер имела пришедшая ей на смену после Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Победители в этот раз не только не пригласили в свой клуб побеждённую Германию, но и постарались создать для неё и других проигравших стран и новых государственных образований дискриминационные условия. Россия, ставшая советской в результате произошедшего изменения социального строя, вообще выбыла из послевоенного урегулирования, а новая система международных отношений с самого начала приобрела антироссийскую направленность.

Вышедшие на мировую арену Соединённые Штаты Америки, которые за время войны превратились из должника Европы в её основного кредитора, закрепили вместе с Великобританией и Францией своё лидерство в новой системе. Мир перестаёт быть европоцентристским, превращаясь в глобальную систему. Его новой чертой в это время становится попытка создания универсальной организации. Однако образованная по Версальскому договору Лига Наций (рис. 3) не отвечала этой задаче, будучи структурой политически пристрастной и по существу подконтрольной Франции и Великобритании.

Исключение из урегулирования России и Германии — базовых игроков на евро-

Рис. 2. Наполеоновские войны

Рис. 3. Заседание Лиги Наций (1924 г.)

пейской и мировой сцене, а также дискриминационное отношение основных держав к новым образованиям, проигравшим в войне странам и другим государствам «второго сорта», сделало Версальско-Вашингтонскую систему изначально несбалансированной и нестабильной, что не сокращало, а, напротив, увеличивало возможность следующего мирового конфликта.

Он не заставил себя долго ждать, разразившись в 1939 г. Начало Второй мировой войны обозначило конец Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, которая просуществовала всего 17 лет.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, сформированная союзниками по антигитлеровской коалиции, первоначально не мыслилась как биполярная. На волне общей антифашистской борьбы союзники, несмотря на разногласия, были готовы ещё в Ялте и отчасти в Потсдаме (рис. 4) вместе создавать послевоенный мир. Эти устремления реализовались путём учреждения подлинно универсальной Организации Объединённых Наций в октябре 1945 г. Однако опасения перед накопленной военной мощью Советского Союза и англосаксонские планы уничтожения глобального соперника посредством появившегося у американцев атомного оружия вскоре подвигли сменившееся руководство США и Великобритании к размежеванию. Между Западом и Востоком опустился «железный занавес» и началась «холодная война», что было инициировано недавними западными союзниками. Оба термина запустил в оборот Черчилль, который в 1946 г. произнёс в Фултоне — на родине нового американского президента Трумэна — речь, ставшую отправной точкой для формирования блокового противостояния в глобальном масштабе.

Возникшая биполярная система международных отношений имела на одном полюсе США со своими союзниками, создавшими в 1949 г. военный блок НАТО, и на другом — СССР, вокруг которого образовывалось сообщество стран народно-демократической и социалистической ориентации. Советский Союз, выступивший в 1960 г. на 15 сессии Генеральной Ассамблеи ООН инициатором принятия Декларации о предоставлении независимости ко-

Рис. 4. Руководители стран антигитлеровской коалиции И. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль на Потсдамской конференции (июль – август 1945 г.)

лониальным странам и народам и много сделавший для их освобождения, обрёл десятки сторонников из числа новых независимых государств. Конфигурация Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений дополнилась Движением неприсоединения, которое образовали не присоединившиеся к двум блокам государства. Вместе с выходившими на международную арену молодыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки они составляли так называемый Третий мир, в котором две сверхдержавы вели борьбу за влияние.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений на протяжении более 45 лет удерживала мир от новой глобальной конфронтации и, как принято считать, прекратила своё существование в 1991 г. вместе с одним из её полюсов — Советским Союзом. Однако постбиполярный мир отнюдь не стал ни более стабильным, ни более безопасным. Напротив, в нём множились политические и военные конфликты, велись активные боевые действия, и напряжённость достигала уровня, сравнимого с самыми опасными кризисными ситуациями в международных отношениях прошлой биполярной эпохи.

Концепция однополярного мира с Соединёнными Штатами во главе, судя по всему, никого, кроме них самих, не устраивала. Даже связанных англосаксонской солидарностью британцев роль вассала большого заокеанского брата никак не вдохновляла, не говоря уже о немцах и тем более о французах. Однако претензии США на то, чтобы доминировать в мире, открыто предъявлялись и отчасти реализовывались в «выкручивании рук» Евросоюзу и другим участникам международных отношений, которые различными способами влияния принуждались к следованию в фарватере американской политики, нередко вопреки собственным интересам.

Сложность и разнообразие современных международных отношений

Современные международные отношения отличаются огромным разнообразием и чрезвычайной сложностью по структуре и содержанию. Выступая на Совещании послов и постоянных представите-

лей Российской Федерации при международных организациях, Президент Российской Федерации В.В.Путин отмечал, что международные отношения постоянно усложняются, происходит их стремительная трансформация. Сегодня в них тем или иным образом участвуют сотни миллионов людей самых разных профессий, возрастов, занятий и интересов [11]. В ходе развития международных отношений появились международные союзы и организации, заявили о себе в качестве самостоятельных участников крупные города, политические и общественные движения, неправительственные объединения. Дипломатия вождей и королей сменилась дипломатией государств и народов, дополнилась общественной или публичной дипломатией, занимающей в наши дни далеко не последнее место на мировой арене. Хотя государства по-прежнему остаются основными действующими лицами и исполнителями сложного спектакля мировой дипломатии, они уже не единственные участники международных отношений. Негосударственные участники играют возрастающую роль в международных делах и выступают со своими, зачастую весьма эффективными, вариантами дипломатии — народной, муниципальной, которая, как утверждается, более близка к народу и потому более представительна, дипломатии городов, дипломатии глобального гражданского общества, дипломатии транснациональных корпораций и др.

Конец эры биполярности означал, наряду с прочим, что кардинально изменившееся положение дел в мире потребует разработки новых внешнеполитических подходов, стратегий и концепций. Это касалось практически всех основных игроков на мировой арене, если не всех государств вообще, формирующих собственную внешнюю политику.

США имели разработанную и представленную в августе 1991 г. Стратегию национальной безопасности (СНБ-91), которая через несколько месяцев оказалась устаревшей, поскольку не предусматривала распад СССР. Администрация президента Джорджа Буша-старшего поспешила воспользоваться ситуацией, чтобы закрепить преимущественные позиции для своей страны и использовать появившиеся благоприятные условия для формирования нового мирового порядка, о котором президент США говорил, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 12 сентября 1990 г. В новых условиях главной задачей США стало предотвращение появления на мировой арене противника, сопоставимого с Советским Союзом.

В ноябре 1992 г. новым президентом США был избран демократ Уильям (Билл) Клинтон. При его администрации была сформирована и провозглашена «концепция расширения демократии», которая предусматривала укрепление «трансатлантического ядра» посредством развития партнёрских отношений со странами Европейского сообщества, включение бывших социалистических стран, кроме России, в сферу трансатлантического влияния, проведение «гуманитарных акций» по урегулированию конфликтных ситуаций в мире. Эта концепция, получившая название «доктрины Лейка» (по имени помощника президента США по национальной безопасности), закрепляла геополитические итоги распада СССР и американское лидерство в мире, одновременно обеспечивая стратегические приоритеты США в плане расширения использования американской силы в международных отношениях и сохранения американского присутствия в Европе и на других континентах. Говоря о «единстве демократического мира», Клинтон имел в виду достижение консенсуса с другими странами на американских условиях и их вовлечение в реализацию интересов США в роли младших партнёров. Эта внешнеполитическая линия администрации Клинтона получила название «навязанного консенсуса».

Расширение НАТО на Восток

В то время на Россию было развёрнуто массированное наступление Запада в вопросе о расширении НАТО на Восток. Противодействуя этому намерению, президент Б.Н.Ельцин потребовал на саммите «семёрки» в Неаполе 8–10 июля 1994 г. соблюдения устных обязательств лидеров стран НАТО о нераспространении НАТО на Восток, которые были даны М.С.Горбачёву на переговорах об объединении Германии летом 1990 г. Не отрицая факта этих обязательств, администрация Клинтона отказалась их выполнять под предлогом того, что они были даны президенту СССР, а не президенту России, назвав при этом требования Ельцина нереалистичными. Состояние вооружённых сил и экономики России в это время, к сожалению, не позволяло отстоять свои позиции и не допустить расширения НАТО на Восток. 1 декабря 1994 г. в коммюнике НАТО было заявлено о начале процесса расширения НАТО на Восток. Президент Ельцин, выступая 5 декабря 1994 г. в Будапеште на саммите по безопасности и сотрудничеству в Европе, констатировал, что расширение НАТО на Восток подрывает систему европейской безопасности, нарушая договорённости Парижского саммита 1990 г., и меняет «холодную войну» на «холодный мир». Взамен он предложил совместное создание концентрической системы безопасности с участием НАТО, ЕС, ОБСЕ и СНГ, но не был услышан. Расширение НАТО на Восток уже было для Запада решённым делом, и остановить его Россия возможности не имела. Стремясь во что бы то ни стало добиться для себя односторонних преимуществ, Запад невольно заставил Россию задуматься о цене и истинном смысле «западной дружбы», в объятия которой она так неосмотрительно бросилась, наивно поверив «другу Биллу» и иным «друзьям», искавшим в этой «дружбе» только собственные интересы и выгоду.

Подписавший 30 мая 1995 г. на саммите НАТО в голландском Нордвейке соглашение о присоединении нашей страны к программе НАТО «Партнёрство ради мира» (ПРМ) министр иностранных дел России А.В.Козырев 5 января 1996 г. был отправлен в отставку. Период безоглядного следования России в фарватере вашингтонской внешней политики завершился. Назначенный вместо него академик Е.М.Примаков вступил в решительную борьбу против расширения НАТО на Восток и, не имея возможности остановить этот процесс, добился его определённого ограничения на российских условиях. Формируя независимую внешнюю политику России, Примаков последовательно выступал против диктата Вашингтона и американской «свободы рук» во внешней политике. Новая концепция независимой внешней политики России, ориентированной на национальные интересы страны, получила название «разворота Примакова», после того как в 1999 г., направляясь с визитом в США, он распорядился развернуть самолет над Атлантикой в обратную сторону, когда узнал, что США начали бомбить Югославию.

Новый интервенционизм

Становление и применение американской «концепции нового интервенционизма» произошло под эгидой президента Клинтона, который в ноябре 1996 г. был избран на второй срок. Эта концепция предполагала, что наряду с операциями по поддержанию мира (peace-keeping operations) могут осуществляться также операции по принуждению к миру (peace-enforcement operations). В стратегию национальной безопасности США было включено положение о «новом интервенционизме» (new interventionism), подразумевавшее право США и их союзников на вмешательство во внутренние дела других стран в гуманитарных целях. Появился термин «несостоявшиеся государства» (failed states), под которыми понимались страны, не способные обеспечивать мир и порядок на собственной территории. Вмешательство в их дела администрация Клинтона считала целесообразным про-

водить в контексте деятельности ООН, но допускала и самостоятельные акции в обход ООН с участием НАТО.

Концепция «нового интервенционизма» была применена при участии ООН в Сомали в 1993–1994 гг., где операция завершилась провалом. Более успешным оказалось американское вторжение на Гаити в 1994 г., когда удалось восстановить во власти свергнутое военной хунтой правительство во главе с возвращённым из американской эмиграции католическим священником Жаном Бертраном Аристидом.

Вмешательство в Либерии, где шла гражданская война, и в Сьерра-Леоне, которая оказалась в зоне распространения либерийского конфликта, ограничилось со стороны США предоставлением материальной помощи, в то время как основную работу взяли на себя миротворческие контингенты Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) в Либерии и ООН — в Сьерра-Леоне.

Действия администрации Клинтона ввели посредством создания ряда прецедентов «новый интервенционизм» в практику международных отношений. В 2008 г. понятием «принуждения к миру» воспользовался президент России Д.А. Медведев для обозначения действий Российской Федерации по сдерживанию агрессии Грузии против Южной Осетии и размещённых на линии разграничения миротворческих сил.

Однако применение концепции «нового интервенционизма» в отношении Югославии без мандата ООН, но с участием НАТО и с применением массированных бомбардировок, повлекших жертвы среди мирного населения, не имело достаточного обоснования и было расценено в мировом сообществе как международный разбой и произвол распоясавшегося гегемона. Такое развитие событий ещё недавно было бы невозможным в условиях сдерживающей силы биполярности.

События в бывшей Югославии и вокруг неё усилили атмосферу нестабильности в Европе и опасения государств в отношении собственной безопасности на фоне действий США и растущей мощи объединённой Германии. Последняя ведь тоже могла бы однажды последовать примеру заокеанского глобального гегемона и заявить о претензии на ведущую роль на своём континенте. Россия осудила агрессию США и НАТО против Югославии. Она пыталась ей противодействовать и противостоять расчленению государства по этническому признаку, выступая против создания албанского анклава в Косово на исторической сербской территории, где албанцы-мусульмане разрушали древние православные храмы, монастыри и вытесняли исконное сербское население. В ночь с 11 на 12 июня 1999 г. российская миротворческая бригада была переброшена в столицу Косово Приштину и, заняв аэропорт, заблокировала его для самолетов НАТО. Главнокомандующий войсками НАТО в Европе американский генерал Кларк распорядился силой открыть аэропорт, но главнокомандующий силами НАТО на Балканах британский генерал Джексон не стал выполнять приказ своего воинственного американского коллеги, справедливо расценив его как безумный. Компромисс был найден на саммите «семёрки» в Кельне, в состав которой была приглашена Россия, что сделало этот формат международного общения на некоторое время «восьмёркой».

Новый этап в международных отношениях

Военные действия в Югославии завершились расчленением недавно ещё единого и процветавшего государства. Нападение США и НАТО на балканскую страну ознаменовало новый этап в международных отношениях, на котором стало реальностью военное вмешательство Запада во внутренние дела независимого государства за пределами своих границ и зоны ответственности без санкции Совета Безопасности ООН. Это означало прямое и грубое нарушение международного права. Вместо принципа нерушимости национального суверенитета инициаторы

агрессии пытались утвердить принцип избирательной легитимности, подразумевавший, что в отношении отдельных государств может допускаться принудительное ограничение их суверенитета силой.

Принцип избирательной легитимности, неоднократно применённый впоследствии США и их союзниками в отношении таких независимых и вполне состоявшихся, богатых государств, как Ирак, Ливия и Сирия, создал опасную практику, угрожающую любому государству, которое не сможет защитить себя путём причинения агрессорам неприемлемого ответного ущерба. Выбор стран, подвергшихся агрессии, лежит на поверхности. Югославия мешала Западу как мощная сила на Балканах, занимавшая к тому же третье место в мировой торговле оружием и военным снаряжением. Ирак, Ливия и Сирия располагали огромными запасами нефти, к которым Запад получил доступ в результате агрессии. Не следует, поэтому, удивляться ускоренному перевооружению России и сетовать на тяжесть расходов на оборону, которые могли бы быть направлены на другие цели. Это сегодня — цена выживания независимого государства, располагающего огромными природными богатствами, на которые открыто зарятся хищники, желающие ими обладать.

Поворот России в сторону проведения независимой, ориентированной на национальные интересы внешней политики вызвал за океаном обеспокоенность и сопротивление. В течение примерно десяти лет после краха биполярности США удавалось удерживать мир в формате своего однополярного доминирования, пользуясь отсутствием противовеса, способного уравновесить их влияние. США отдавали себе отчёт в том, что американское лидерство в оболочке глобализационного проекта может быть осуществлено только при обеспечении определённых условий для этого. В политическом плане необходимо было добиваться отмены в той или иной форме права вето, которым располагают при принятии решений в Совете Безопасности ООН его постоянные члены. Для реализации этой задачи США предпринимали попытки соответствующего реформирования ООН, которые, однако, несмотря на настойчивость, не увенчались успехом американской дипломатии.

Этой же цели была призвана послужить инициатива занявшего президентское кресло в 2017 г. республиканца Дональда Трампа, предложившего в сентябре нынешнего года в своём выступлении на Генеральной Ассамблее ООН принимать решения в Совете Безопасности ООН простым большинством голосов.

Другая политическая задача для США заключалась в том, чтобы через прецеденты и давление добиться утверждения в международном праве новой нормы о допустимости принудительной смены неугодных режимов, которые являются или могут быть признаны опасными для мирового сообщества. Эту задачу предполагалось решать в отвечавших внешнеполитическим целям США контекстах посредством информационных манипуляций для создания необходимого общественного мнения. В военном плане ставилась задача добиваться сокращения ядерных потенциалов и обычных вооружений России, а также Китая и других возможных конкурентов до уровня, не представляющего опасности для США. В экономическом плане было необходимо сохранять «Вашингтонский консенсус» как основу для выстраивания национальных экономик на принципах, навязанных США.

Не сумев добиться своих целей, американские политики принялись бездумно сеять в отношениях США и России ядовитые семена вражды и ненависти, которые могли прорасти всходами новой глобальной катастрофы, чреватой гибелью всего человечества. В условиях, когда президент Трамп, поддавшись опасному тренду, пригрозил в сентябре 2017 г. непослушной американской воле Северной Корее ни много ни мало как полным уничтоже-

нием этой страны с её населением, превышающим 25 млн человек, стало ясно, какой реальной угрозе подвергается мир, откуда она исходит и как необходима мобилизация общих усилий, чтобы преодолеть новые вызовы во имя мирного будущего и совместно работать над достижением целей устойчивого развития вместо перспективы совместно погибнуть в результате безумства ядерных амбиций.

Ценности и смыслы международных отношений

В бесконечных войнах складывалось понимание высшей экзистенциальной ценности для человечества — мира как состояния без войны и сопутствующих ей жертв и разрушений. Мир ipso facto становился терминальным смыслом конфликта. Базовыми ценностями международных отношений стали Вестфальские принципы и остаются в настоящее время. В них берут своё начало ценностные идеи мирного сосуществования, достижения безопасности и сотрудничества государств в целях поддержания мира в Европе и во всем мире. Неконтролируемый распад международных отношений, основанных на Вестфальских принципах, мог бы иметь своим следствием суверенитет только для тех, кто готов и имеет достаточно силы, чтобы преступить нормы международного права и законности. Борьба за суверенитет, его утверждение в мире, меняющиеся представления о значении суверенности государств — всё это позволяет рассматривать распространение принципа суверенитета в мире как глобальный процесс, который имеет особую ценность и основополагающее значение для формирования международных отношений в различные геополитические эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Системная история международных отношений: В 4 т. 1918–1991 / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000.
2. Цыганков П.А. Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений // Власть и демократия. Зарубежные учёные о политической науке: Сборник статей. М., 1992. С. 154–155.
3. Цыганков П.А. Участники международных отношений // Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 230.
4. Цыганков П.А. Международные отношения: Учебное пособие. М.: Новая школа, 1996.
5. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: Учебное пособие / П.А. Цыганков, Г.А. Дробот, М.М. Лебедева и др. / Под ред. П.А. Цыганкова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2009.
6. См.: Лобер В.Л. Международные отношения: понятие, структура, историческая логика развития URL: http://www/xserver.ru/user/mopsi/ (дата обращения: 06.11.2017).
7. Гастон Шарль Масперо (1846–1916) — французский учёный, исследователь древних цивилизаций. См.: Масперо Г. Древняя история. Египет, Ассирия. 3-е изд. пер. с фр. М., 1905; Масперо Г. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Пер. с фр. Т.1, М., 1916
8. См.: Евдокимов В.И. Отец русской геополитики // НГ-наука. 2013. № 8. С. 12.
9. См.: Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013.
10. См.: Абрамсон М.Л., Гуревич А.Я., Колесницкий Н.Ф. История Средних веков. М., 1964.
11. Путин В.В. Выступление на Совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации при международных организациях 9 июля 2012 г. // Международная жизнь. 2012. № 7. С. 2.

ENGLISH

International Relations in the Context of Global Processes

Sayamov Yury Nikolaevich is Professor and Head of the UNESCO Chair at the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University, head of the project "International relations in the context of global processes and issues of security and countering terrorism" (15-07-00001a).
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

This study investigates interconnections of international relations and global processes. It contains a new amended formulation of the notion of international relations. The paper shows that the main ways of carrying out international relations in the course of their evolution since the ancient times until very recent periods have always been wars and conquests leaving not more than 5% of the whole time for the development of people in the absence of major devastating conflicts. It traces the history of international relations worldwide from the first contacts of ancient civilizations, through the river, see and ocean periods of human development to Westphal, Vienna, Versailles-Washington and Yalta-Potsdam systems and the present days, when a new system is just to be born and its specific features are not visible so far.

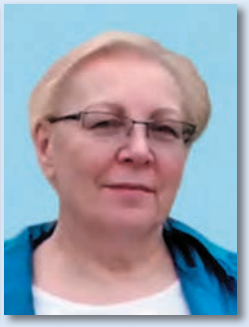
Keywords: international relations, global processes, systems of international relations

REFERENCES

1. Sm. Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: V 4 t. 1918–1991 / Pod red. A.D. Bogaturova. M.: Moskovskij rabochij, 2000 (in Russian).
2. Tsygankov P.A. Rajmon Aron o politicheskoj nauke i sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenij // Vlast' i demokratiya. Zarubezhnye uchyonye o politicheskoj nauke: Sbornik statej. M., 1992. S. 154–155 (in Russian).
3. Tsygankov P.A. Uchastniki mezhdunarodnykh otnoshenij // Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Gardariki, 2003. S. 230 (in Russian).
4. Tsygankov P.A. Mezhdunarodnye otnosheniya: Uchebnoe posobie. M.: Novaya shkola, 1996 (in Russian).
5. Mezhdunarodnye otnosheniya: teorii, konflikty, dvizheniya, organizatsii: Uchebnoe posobie / P.A. Tsygankov, G.A. Drobot, M.M. Lebedeva i dr. / Pod red. P.A. Tsygankova. Izd. 2-e, pererab. i dop. M., 2009 (in Russian).
6. Sm.: Lober V.L. Mezhdunarodnye otnosheniya: ponyatie, struktura, istoricheskaya logika razvitiya URL: http://www/xserver.ru/user/mopsi/ (data obrashcheniya: 06.11.2017) (in Russian).
7. Gaston Sharl' Maspero (1846–1916) — frantsuzskij uchyonyj, issledovatel' drevnikh tsivilizatsij. Sm.: Maspero G. Drevnyaya istoriya. Egipet, Assiriya. 3-e izd. per. s fr. M., 1905; Maspero G. Vo vremena Ramzesa i Assurbanipala. Per. s fr. T.1, M., 1916 (in Russian).
8. Sm.: Evdokimov V.I. Otets russkoj geopolitiki // NG-nauka. 2013. № 8. S. 12 (in Russian).
9. Sm.: Mechnikov L. Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki. M.: Ajris-Press, 2013 (in Russian).
10. Sm. Abramson M.L., Gurevich A.Ya., Kolesnitskij N.F. Istoriya Srednikh vekov. M., 1964 (in Russian).
11. Putin V.V. Vystuplenie na Soveshchanii poslov i postoyannykh predstavitelej Rossijskoj Federatsii pri mezhdunarodnykh organizatsiyakh 9 iyulya 2012 g. // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2012. № 7. S. 2 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 03-240
ГРНТИ 11.07.21



О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О.И. ГОРДЕЕВА, К.А. РОГОЖИНА, М.Г. ПЕТРОВА*

Методы политико-компаративных исследований

Статья содержит подробный анализ методов, применяемых в настоящее время в сравнительной политологии для изучения процессов на постсоветском пространстве. Особое внимание авторы уделили технологиям качественного и количественного, а также смешанного методов компаративистского исследования и особенностям их применения в исследованиях политических субъектов и явлений.

Ключевые слова: сравнительная политология, методы политического исследования, количественный анализ, качественный анализ, переменные, case study, смешанный анализ

* **Гаман-Голутвина Оксана Викторовна** — доктор политических наук, заведующая кафедрой Московского государственного института международных отношений МИД России, Президент Российской академии политических наук, руководитель проектов «Эффективные подходы современной сравнительной политологии к исследованию политических акторов и политических институтов в странах постсоветского пространства» (14-03-00815а) и «Политические элиты как предмет компаративного анализа: методология и методы исследования; стратегии и технологии эффективного управления» (17-03-00746а).
E-mail: ogaman@mail.ru

Гордеева Ольга Ивановна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института логики, исполнитель тех же проектов.
E-mail: ogrdv@mail.ru

Рогожина Ксения Андреевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института логики, исполнитель тех же проектов.
E-mail: rogozhina_1986@inbox.ru

Петрова Мария Григорьевна — ведущий специалист Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, исполнитель тех же проектов.
E-mail: wissen-pol@mail.ru

Методический арсенал сравнительного анализа весьма разнообразен и включает широкую палитру инструментов: от основательного изучения одного казуса до максимального квантифицированного, отличного от статистики только числом изучаемых объектов, в качестве которых трудно узнаваемы политические феномены или процессы. Результаты применения спектра методов также существенно разнятся: если итогом углублённого исследования одного случая является детализированное, богатое конкретикой понимание специфики одной страны, то результатом изучения множества объектов (государств, партий, законов и пр.) может стать математическая модель, фиксирующая принципы или тенденции развития всей совокупности существующих в мире стран, однако крайне скупая с точки зрения информации о характеристиках изучаемых объектов. Соотношение числа изучаемых объектов и богатства информации о них в сравнительном анализе подобно известному соотношению объёма и содержания понятия: чем большее число объектов определяемо понятием, тем меньше информации оно содержит.

Для систематизации методов сравнительного анализа А.Лейпхарт в 1971 г. [1] предложил различие конфигуративной и статистической моделей. В рамках конфигуративного подхода важнейшей целью является тщательное описание кейса или кейсов, с тем чтобы потребитель исследования мог представить всеобъемлющую логику, включая социальный и культурный контексты политической жизни в ограниченном примере.

В 1987 г. Ч.Рэйджин [2] провёл различие между казусно ориентированным исследованием и исследованием, основанным на использовании переменных. Как и в классификации Лейпхарта, речь по существу шла о разделении методов на качественные и количественные.

Качественные методы (конфигуративные, case study, казусно ориентированные) предполагают изучение одного или немногих случаев во всей полноте их сущностных и функциональных характеристик, с учётом контекста, для максимально полного понимания содержания и специфики предмета исследования. Кейс-стади фокусируются на характере кейса и взаимодействии факторов внутри него, что делает обобщение более затруднительным.

Разница между использованием большого и малого числа случаев влечёт за собой также фиксацию причинной связи различной природы: при использовании малого числа случаев фиксируется преимущественно детерминистская причинность, тогда как при использовании больших чисел — вероятностная.

Детерминистская причинность предполагает, что определённая причина *всегда* производит один и тот же эффект, тогда как *вероятностная* причинность *обычно, но не обязательно* производит эффект. Последнее побуждает поставить вопрос о том, при каких условиях наступает изучаемый эффект? Однако и при детерминистской, и при вероятностной причинности подразумевается, что данные виды связи отличны от простой корреляции. Корреляция означает, что одновременно или последовательно происходящие явления находятся в причинно-следственной связи [3].

Количественные методы политико-компаративных исследований

Количественные исследования, как правило, предполагают значительное число случаев, и использование значительных массивов количественных данных благодаря современной технике не представляет трудности, тогда как качественные исследования могут быть ограничены небольшим числом, а то и вовсе одним случаем (single-case study). Это связано, прежде всего, с тем, что качественные данные, как правило, обладают множеством сложных, порой многосоставных, харак-

теристик, что делает затруднительным использование большого количества для исследовательских целей. Применение количественных методов предполагает перевод характеристик изучаемых явлений в ту форму, которая определяет возможность их количественного сопоставления, т.е. в переменные.

Переменные — это количественные и качественные выражения характеристик изучаемого явления, изменяющиеся в пространстве или во времени, что выражается в изменяющихся значениях. Совокупность изучаемых переменных носит название *оперативных переменных* и включает три категории: *зависимую переменную, независимую и вмешивающуюся.*

Независимая переменная (обычно называемая X) — это фактор, обстоятельство, условие, оказывающее воздействие на изучаемый объект. *Зависимая переменная* (обычно называемая У) представляет собой изменяющееся значение объекта в результате воздействия факторов, условий, обстоятельств, выражаемых значением независимой переменной. Предполагается, что зависимая и независимая переменная находятся в причинно-следственной связи, являющейся предметом исследования. Очевидно, что обе переменные существуют в контексте, порой многообразном и многофакторном, и элементы среды могут оказывать воздействие на взаимоотношения независимой и зависимой переменных. Действующий фактор, оказывающий влияние на взаимодействие переменных, носит название *вмешивающейся переменной*. В целях обеспечения чистоты исследования действие вмешивающейся переменной необходимо контролировать. Очевидно, что исследованию подвергаются отдельные характеристики изучаемых объектов; остальные их свойства называются параметрами и предполагаются в качестве неизменных.

В рамках количественной модели изучения каузальный вывод делается на основе статистического анализа, ведущего к количественной оценке обоснованности теоретической модели [4, 5, ch. 14]. Целью количественных исследований является проверка гипотез об отношениях переменных в рамках различных состояний объекта без учёта контекста, важнейшим элементом которого являются социокультурные факторы. Точнее, последние могут быть включены в статистическое объяснение по остаточному принципу и принимаются во внимание тогда, когда все остальные измеренные факторы оказываются неспособными объяснить поведение зависимой переменной.

В пределе статистический анализ идентифицирует страны не в качестве стран, а как пакеты переменных. Конечной целью статистического анализа является элиминация собственных названий стран и изучение их в терминах концептов и переменных [6]. Однако опыт многочисленных исследований предостерегает от вытеснения традиционного интереса к реальным кейсам и странам, а проверка гипотез не означает исключительно количественный подход [7].

Другим аспектом количественных исследований является проверка гипотез относительно возможности генерализации полученного вывода на широкую совокупность явлений и/или процессов.

Эксперты отмечают, что использование квантифицируемых переменных нередко приводит к тому, что переменные подбираются по принципу возможности их статистического анализа, порой в ущерб тем, что априори более релевантны исследовательской проблеме. Эту тенденцию предпочтения в пользу того объекта, который может быть исследован предпочтительным инструментом, Ян Шапиро назвал *предопределением инструментом* в ущерб *предопределению проблемой* [8]. Однако количественный анализ является неотъемлемым компонентом арсенала компаративиста. Неоспоримым достоинством количественных методов является их способность прослеживать

сопутствующие изменения на материале значительных количеств различных контекстов. Формулировка обоснованных валидных генерализаций оказывается возможной благодаря значительному числу кейсов, что способствует «вымыванию» запутывающих картину показателей, и посредством контроля над другими потенциально значимыми для объяснения изучаемых тенденций переменными. Благодаря возрастающей доступности данных и развитию изощрённых статистических техник изучение закономерностей становится технически всё более сложным процессом. Очевидно, что формулировка масштабных выводов без изучения значительного массива данных невозможна.

В последние десятилетия применение количественного анализа стало доминирующей тенденцией в сравнительной политологии. Однако эксперты отмечают и немалое число ограничений в использовании данных методов. Среди ограничений — следующие [5, P. 294].

- *Ограниченное число случаев или ограниченность данных:* число единиц анализа в большинстве политологических исследований — даже самых масштабных из них — не достигает статистически значимых величин — как по причине ограниченного числа существующих в мире политий (около 200, если речь идёт о государствах), так и по причине трудного доступа к информации по чувствительным политическим проблемам (если речь идёт о кулуарных аспектах политики), поэтому многие количественные исследования, как правило, не оперируют большим числом единиц анализа.
- *Надёжность данных:* речь идёт не о некорректности сбора данных, а о том, что немалое число показателей не вполне адекватно отражает изучаемые явления.
- Ещё одна проблема расширяющегося использования количественных данных состоит в *трудностях количественного измерения качественных характеристик* явлений. В результате ненадлежащего перевода качественных показателей в эмпирические индикаторы возможны ошибки.
- *Некорректная концептуализация:* наиболее очевидным и известным проявлением может считаться «концептная натяжка» [9], в результате которой понятия настолько некорректно определяются, что теряют способность выделения определяемых объектов.

В целом и сегодня эксперты отмечают [5], что пока не преодолена проблема, которую четверть века назад видный французский исследователь М. Доган определял как «сверхквантификацию»: достигнутый прогресс в методологии статистики не сопровождается должным продвижением в деле корректного сбора данных и преодолением разрыва между данными и методом [10].

Качественный сравнительный анализ

Качественные исследования, оперирующие незначительным числом единиц анализа, считаются методологически менее строгими, чем количественный анализ. Очевидно, большая надёжность (при прочих равных условиях) данных, полученных посредством изучения больших чисел, и по преимуществу описательный и методологически относительно простой формат казусно ориентированных исследований, оперирующих незначительным числом случаев, дают определённое основание для подобного вывода. Использование малого числа единиц анализа сопровождается двумя рисками. Во-первых, изучаемые случаи могут быть нерепрезентативными, а выводы — специфическими для конкретного случая, и, во-вторых, интерпретация уникального явления может стать результатом предубеждений исследователя. Тем не менее, нет априорных причин считать казусно ориентированный сравнительно качественный вид исследований методологически более «мягким»: данный подход может давать отвечающие требованиям строгой научности и сложности ответы

на определённые виды исследовательских вопросов [5].

Качественные сравнительные исследования отличаются от количественных своим «холизмом» [11]. Если количественные исследования выраженно аналитичны и дают основания для вероятностных прогнозов посредством изымания изучаемых явлений из контекста и рассмотрения их посредством казусов, то качественные методы позволяют рассматривать явления как целостности (wholes), представляющие собой сложные комбинации конфигураций переменных, что даёт основания для детерминистских прогнозов [4, P. 301].

Качественные исследования позволяют выявить тонкие каузальные механизмы, которые сложно изучить на значительных массивах данных. Порой оперирование малым числом случаев или даже одним казусом может дать больше ценной информации об объекте, чем количественный анализ значительного числа случаев [12]. Чарльз Рэйджин отмечал, что качественные исследования часто предлагают «сложные, комбинированные объяснения» политических явлений, которые очень сложно доказать количественными методами социальных наук. В качественных исследованиях предпринимаются попытки объяснения политических явлений в терминах комбинированного эффекта действия нескольких факторов, а для количественного доказательства этих объяснений статистически, как правило, недостаёт случаев. Ключевой аргумент количественных исследований (если воспроизводство какой-либо связи достаточно определённо на материале случайной выборки, то маловероятно, что это простое совпадение) неприменим к качественным исследованиям с малым числом единиц анализа, что может дать основание для сомнений в надёжности их вывода. Поэтому в малоказусных исследованиях выбор кейсов и переменных имеет критически важное значение для обеспечения валидности результатов [13, P. 32].

Исследователи политики, как правило, имеют дело не со всей совокупностью изучаемых явлений, а с некоторой их частью. В связи с этим неизбежен вопрос об эффективном и оптимальном числе изучаемых случаев. Какое число случаев является оптимальным?

Безусловно, этот вопрос имеет различные ответы в зависимости от задач конкретного исследования, от характера и масштаба исследовательского вопроса, от специфики используемых методов, от поставленных целей (фальсификация, генерализация новой теории, выявление причинной связи и т.п.), но есть и общие закономерности.

Число включаемых в работу случаев в значительной мере определяется тем, какое число доступно исследователю. Спектр возможных вариантов огромен — от одного-единственного (который также может считаться сравнительным, будучи рассмотрен в соответствующем контексте при опоре на релевантную теорию и методологию) до тысячи и даже более единиц анализа. Существенную роль играют доступность данных и предполагаемые методы (которые также могут налагать ограничения на число единиц анализа).

Для большого и малого числа случаев выбор кейсов для анализа также может различаться алгоритмом подбора. Случайная выборка обычно является распространённой для исследований с большим числом случаев. В исследованиях небольшого числа случаев подбор кейсов, как правило, не является случайным, напротив, они подбираются именно по признаку принадлежности к определённой категории по независимой переменной. Это в равной степени справедливо по отношению как к «наиболее подобному» дизайну, так и к «наиболее различному» (о дизайнах исследований см. ниже). В первом случае кейсы подбираются по признаку различия по независимой переменной (и схожести остальных признаков), во втором — наоборот.

Конфигуративный казусно ориентированный подход и статистический подход имеют свои сильные стороны и недостатки [14]. Различия между количественным и качественным анализом почти всегда преувеличены сторонниками этих стилей исследования. Справедливость этого суждения особенно очевидна, если принять во внимание оценку Дж. Джеррингa, который писал, что при ближайшем рассмотрении и особенно при практическом применении методы теряют свою определённость: исследование случаев может трансформироваться в изучение отдельных казусов или одного случая, изучение последнего — превращаться в изучение образца, лонгитюдное исследование — в латитюдное, неформальные методы — в разновидность формальных и т.п. [15]. Более того, в литературе отмечается также не только близость методов, но и констатируется их взаимодополняемость [16].

Смешанные методы политико-компаративных исследований

В связи с вышесказанным не удивительно, что в последнее десятилетие наметилась тенденция комбинированного использования качественных и количественных методов в рамках единой стратегии, для того чтобы использовать достоинства обеих стратегий при решении определённых исследовательских вопросов: сегодня всё чаще говорят о «тройственном» или «смешанном», подходе. В Американской ассоциации политической науки несколько лет назад была создана новая секция, посвящённая изучению качественных и мультивариативных методов исследований.

Смешанные методы сочетают отдельные качественные инструменты (например, углублённые кейс стади) с некоторыми общими статистическими подходами там, где это возможно (корреляции, регрессии), и т.п. и подлинно системные качественные методы, применяющиеся в изучении малого числа случаев [13]. Сторонники комбинированных методов ратуют за использование «аналитического нарратива» [17] и/или «трипартистских» методов, включающих статистику, формализацию, нарратив [18].

Форматы сочетания количественных и качественных подходов различны: case study могут использоваться на первом этапе для разработки теоретического представления путём рассмотрения различных каузальных механизмов с последующей проверкой теоретических предположений посредством количественных методов с большей, чем в обычных количественных исследованиях, детализацией и полнотой.

Е.Либерман предложил систематическое и последовательное сочетание качественного и количественного анализа, которое он определил как nested analysis [4, P. 435–452]. Данный подход предполагает сначала использование количественного метода для проверки гипотез, продолженного затем применением качественного метода, который может иметь различные цели в зависимости от результатов предшествовавшего количественного анализа. Если результаты слабы, качественное исследование будет использовано для разработки более обоснованных теоретических предположений, которые затем будут протестированы с помощью количественных методов. Если результаты ожидаются сильными, качественное исследование будет призвано проверить теорию. Достоинство подхода Либермана заключается в чёткости процедуры использования смешанного метода с прояснением задач каждого этапа.

Как многократно отмечалось в литературе [13], главное препятствие для успешного применения различных подходов кроется в разделении политологов на два лагеря. На одном полюсе — те, кто отдаёт предпочтение качественным методам. На другом — те, кого тенденция оверквантификации приводит к отрицанию того, что обобщение может быть получено путём количественного анализа. Разнооб-

разие методологических инструментов сравнительной политологии, используемых по назначению, открывает возможности преодоления этих ограничений.

Известный немецкий компаративист Д. Берг-Шлоссер предложил смешанный подход, который учитывает большинство отмеченных проблем. Он предлагает упрощение модели и сокращение значительного числа переменных без потери существенной информации в результате. Это может быть достигнуто, с одной стороны, посредством ряда статистических процедур, а с другой — с помощью конфигуративного анализа. Результаты обеих операций сочетаются на следующем шаге, с тем чтобы создать ограниченное число заключительных «суперпеременных», которые сохранят значительную часть исходной сложности. Объяснительная способность этих факторов далее вновь будет протестирована посредством использования как ориентированными на получение результата статистическими процедурами (такими как дискриминантный анализ), так и конфигуративными методами (такими как качественный сравнительный анализ, QCA).

Избранные категории и переменные в дальнейшем могут быть модифицированы, с тем чтобы включить особенности каждого случая и специфические факторы. Однако в целом этот подход способен учесть как специфичность, так и генерализацию каждого изучаемого случая. В этой логике исследователь начинает анализ с учётом основных теоретических подходов. Получаемые результаты компилируются как в полный формат (который включает как можно больше информации), так и дихотомизированный формат (присутствует—отсутствует, высокий—низкий и т.д.), что требуется для качественного сравнительного анализа (CQA). Порог для дихотомизации каждой переменной индексируется.

Далее из относительно объёмного пула переменных выбираются те, что в наибольшей степени подходят для всей теоретической конструкции. В этом отношении мы должны принять во внимание отношения как среди определённого числа объясняющих переменных, так и те, что влияют на результат. Таким образом, некоторые переменные можно скомбинировать или реконструировать с указанием их соответствующего значения. Другие могут быть оставлены или удалены в соответствии с определённым критерием. Оба аспекта можно обработать с помощью статистических процедур или комбинаторных методов. Берг-Шлоссер полагает, что несколько способов выборки, относящихся как к качественным, так и количественным методам, могут быть взаимно дополнены не только для того, чтобы уменьшить сложность, но также для финального сущностного анализа. В то же время возможно обнаружить не только определённую «универсализацию», но также аспекты, выявляющие «краткосрочные изменения» [13, P. 160–163].

В методологическом смысле сила основанного на мультиметодологии смешанного подхода заключается в том, что детализированное рассмотрение случаев, систематический сравнительный анализ, макрокачественные и макроколичественные процедуры, кросс-секционный и лонгитюдный анализ, структуро- и автор-ориентированный подходы могут быть комбинированы различными путями, что способно принести как универсализирующие результаты, так и выявляющие краткосрочные вариации.

Берг-Шлоссер предлагает следующие рекомендации для работы со сложными объектами:

1. В ситуациях малого числа случаев выбор кейсов должен быть предельно аккуратным теоретически и методологически. Этот выбор не должен быть продиктован соображениями «практичности» или удобства. Далее возможно использование одного из двух дизайнов (наиболее подобные или наиболее отличающиеся) для сокращения слож-

ности и получения убедительных выводов. Далее может быть применено углублённое изучение индивидуального кейса, сопровождённого содержательной интерпретацией.

2. В ситуации со средним числом кейсов (региональный анализ или изучение группы стран, например, ОЭСР) достоинства макроколичественного и конфигуративного анализа могут сочетаться.
3. В ситуациях с числом единиц анализа, открывающих возможности использования стандартных статистических процедур (даже если стандартные распределения нельзя получить и набор различных типов анализа становится применимым), могут оказаться продуктивными другие комбинации. Достоинства и цели каждого вида анализа должны быть корректно поняты — как «универсализирующие» картину, так и те, что выявляют конъюнктурные колебания.

В любом случае речь идёт не об исключающем выборе по принципу «или—или», а о комбинации теоретических и статистических процедур в их соответствующей логике, что может обеспечить валидность результатов [Ibid., P. 218–219].

Таким образом, богатый арсенал методов политической компаративистики позволяет решать задачи различной сложности и одновременно определяет высокий уровень требований к квалификации исследователей, ибо выбор методов — как и методологии и исследовательской стратегии — за самим учёным, а адекватность и релевантность методико-методологических оснований — ключевое условие успешной реализации замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lijphart A. Comparative politics and comparative method // American Political Science Review. 65, 1971. P. 682–693.
2. Ragin C. The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley: University of California Press, 1987.
3. Gehring U.W. and Weins C. Grungkurs Statistick fur Politologen, 4th edition. Wiesbaden: VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2004; Shively W. Phillips. The Craft of Political Research. 6th ed. Upper Saddle River, Rearson Prentice Hall, 2005.
4. Lieberman E. Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research // American Political Science Review. 99 (3).
5. Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh and G. Stoker. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
6. Przeworski A. and Teune H. The Logic of Comparative Social Inquiry. New York: Wiley-Interscience, 1970. P. 30.
7. Peters B.G. Strategies for Comparative Research in Political Science. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
8. Shapiro I. The Fight from Peality in the Human Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
9. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. 64 (4). P. 1033–1053.
10. Dogan M. Use and Misuse of Statistics in Comparative Research // Dogan M. and Kazansigil A. (eds.). Comparing Nations. Oxford: Blackwell, 1994. P. 37.
11. Ragin C.C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
12. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions and Social Analysis. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004; Theory and Methods in Political Science; Landman T. Issues and Methods in Comparative Politics. An Introduction. 3rd. ed. Routledge, 2008.

13. Berg-Schlosser D. Mixed Methods in Comparative Politics. New York, Palgrave Macmillan, 2012.
14. Дискуссию между сторонниками двух групп методов см.: King G., Keohane R.O. and Verba S. Designing Social Inquiry Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
15. См.: Gerring J. What is Case Study and What is it Good? American Political Science Review, Vol. 98. P. 2; Brady H.E. And Collier D. Rethinking Social Inquiry: Diverse Tools, Shared Standarts. 2nd ed. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2010.
16. Bates R. Analytic Narratives. Princeton: Princeton University Press, 1998.
17. Laitin D. Comparative Politics: The State of the Subdiscipline // Katznelson I. and Milner H., (eds.). Political Science: The state of the discipline. Washington DC, American Political Science Association, 2002.
18. Creswell J. Research Design. Qualitative, Quantitative, and mixed methods approaches. 2nd ed. Thousand Oaks, DA: Sage Publication. 2003.

ENGLISH

Methods of political and comparative research

Gaman-Golutvina Oksana Viktorovna is DSc in Politics, head of department at MGIMO, the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Academy of Political Sciences, head of the projects "Effective approaches of the modern comparative political science to the study of political actors and political institutions in post-Soviet countries" (14-03-00815a) and "Political elites as a subject of comparative analysis: methodology and methods of research; strategy and technology of effective management" (17-03-00746a).
E-mail: ogaman@mail.ru

Gordeeva Olga Ivanovna is PhD in Politics, senior researcher at the Institute of Logic, researcher in the same projects.
E-mail: ogrdv@mail.ru

Rogozhina Ksenia Andreevna is PhD in Politics, senior researcher at the Institute of Logic, researcher in the same projects.
E-mail: rogozhina_1986@inbox.ru

Petrova Maria Grigoryevna is a leading expert of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, researcher in the same projects.
E-mail: wissen-pol@mail.ru

The paper contains a detailed analysis of methods currently used in the comparative political science to study the processes in the post-Soviet countries. Special attention is paid to the technologies of qualitative and quantitative analysis, as well as mixed methods of comparative research and their application in research of political entities and phenomena.

Keywords: comparative political science, methods of political research, quantitative analysis, qualitative analysis, variables, case study, mixed analysis

REFERENCES

1. Lijphart A. Comparative politics and comparative method // American Political Science Review. 65, 1971. P. 682–693.
2. Ragin C. The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strate-gies. Berkeley: University of California Press, 1987.
3. Gehring U.W. and Weins C. Grungkurs Statistick fur Politologen, 4th edition. Wiesbaden: VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2004; Shively W. Phillips. The Craft of Political Research. 6th ed. Upper Saddle River, Rearson Prentice Hall, 2005.
4. Lieberman E. Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research // American Political Science Review. 99 (3).
5. Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh and G. Stoker. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
6. Przeworski A. and Teune H. The Logic of Comparative Social Inquiry. New York: WileyInterscience, 1970. P. 30.
7. Peters B.G. Strategies for Comparative Research in Political Science. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
8. Shapiro I. The Fight from Peality in the Human Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
9. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. 64 (4). P. 1033–1053.
10. Dogan M. Use and Misuse of Statistics in Comparative Research // Dogan M. and Kazansigil A. (eds.). Comparing Nations. Oxford: Blackwell, 1994. R. 37.
11. Ragin C.C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
12. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions and Social Analysis. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004; Theory and Methods in Political Science; Landman T. Issues and Methods in Comparative Politics. An Introduction. 3rd. ed. Routledge, 2008.
13. Berg-Schlosser D. Mixed Methods in Comparative Politics. New York, Palgrave Macmillan, 2012.
14. Diskussiyu mezhdu storonnikami dvukh grupp metodov sm.: King G., Keohane R.O. and Verba S. Designing Social Inquiry Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
15. Sm.: Gerring J. What is Case Study and What is it Good? American Political Science Review, Vol. 98. P. 2; Brady H.E. And Collier D. Rethinking Social Inquiry: Diverse Tools, Shared Standarts. 2nd ed. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2010.
16. Bates R. Analytic Narratives. Princeton: Princeton University Press, 1998.
17. Laitin D. Comparative Politics: The State of the Subdiscipline // Katznelson I. and Milner H., (eds.). Political Science: The state of the discipline. Washington DC, American Political Science Association, 2002.
18. Creswell J. Research Design. Qualitative, Quantitative, and mixed methods approaches. 2nd ed. Thousand Oaks, DA: Sage Publication. 2003.

УДК 349.2:341.9
ГРНТИ 10.63.00

Ю.В. ВАСИЛЬЕВА,
С.В. ШУРАЛЕВА*

Дистанционная работа в России: проблемы правового регулирования

Статья посвящена анализу дистанционной работы, правовое регулирование которой с введением главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации осуществляется ныне в рамках российского трудового законодательства. Актуальность исследования обусловлена тем, что общественные отношения в сфере дистанционной работы только «настраиваются», а у работодателей существуют предубеждения относительно работы их сотрудников в удалённом режиме. Вместе с тем экономический эффект от внедрения дистанционной работы может быть весьма значительным. В статье анализируются основные «фобии» работодателей относительно дистанционной работы, раскрываются основные преимущества и ограничения её использования. Авторы анализируют определение дистанционной работы и её ключевые признаки (работа вне места нахождения работодателя, использование сети Интернет для выполнения трудовой функции и для взаимодействия с работодателем). Предлагается отграничивать дистанционную работу от надомного труда и иных смежных правовых явлений. Рассматривается вопрос о том, кто может стать дистанционным работником. Критически оценивается позиция Минтруда России о невозможности заключения договора о дистанционной работе с иностранным работником.

Авторы исследуют правовую природу трудового договора о дистанционной работе, а также иные теоретические и практические вопросы, связанные с ним. Выдвигается гипотеза об иных, по сравнению с типичным трудовым договором, существенных (конститутивных) условиях трудового договора о дистанционной работе. На примерах из судебной практики проанализированы подходы судов по отдельным вопросам прекращения трудового договора о дистанционной работе.

Вывод: появление в Трудовом кодексе Российской Федерации норм о дистанционной работе способствует реализации прав тех работников, которые фактически состоят в трудовых отношениях. Создаются возможности для использования преимуществ дистанционной работы как крупными российскими корпорациями, так и малым бизнесом, закладываются основы для дальнейшего совершенствования законодательства в этом направлении.

* **Васильева Юлия Валерьевна** — доктор юридических наук, заведующая кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), руководитель проекта «Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики» (14-03-00318а).
E-mail: vasilev95@list.ru

Шуралева Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и международного права ПГНИУ исполнитель проекта того же проекта.
E-mail: shura_leva@rambler.ru

Ключевые слова: устойчивое развитие общества, гражданское общество, социальные риски, либеральные реформы, экономические кризисы, социологический мониторинг

Дистанционная работа: будущее создаётся сегодня

«Технологии развиваются так быстро, что лет через тридцать люди, оглядываясь назад, будут удивляться, как офисы вообще могли существовать», — утверждает Ричард Брэнсон, основатель компании «VIRGIN GROUP».

Большинство мировых HR-экспертов (HR — от англ. Human Resource — человеческие ресурсы) отмечают, что дистанционная занятость — глобальный тренд на рынке труда [1]. Только в США сегодня 35% всей творческой работы и работы, требующей профессиональной подготовки, выполняется дистанционно. В 2005 г. в странах ЕС было проведено масштабное исследование дистанционного труда, в ходе которого установлено, что в 27 странах ЕС и Европейской экономической зоны около 7% работников вовлечены в дистанционные формы труда на одну четверть своего рабочего времени и более, а 1,7% работников работают дистанционно почти все своё рабочее время [2, с. 249].

Россия также не находится в стороне от общемировых тенденций. По данным исследования «Дистанционная занятость как способ повышения эффективности бизнеса и новый тренд на рынке труда. Перспективы распространения в России, 2014–2020 гг.», проведённого сервисом «Битрикс24» совместно с агентством J'son & Partners Consulting, доля дистанционных работников по состоянию на 2014 г. не превышала 1% от экономически активного населения (около 600 тыс. человек). Однако в ближайшую пятилетку Россию ждёт взрывной рост числа людей, работающих в удалённом режиме. Каждый сотрудник, перешедший на удалённую работу и имеющий необходимое программное и аппаратное обеспечение, внесёт свой вклад в экономику предприятия в размере 170 тыс. руб. в год за счёт снижения расходов, а суммарный экономический эффект составит 94 млрд руб. (рис. 1).

По прогнозам J'son & Partners Consulting уже к 2020 г. каждый пятый сотруд-ник компании будет работать удалённо. Совокупная экономия от этого перехода составит более 1 трлн руб. При этом выгоды от перевода сотрудников на дистанционный режим работы могут ощутить в первую очередь малые предприятия. У них появляется возможность создать

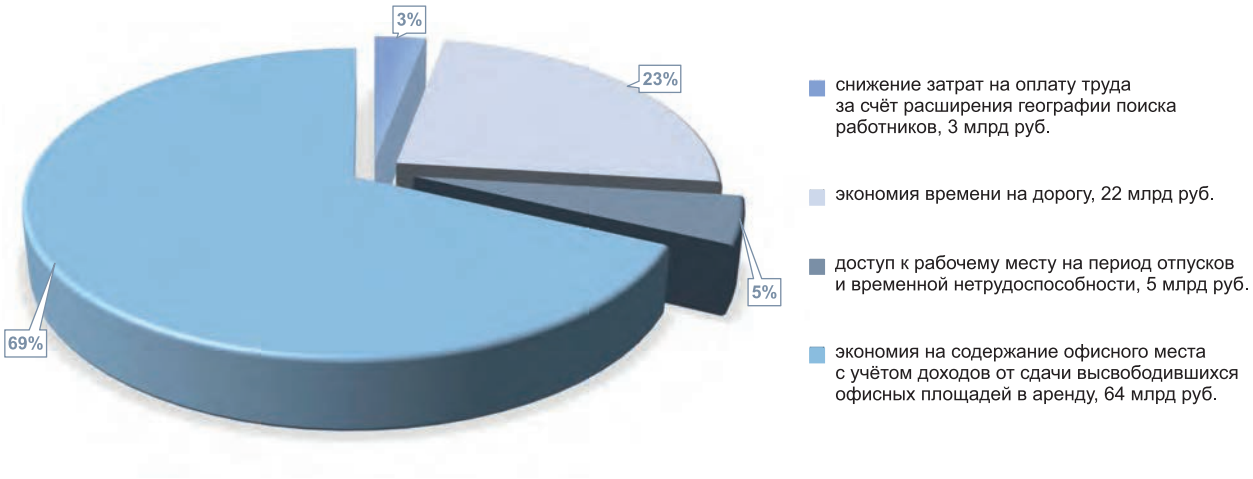


Рис. 1. Факторы достижения суммарного эффекта от использования дистанционной работы

новый тип предприятия: малого с точки зрения располагаемых ресурсов (кадровых, финансовых, основных фондов), но крупного с точки зрения абонентской базы, интенсивности и объёма осуществляемых транзакций и капитализации [3]. Сбудутся ли эти экономические прогнозы, покажет время, но тенденция, на наш взгляд, обозначена правильно. В любом случае исследования отечественного рынка дистанционной работы необходимо приветствовать.

«За» и «против» дистанционной работы

Среди российских работодателей существует предубеждение относительно дистанционных сотрудников. В качестве примеров приведём наиболее распространённые «фобии» [4] (рис. 2).

В определённом смысле эти опасения оправданны. Однако и офисные работники могут бесконтрольно тратить рабочее время на общение в социальных сетях, находясь при этом на рабочем месте и создавая видимость деятельности. Эффективность частых совещаний с очным участием большого количества сотрудников может стремиться к нулю, а общение по электронной почте, обмен информацией с помощью специализированных программ, напротив, поможет эффективно и комфортно решать задачи внутри коллектива удалённых работников. Думается, что залог успешной организации работодателем удалённой работы — это, прежде всего, качество управления и готовность использовать современные информационные технологии.

Существует и ряд ограничений для использования дистанционной работы. С субъективной точки зрения, дистанционная работа вряд ли подойдёт недисциплинированным людям, которые не спо-

Рис. 2. Наиболее распространённые предубеждения относительно дистанционной работы

собны организовать своё рабочее время, самостоятельно, без подсказок и напоминаний руководителя выполнять задания и мотивировать себя на достижение результата. Объективно работа по определённым профессиям вряд ли полностью станет дистанционной в полном объёме. Несмотря на успехи в развитии, к примеру, телемедицины или дистанционного образования, они не смогут (и не должны) полностью заменить «живой» образовательный процесс или общение врача, медсестры с пациентом. Парикмахер, косметолог, таксист, мастера, чей труд связан с материальным производством, также вряд ли смогут воспользоваться возможностью работать удалённо.

Почему, несмотря на эти и иные обстоятельства, популярность дистанционной работы возрастает?

Во-первых, некоторые работники не требуются в офисе постоянно. А это, как было показано выше, позволяет работодателю экономить на оборудовании рабочих мест (и их специальной оценке), аренде, содержании помещения и т.д. Например, компания IBM с 1995 г. за счёт внедрения практики удалённой работы сократила используемые офисные площади на 7 млн кв. м. Из них около 5 млн кв. м были проданы, что принесло доход $1,9 млрд. Выручка от сдачи в аренду оставшихся неиспользованных площадей превысила $1 млрд [5, с. 43].

Для работника дистанционная работа означает сокращение временных и финансовых затрат на дорогу, возможность комфортно и эргономично организовать рабочее место или выбрать подходящие ему гаджеты.

Отказ от поездок в офис очень благоприятен для окружающей среды. В компании IBM было проведено исследование, по результатам которого было установлено, что в 2007 г. за счёт работы в удалённом режиме компания потратила на 19 млн л бензина меньше. Это обстоятельство только в США предотвратило выброс в атмосферу свыше 450 000 т CO_2 [5, с. 44]. Вряд ли похожее исследование проводилось в России, но, думается, экологический эффект от сокращения ежедневных поездок дистанционных работников к месту работы и обратно очевиден и здесь. Примечательно, что уменьшение загрязнения окружающей среды за счёт сокращения транспортных потоков отмечено в качестве одного из преимуществ дистанционной работы и в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Во-вторых, дистанционная работа позволяет расширить географию поиска работников и на более выгодных условиях нанимать лучших специалистов. «Таланты не привязаны к крупным городам», — убеждены Джейсон Фрайд и Дэвид Хеннсон из компании «37SIGNALS». Сотрудникам не придётся переезжать в другой город, отменять взятые на себя обязательства. К тому же это отличный способ сохранить ценного работника, который по каким-либо причинам вынужден отказаться от графика полной занятости (семейные обязанности, обучение, состояние здоровья и т.д.) или сменил место жительства.

В-третьих, эффективность труда дистанционного работника измеряется не количеством времени, проведённого на рабочем месте, а достигнутыми результатами. Спокойная обстановка, индивидуальный график повышают продуктивность труда удалённых сотрудников, которые могут уделить больше времени семье, работать не «от звонка до звонка», а в то время, когда они более всего эффективны.

О преимуществах дистанционной работы можно рассуждать долго. Убедительнее всего примеры успешных компаний, которые её практикуют. В мире это — IBM, Microsoft, Philips, ABBYY, Aetna, Stack Overflow, Virgin Group, Sun Microsystems, Zenger Folkman, 37SIGNALS, PwC (PricewaterhouseCoopersInternational Limited).

В России к числу успешных компаний относятся «Связной», «Сотмаркет», «КваттроЛаб», «Мегаплан», «Ресурс», «Бизнес Профи», «ВымпелКом» и др.

Кроме того, движущими силами развития дистанционного труда в России являются информационные и технологические изменения поистине революционного масштаба: широкополосный доступ в Интернет, рост скоростей передачи данных, развитие систем мобильных устройств в частном и корпоративном секторах, развитие облачных технологий, популяризация в корпоративной среде идеи BYOD (Bring Your Own Device) и ряд других. Для совместной работы в дистанционном режиме применяются программы Basecamp, WebEx, Know Your Company, Google Hangouts, Google Docs, Skydrive, DropBox и др.

Развиваются коворкинги (co-working) — «коллективные» офисы для работы и совместного общения, где можно арендовать готовое рабочее место, переговорную, конференц-зал, иные помещения для переговоров, презентаций, деловых встреч и т.д. Помимо частных коворкингов существуют и государственные структуры. Например, сеть коворкингов, созданных ГБУ «Малый бизнес Москвы».

Положительные тенденции наметились и в политике в сфере информационных технологий. В Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество. 2011–2020 годы», утверждённой Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313, в качестве одного из ожидаемых результатов упомянуто предоставление возможности осуществления трудовой деятельности дистанционно. Способствовать этому должны мероприятия, направленные на выработку и реализацию государственной политики в сфере информационных технологий, на совершенствование законодательства об электронной подписи, обеспечение её соответствия международным стандартам, на установление единых требований и мер ответственности по отношению к удостоверяющим центрам и др.

Вряд ли всё это означает, что прогноз Ричарда Брэнсона, приведённый в начале статьи, непременно сбудется для России в ближайшее время и офис в традиционном понимании скоро исчезнет. Однако становится очевидным: всё больше людей будут отдавать предпочтение дистанционной работе, потому что она даёт возможность выбирать, где и когда работать, не откладывать «настоящую жизнь» до пенсии, путешествовать, проводить больше времени с детьми, заботиться о родителях, получать при этом стабильный достойный доход и профессионально расти. Тот, кто прочувствовал преимущества такой жизни, вряд ли снова захочет в «офисную» клетку, пусть даже и золотую.

Понятие дистанционной работы в российском трудовом законодательстве и отграничение от смежных явлений

С юридической точки зрения, в России общественные отношения в сфере дистанционной работы только формируются. Полагаем, что законодатели пошли по правильному пути, дополнив Трудовой кодекс РФ самостоятельной главой 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников», в которой предусмотрено специфичное правовое регулирование дистанционной работы. В чём проявляется эта специфика? Для начала обратимся к понятию дистанционной работы.

В соответствии со ст. 312.1 ТК РФ дистанционной работой является выполнение определённой трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя,

при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с её выполнением, информационно-коммуникационных сетей общего пользования, в том числе Интернета.

Вместе с тем возникает ряд вопросов. В частности, вопрос о количественных и качественных критериях оценки степени использования работником интернет-ресурсов. Думается, что ключевыми признаками дистанционной работы всё же являются способы работы и коммуникации с работодателем. Однако указание на информационно-коммуникационные сети общего пользования не позволяет признать дистанционной работу, которая осуществляется посредством иных телекоммуникационных технологий, к которым можно отнести, например, средства мобильной и факсимильной связи.

Кроме того, из предложенного законодателем определения следует, что дистанционная работа не может «сочетаться» с работой в месте расположения работодателя. Однако практика использования дистанционной работы в зарубежных и некоторых российских компаниях свидетельствует об обратном [5, с. 87–88, 191–195, 199–201]. Думается, что такой подход был бы вполне уместным и в условиях отечественного рынка труда.

Наконец, в определении фигурирует понятие «трудовой договор», однако далее, в тексте гл. 49.1 ТК РФ, упоминается «трудовой договор о дистанционной работе». В связи с этим возникает вопрос: является ли последний особым видом трудового договора, заключаемого с дистанционным работником?

Необходимо отметить, что наряду с термином «дистанционная работа» в юридической литературе и прессе широко используются такие понятия, как, например, «телеработа», «фриланс» [2, с. 249–253; 6; 7, с. 98–116; 8; 9, с. 32–35]. При этом телеработа рассматривается в широком смысле как выполнение работы вне офиса или предприятия с использованием информационных и телекоммуникационных технологий [10, с. 329]. В таком контексте телеработа может охватывать отношения, регулируемые как гражданским правом (фриланс), так и трудовым правом (дистанционная работа).

Дистанционную работу в действующей редакции ТК РФ следует отграничивать от надомного труда. Признаки надомного труда (выполнение работы на дому из материалов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счёт, указание на обеспечение сырьём, материалами, полуфабрикатами) свидетельствуют о связи с материальным производством, тогда как дистанционная работа благодаря использованию информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования может осуществляться не только дома, но и в любом другом месте; она в большей мере тяготеет к выполнению работ (оказанию услуг) в интеллектуальных, высокотехнологичных сферах деятельности. В качестве ещё одной особенности отмечается возможность заключения трудового договора о дистанционной работе путём обмена электронными документами, а также наличие электронного документооборота [11].

Примечательно, что до принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» в науке трудового права шла дискуссия о расширении понятия надомного труда, его «эволюции» в сторону дистанционной занятости [8, с. 21–24]. Возник даже специальный термин «компьютерное надомничество» [9, с. 32]. На первый взгляд, в пользу этого свидетельствовало то, что на уровне Международной организации труда (МОТ) приняты Конвенция № 177 и Рекомендация № 184 о надомном труде.

В статье 1 указанной Конвенции под надомным трудом понимается работа, которую лицо, именуемое надомником, вы-

полняет: по месту его жительства или в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя; за вознаграждение; с целью производства товаров или услуг; согласно указаниям работодателя; независимо от того, кто предоставляет оборудование, материалы или другие используемые ресурсы, если только это лицо не располагает такой степенью автономии и экономической независимости, которая необходима для того, чтобы считать его независимым работником в соответствии с национальным законодательством или судебными решениями. Следовательно, по своему содержанию это понятие гораздо ближе к понятию дистанционного труда в соответствии с ТК РФ. Отметим, что позиция законодателя в этом вопросе достаточно рациональна.

Дистанционную работу следует отличать и от труда домашних работников — это труд в домашнем хозяйстве, преимущественно женский, неформальный и официально не регистрируемый. Закрепление прав домашних работников и уравнивание их в правах с работниками в традиционном понимании — одна из тенденций международно-правового регулирования труда, отражением которой стало принятие Конвенции МОТ № 189 о домашнем труде.

Кто может стать дистанционным работником?

Законодательство не содержит ограничений на применение труда дистанционных работников в организациях, а также у физических лиц. Предельный возраст дистанционных работников не установлен. Вместе с тем, заключая трудовой договор о дистанционной работе с отдельными категориями работников, работодатель должен иметь в виду, что особый статус несовершеннолетних, лиц с семейными обязанностями (и, возможно, некоторых иных групп трудящихся) может стать препятствием для реализации большей свободы в установлении условий трудового договора, которую демонстрирует глава 49.1 ТК РФ.

Возникает вопрос о возможности привлечения к дистанционной работе иностранных граждан. В письме Минтруда России (далее — Минтруд) от 7 августа 2015 № 17-3/В-410 [12] со ссылками на ст. 13, 312.3 ТК РФ сделан вывод: обеспечение работодателем безопасных условий труда для дистанционных работников, трудящихся за пределами РФ, не представляется возможным. Следовательно, ТК РФ не предусматривает возможность заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранным гражданином, осуществляющим трудовую деятельность за пределами России. Сотрудничество с такими иностранными гражданами следует осуществлять в рамках гражданско-правового договора [13]. Выплаты по нему не будут облагаться страховыми взносами.

Вместе с тем, по нашему мнению, такое толкование не подтверждено достаточными аргументами, ограничивает свободу сторон трудового договора и снижает преимущества дистанционной работы. Полагаем, что действующее законодательство не содержит запрета на привлечение к дистанционной работе иностранных граждан и лиц без гражданства.

Трудовой договор о дистанционной работе: некоторые вопросы теории и практики

Если говорить о юридической природе трудового договора о дистанционной работе, то такой договор, безусловно, можно отнести к нетипичным. Особенностью трудового договора о дистанционной работе является то, что помимо условий о трудовой функции и об оплате труда к существенным (конститутивным) его условиям добавляется условие о способе взаимодействия (с помощью информационно-коммуникационных сетей общего пользования) дистанционного работника и работодателя. Условие о ме-

сте работы для договора о дистанционной работе утрачивает «жизненно важное» значение в связи с невозможностью (и отсутствием особой надобности) для работодателя контролировать фактическое место осуществления дистанционной работы, а также с учётом взаимодействия дистанционного работника и его работодателя через Интернет.

Как справедливо отмечает О.В.Моцная, в настоящее время осуществление трудовой функции дистанционного работника индифферентно к условиям её выполнения на дому: современные средства связи позволяют исполнять различного рода работу и непосредственно в рабочих помещениях работодателя, и в других местах, оборудованных необходимыми средствами связи [7, с. 105–106]. Более того, дистанционная работа расширяет привычные представления о месте работы не только в географическом, но и в виртуальном смысле.

Трудовой договор о дистанционной работе по сравнению со «стандартным» трудовым договором содержит значительно больше возможностей для индивидуального договорного регулирования. Одной из новелл правового регулирования дистанционной работы, которое будет вызывать затруднения на практике, является ч. 1 ст. 312.5 ТК РФ, в которой установлено, что расторжение трудового договора о дистанционной работе по инициативе работодателя производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором. Думается, речь всё же идёт о том, что помимо общих оснований для прекращения трудового договора, указанных в ст. 77 ТК РФ и распространяющихся на дистанционных работников в силу ч. 3 ст. 312. 1 ТК РФ, стороны трудового договора о дистанционной работе вправе заявить дополнительные основания. В соответствии со ст. 3 ТК РФ они не могут иметь дискриминационный характер. Однако это общее правило, и оно недостаточно для прояснения ситуации.

Думается, что в связи с этим судебная практика по спорам, вытекающим из содержания трудового договора о дистанционной работе, будет представлять особый интерес.

Так, например, по вопросам расторжения трудового договора о дистанционной работе суды уже обозначили ряд важных позиций. Во-первых, установление дополнительных оснований расторжения договора по инициативе работодателя должно быть согласовано сторонами, что подтверждается подписью работника. При её отсутствии договор не может быть принят в качестве доказательства права работодателя на его расторжение по дополнительным основаниям, указанным в договоре [14]. Во-вторых, надлежащим доказательством того, что дистанционный работник хочет прекратить трудовые отношения по собственному желанию, служит соответствующее заявление, собственноручно подписанное работником, либо электронный документ с квалифицированной электронной подписью. Сканированная копия заявления при отсутствии оригинала таким доказательством не является [15]. Также представляется важным определить в ст. 312.5 ТК РФ сроки заблаговременного уведомления работника об увольнении по соответствующим «договорным» основаниям или способ определения указанных сроков.

Проблемы и перспективы применения дистанционной работы в России

Появление нетипичных форм занятости, в особенности дистанционной работы, обращает внимание на проблему реализации дистанционными работниками коллективных трудовых прав. Каким будет трудовой коллектив, состоящий преимущественно или только из дистанционных работников? Сохранит ли он основные признаки или приобретёт новые? Как люди будут организовывать работу, общаться? Для ответов на эти и многие другие вопросы пока нет достаточной

эмпирической базы. Институт трудовых коллективов, которые будут формироваться в условиях дистанционной занятости, требует комплексных исследований на стыке социологии, психологии, менеджмента, трудового права.

Немаловажным видится нам и вопрос о представительстве дистанционных работников. Эта проблема была очевидна ещё пять лет назад [16]. Однако о каких-либо существенных успехах в её решении говорить пока рано. По-прежнему отсутствуют специальные исследования о вовлечённости дистанционных работников в профсоюзное движение. Можно предположить, что и сейчас такие работники в силу своей разобщённости мало охвачены профсоюзным либо каким-то иным представительством, что, впрочем, не исключает изменения ситуации в будущем.

Необходимо поддержать поиск новых форм представительства дистанционных работников (например, совет общего собрания работников организации) и процедур выбора представительного органа (онлайн-конференции) [17]. Думается, что электронные формы коммуникации с дистанционными работниками могли бы быть законодательно закреплены не только для случаев определения представительного органа, но и при реализации ими коллективных трудовых прав непосредственно или через представителей.

Говоря об особенностях правового регулирования труда отдельных категорий дистанционных работников, хотелось бы обратить внимание на государственный сектор. На сегодняшний день, учитывая современный уровень использования информационных технологий органами государственной власти, приходится констатировать, что в большей степени дистанционная работа подходит служащим, которые заняты экспертной, аналитической работой. Руководители высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы могут применять (и применяют) дистанционные технологии при выполнении своих обязанностей. Однако переход на дистанционную работу в полном объёме для них в обозримом будущем вряд ли возможен.

Существуют перспективы перехода на дистанционную работу и у помощников депутатов законодательных органов власти [18, с. 91–102].

Безусловно, в статье затронута лишь часть вопросов, связанных с дистанционной работой. Представляют интерес дальнейшие исследования в области коллективных трудовых прав дистанционных работников, определения применимого права (при заключении трудового договора о дистанционной работе с иностранными гражданами и лицами без гражданства), формулирования дополнительных «договорных» оснований для расторжения трудового договора о дистанционной работе.

Вполне возможно, что практика выявит и другие проблемы, связанные с дистанционной работой, а поставленные вопросы будут скорректированы.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что появление в ТК РФ норм о дистанционной работе способствует реализации прав тех работников, которые фактически состоят в трудовых отношениях. Создаются возможности для использования преимуществ дистанционной работы как крупными российскими корпорациями, так и малым бизнесом. Для государства выведение дистанционной работы из «тени» означает увеличение доли работников с «белой» заработной платой, что для экономики является безусловным преимуществом.

Несмотря на отсутствие сложившейся правоприменительной практики и консервативный настрой некоторых работодателей по отношению к применению труда дистанционных работников, не возникает сомнений в том, что масштабы дистанционной работы в нашей стране в ближайшие годы будут возрастать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Битрикс24 URL: www.bitrix24.ru/blogs/notice/rossiya-sekonomit-bolee-1-trln-rubley-ot-perekhoda-na-distantsionnuyu-.php (дата обращения: 23.08.2015).
2. Лютов Н.Л. Эффективность норм международного трудового права. М., 2014.
3. Дистанционная занятость как способ повышения эффективности бизнеса и новый тренд на рынке труда. Перспективы распространения в России, 2014–2020 гг. URL: http://www.slideshare.net/bitrixcms1/02-json-1 (дата обращения: 23.08.2015).
4. Филиппов В. Обратная сторона удалённого труда // Трудовые споры. 2015. № 7. URL: http://e.tspor.ru/article.aspx?aid=423327 (дата обращения: 09.06.2016).
5. Фрайд Д., Хеннсон Д. Remote. Офис не обязателен. М., 2014.
6. Лушников А.М., Фомина М.А. Особенности правового регулирования трудовых отношений при нестандартных формах занятости: опыт стран Запада // Труд за рубежом. 2007. № 2. С. 78–109.
7. Моцная О.В. Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Избиенова Т.А., Целищев А.А. Эволюция «надомного труда», или правовое поле фриланса // Трудовое право. 2010. № 2. С. 20–24.
9. Томашевский К.Л. Компьютерное надомничество (телеработа) как одна из гибких форм занятости в XXI в. // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 32–35.
10. Коркин А.Е. Правовое регулирование телеработы // Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда и социального обеспечения: Материалы V Международной научно-практической конференции / Моск. гос. юрид. академия; Ред. К.Н. Гусов. М.: Проспект, 2009. С. 328–336.
11. Шестакова Е.В. Трудовые отношения и заработная плата [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Письмо Минтруда от 7 авг. 2015 г. № 17-3/В-410 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Кравченко Е. Особенности оформления на работу иностранных граждан // Трудовое право. 2017. № 3. С. 67–78.
14. Апелляционное определение Курганского областного суда от 11 июня 2015 г. по делу № 1534/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Омского областного суда от 22 янв. 2014 г. № 33-187/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Васильев В.А. Представительство работников нетипичной занятости // Трудовое право. 2010. № 3. С. 75–80.
17. Нуштайкина К.В. Реализация права работников на социальное партнёрство в условиях дистанционного труда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 3. С. 154–155.
18. Васильева Ю.В., Шуралёва С.В., Браун Е.А. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики. Пермь, 2016.

ENGLISH

Distant (Remote) Work In Russia: Issues Of Legal Regulation

Vasilyeva Yulia Valeryevna is DSc in Law, Associate Professor, head of the Labor and International Law Chair, Perm State National Research University, head of the project "Legal Regulation of Teleworking: Issues of Theory and Practice" (14-03-00318a).
E-mail: vasilev95@list.ru

Shuraleva Svetlana Vladimirovna is PhD in Law, senior lecturer of the Labor and International Law Chair, Perm State National Research University, researcher in the same project.
E-mail: shura_leva@rambler.ru

The paper provides insights into remote work regulation introduced to the system of the Russian labor laws with the new Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation. The research is relevant because public relations in remote work are in the development phase, and employers have prejudices about teleworking for their employees. Still, the economic effect from the introduction of remote work can be very significant. The paper analyzes core fears of employers regarding remote work, reveals key advantages and restrictions of its use. The authors analyze the definition of remote work and its key features (work outside the employer's office, use of the Internet to perform duties and to interact with the employer). It is proposed to distinguish remote work from homeworking and other related legal phenomena. The paper explores the issue who can become a teleworker. The position of the Russian Ministry of Labor on the lack of opportunity of concluding an agreement on remote work with foreign employees is challenged.

The authors explore the legal nature of the telework agreement, as well as other related theoretical and practical issues. They produce a hypothesis about other (in comparison with a typical labor contract) essential (constitutive) terms of telework agreements. Using court cases, the authors analyze the approaches of the courts to certain issues of termination of telework agreements.

Conclusion: The emergence of the provisions on remote work in the Russian Labor Code assists the rights of those who are actually employed. There appear new opportunities of using remote work at both large Russian corporations and small businesses; foundations for further improvement of laws governing this area are underway.

Keywords: remote working; telework, remote workers; law enforcement; telework agreement; terms of telework agreement; place of work, court cases, collective labor rights of remote workers, social security of remote workers

REFERENCES

1. Ofitsial'nyj sajt Bitriks24 URL: www.bitrix24.ru/blogs/notice/rossiya-sekonomit-bolee-1-trln-rubley-ot-perekhoda-na-distantsionnuyu-.php (data obrashcheniya: 23.08.2015) (in Russian).
2. Lyutov N.L. Effektivnost' norm mezhdunarodnogo trudovogo prava. M., 2014 (in Russian).
3. Distantsionnaya zanyatost' kak sposob povysheniya effektivnosti biznesa i novyj trend na rynke truda. Perspektivy rasprostraneniya v Rossii, 2014–2020 gg. URL: http://www.slideshare.net/bitrixcms1/02-json-1 (data obrashcheniya: 23.08.2015) (in Russian).
4. Filippov V. Obratnaya storona udalyonnogo truda // Trudovye spory. 2015. № 7. URL: http://e.tspor.ru/article.aspx?aid=423327 (data obrashcheniya: 09.06.2016) (in Russian).
5. Frajd D., Khennson D. Remote. Ofis ne obyazatelen. M., 2014 (in Russian).

6. Lushnikov A.M., Fomina M.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenij pri nestandartnykh formakh zanyatosti: opyt stran Zapada // Trud za rubezhom. 2007. № 2. S. 78–109 (in Russian).
7. Motsnaya O.V. Netipichnaya trudovaya zanyatost': nekotorye problemy teorii i praktiki: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009 (in Russian).
8. Izbienova T.A., Tselishchev A.A. Evolyutsiya «nadomnogo truda», ili pravovoe pole frilansa // Trudovoe pravo. 2010. № 2. S. 20–24 (in Russian).
9. Tomashevskij K.L. Komp'yuternoe nadomnichestvo (telerabota) kak odna iz gibkikh form zanyatosti v XXI v. // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2011. № 3. S. 32–35 (in Russian).
10. Korkin A.E. Pravovoe regulirovanie teleraboty // Problemy differentsiatsii v pravovom regulirovanii otnoshenij v sfere truda i sotsial'nogo obespecheniya: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii / Mosk. gos. yurid. akademiya; Red. K.N. Gusov. M.: Prospekt, 2009. S. 328–336 (in Russian).
11. Shestakova E.V. Trudovye otnosheniya i zarabotnaya plata [Elektronnyj resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (in Russian).
12. Pis'mo Mintruda ot 7 avg. 2015 g. № 17-3/V-410 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (in Russian).
13. Kravchenko E. Osobennosti oformleniya na rabotu inostrannykh grazhdan // Trudovoe pravo. 2017. № 3. S. 67–78 (in Russian).
14. Apellyatsionnoe opredelenie Kurganskogo oblastnogo suda ot 11 iyunya 2015 g. po delu № 1534/2015 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (in Russian).
15. Apellyatsionnoe opredelenie Omskogo oblastnogo suda ot 22 yanv. 2014 g. № 33-187/2014 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (in Russian).
16. Vasil'ev V.A. Predstavitel'stvo rabotnikov netipichnoj zanyatosti // Trudovoe pravo. 2010. № 3. S. 75–80 (in Russian).
17. Nushtajkina K.V. Realizatsiya prava rabotnikov na sotsial'noe partnyorstvo v usloviyakh distantsionnogo truda // Vestnik Permskogo universiteta (in Russian). Yuridicheskie nauki. 2013. Vyp. 3. S. 154–155 (in Russian).
18. Vasil'eva Yu.V., Shuralyova S.V., Braun E.A. Pravovoe regulirovanie distantsionnoj raboty: problemy teorii i praktiki. Perm', 2016 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.09.91

Е.Д. КУКУШКИНА*

Комедии А.П. Сумарокова «Чудовищи» и «Приданое обманом»: редакции текстов

Статья посвящена проблеме редактирования А.П. Сумароковым текстов его комедий. Сличение комедии «Чудовищи», опубликованной в 1781 г., с её рукописным вариантом под названием «Третейной суд» позволяет признать рукопись сокращённой редакцией «Чудовищ». Эта редакция была подготовлена Сумароковым для сцены в пору директорства в Российском театре (1756–1761). В 1768 г. сокращению подвергся также текст комедии Сумарокова «Приданое обманом». Редактируя комедии, Сумароков сокращал слишком длинные реплики персонажей, иногда исключал их, учитывая меняющиеся литературные контексты, руководствовался художественными критериями для придания большей сатирической выразительности своим персонажам.

Ключевые слова: комедии А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковский, литературная полемика, критерии авторской редактуры

Александр Петрович Сумароков (1717–1777), поэт, драматург и основоположник российского театра, был одним из крупнейших представителей русской литературы XVIII в. (ил. 1, 2). Его комедии «Тресотиниус» и «Чудовищи» впервые были опубликованы в 1781 г. Н.И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений Сумарокова», хотя написаны значительно раньше, в 1750 г. Сохранились сведения об их постановке на сцене учащимися Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Как следует из записей в Камер-фурьерских журналах, «Тресотиниус» был поставлен 30 мая 1750 г., после трагедии Сумарокова «Хорев», «Чудовищи» — 21 июля в Петергофе в Комедиантском доме, после его же «Синава и Трувора», в присутствии императрицы Елизаветы Петровны [1, с. 195–196]. До публикации тексты комедий распространялись в списках, которые были нужны исполнителям для разучивания ролей

* **Кукушкина Елена Дмитриевна** — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, руководитель проекта «Подготовка тома комедий для Полного собрания сочинений А.П. Сумарокова: научное редактирование комментариев, статья» (17-04-00422а).
E-mail: horaz007@mail.ru

и читателям. На протяжении всего XVIII в. рукописная книга продолжала существовать наравне с печатной.

Сумароков не хлопотал о публикации ранних комедий, хотя к другим своим литературным произведениям отнёсся с большим вниманием. К этому времени уже были напечатаны его трагедии «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748) и «Две епистолы Александра Сумарокова» (1748) — о русском языке и стихотворстве, в 1751 г. вышли из печати трагедии «Артистона» и «Синав и Трувор». Очевидно, он не считал свои «малые» комедии заслуживающими публикации. Возникнув «как младший, подчинённый и в какой-то мере даже отражённый жанр», они были созданы в русле литературной полемики вокруг первой трагедии Сумарокова «Хорев», и их «сатирическое задание» «определялось не столько изнутри самого жанра, сколько извне: комедийное творчество "отца русского театра" спровоцировано посторонней целью дискредитации литературного противника Тредиаковского, чей карикатурный облик составляет основной элемент действия в первых двух комедиях» [2, с. 66].

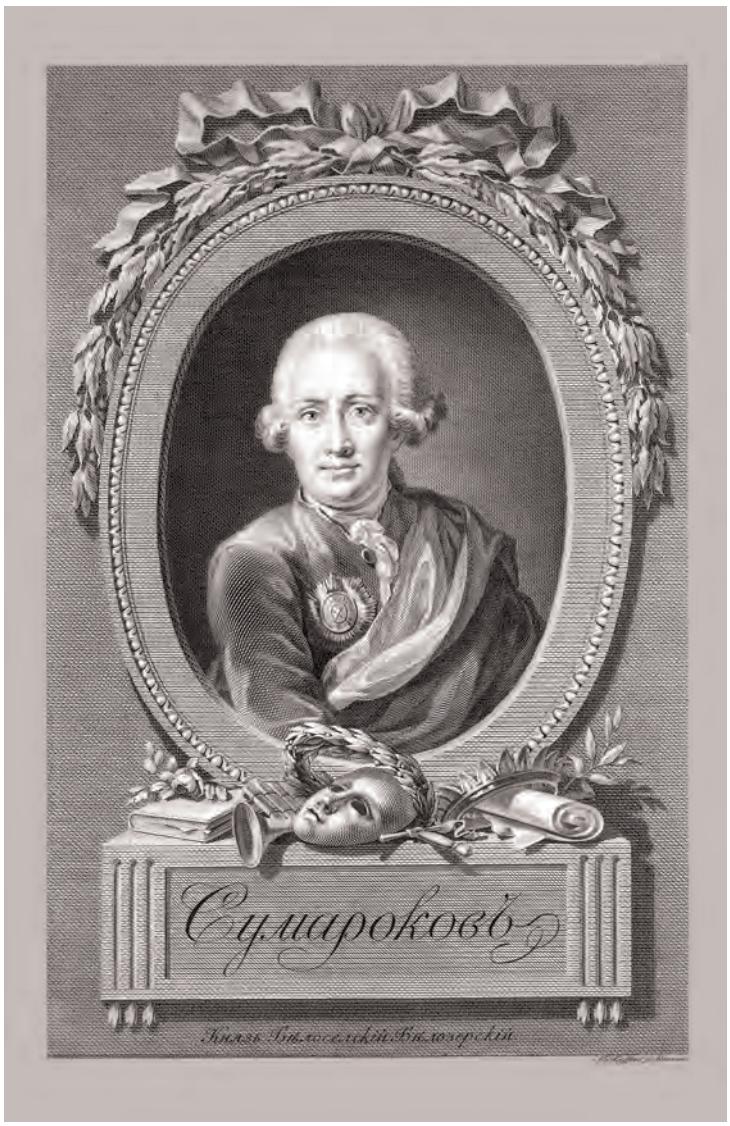
Ил. 1. А.П. Сумароков. Портрет работы Ф.С. Рокотова, 1777 г.

В начале XX в. В.И. Резанов опубликовал документы, позволившие по-новому взглянуть на ранее творчество Сумарокова [3, с. 135–169]. Он описал русские рукописи, которые хранятся в Славянском отделении рукописного отдела Парижской национальной библиотеки и представляют собой четыре переплетённых тома. В их составе оказались списки комедий Сумарокова «Тресотиниус», «Третейной суд» и «Приданое обманом». Сличение их текстов с текстами комедий, опубликованных Н.И. Новиковым, позволило Резанову установить, что рукописный вариант «Тресотиниуса» (Departement des manuscrits, Slave, 40. №8. Л. 444 – 462) идентичен опубликованному, и выявить существенные разночтения, касающиеся двух остальных пьес (в том числе названия одной из них), что дало основание говорить о разных их редакциях.

Редактирование Сумароковым своих комедий привлекало внимание исследователей главным образом в связи с комедией «Чудовищи», но в целом не рассматривалось как научная проблема. Она встала перед исследователями Института русской литературы (Пушкинский дом) в процессе подготовки Полного собрания сочинений А.П. Сумарокова. Изучение правки позволяет понять, какими соображениями руководствовался автор, работая над текстами комедий, выявить общие принципы его редактуры и увидеть, как менялось его представление о художественных или иных критериях текста. Первой задачей является выяснение последовательности редакций. Однако

здесь исследователь сталкивается с серьёзными проблемами.

Рукописные тексты парижской библиотеки не датированы. Не установлено, на бумаге какого времени, чьей рукой и когда они написаны. П.Н. Берков, проанализировав содержащийся в одном из четырёх томов «Реестр трагедиям и комедиям, которые на Российском театре были уже представлены» [3, с. 165–167], пришёл к выводу, что он составлен в период между концом 1750-х гг. и осенью 1762 г. тем лицом, кто хорошо знал театр сумароковского времени [4, с. 50–52]. Но эта датировка устанавливает лишь верхнюю временну́ю границу возможного создания рукописей. Когда же были написаны тексты комедий Сумарокова в редакциях, обнаруженных Резановым, и как они соотносятся с опубликованными текстами? Решение этого вопроса привело исследователей к противоречивым выводам, которые в большей мере коснулись одной из пьес. В книге П.Н. Беркова читаем: «В том же 1750 г. Сумароков пишет комедии “Чудовищи” (позже переименованную в “Третейной суд”) и “Ссора у мужа с женою” (в последующей редакции — “Пустая ссора”)» [Там же, с. 29]. Однако этому утверждению противоречит другое: «...Сумароков в “Третейном суде” пользуется случаем показать «чудовищность» своих героев (оттого позднее комедия и была переименована в “Чудовищи”» [Там же, с. 35].

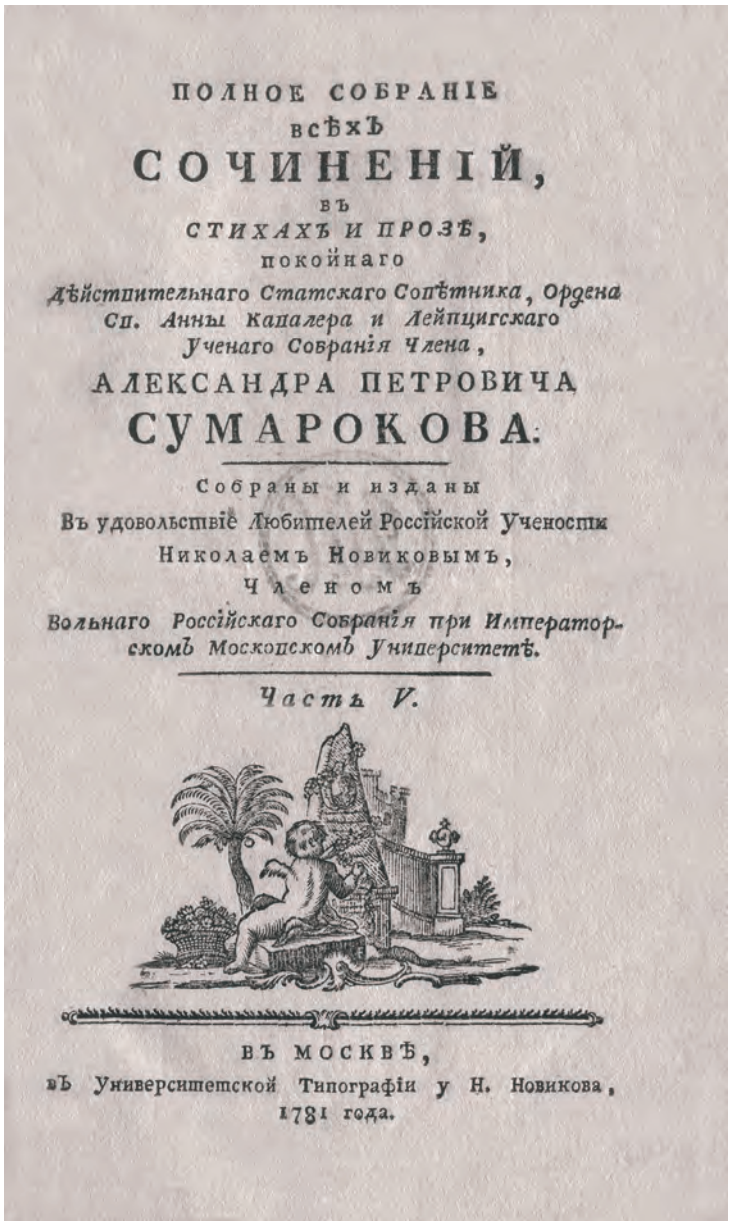


Ил. 2. А.П. Сумароков. Гравюра резцом И.Г. Зейферта с оригинала Ф.С. Рокотова, 1777 г.

Если П.Н. Берков интуитивно сомневался в последовательности редакций (сомнения, помимо воли автора, вылились на страницы книги), то другие исследователи более решительны в своих суждениях. М.С. Гринберг и Б.А. Успенский утверждают, что в «Третейном суде» связь персонажа Критициондиуса с Тредиаковским «не выглядит столь явной». По их мнению, «Третейной суд» написан раньше, чем «Чудовищи», и в ходе литературных баталий первой половины 1750 г. Сумароков, прочитавший «Письмо <...> от приятеля к приятелю» (в нём Тредиаковский критически отзывался о драматических произведениях Сумарокова и обвинял его в невежестве в вопросах русского языка — *Е.К.*), «ввёл в свою комедию» новые сцены и дал ей новое название, «стремясь подчеркнуть “чудовищность” своих персонажей» [5, с. 56].

Доказательством первичности «Третейного суда» по отношению к «Чудовищам» М.С. Гринберг счи-

тает также «Хор», обнаруженный им в парижском списке, на оборотной стороне того листа, которым заканчивается текст комедии. «Хор» Сумарокова, начинающийся словами «Часто по школам мелят только ветер...», не публиковался при жизни автора и был напечатан Н.И. Новиковым в Собрании сочинений Сумарокова (ил. 3) в разделе «Театральные песни». Связь «Хора» с комедией «Третейной суд», установленная М.С. Гринбергом на основании совпадения персонажей, между которыми распределены куплеты хора, с персонажами комедии несомненна, и его действительно «можно в целом охарактеризовать как резюме комедии». Однако нельзя согласиться с утверждением, что автор исключил хор из текста пьесы «при переделке раннего варианта («Третейной суд») в окончательный («Чудовищи»)» [6, с. 66]. По воле автора комедии (если рукопись была авторизована), по разумению её переписчика, а также, по мнению Н.И. Новикова, хор не был её завершающей частью. В рукописи он вписан после слов «Конец комедии». Появление этого хора (или песни, по определению Новикова) объясняется особенностью творческой манеры Сумарокова. Он часто пользовался автореминисценциями, выражая основную идею, тему или сюжет своего произведения в кратких стихотворных текстах. К примеру, комедия «Мать совместница дочери» (1772) имеет такого «двойника» — притчу «Шалунья».


ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВСѢХЪ
СОЧИНЕНІЙ,
ВЪ
СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,
покойнаго
Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена
Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго
Ученаго Собранія Члена,
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА
СУМАРОКОВА.
Собраны и изданы
Въ удовольствіе Любителей Россійской Учености
Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ
Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.
Часть V.
ВЪ МОСКВѢ,
въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1781 года.

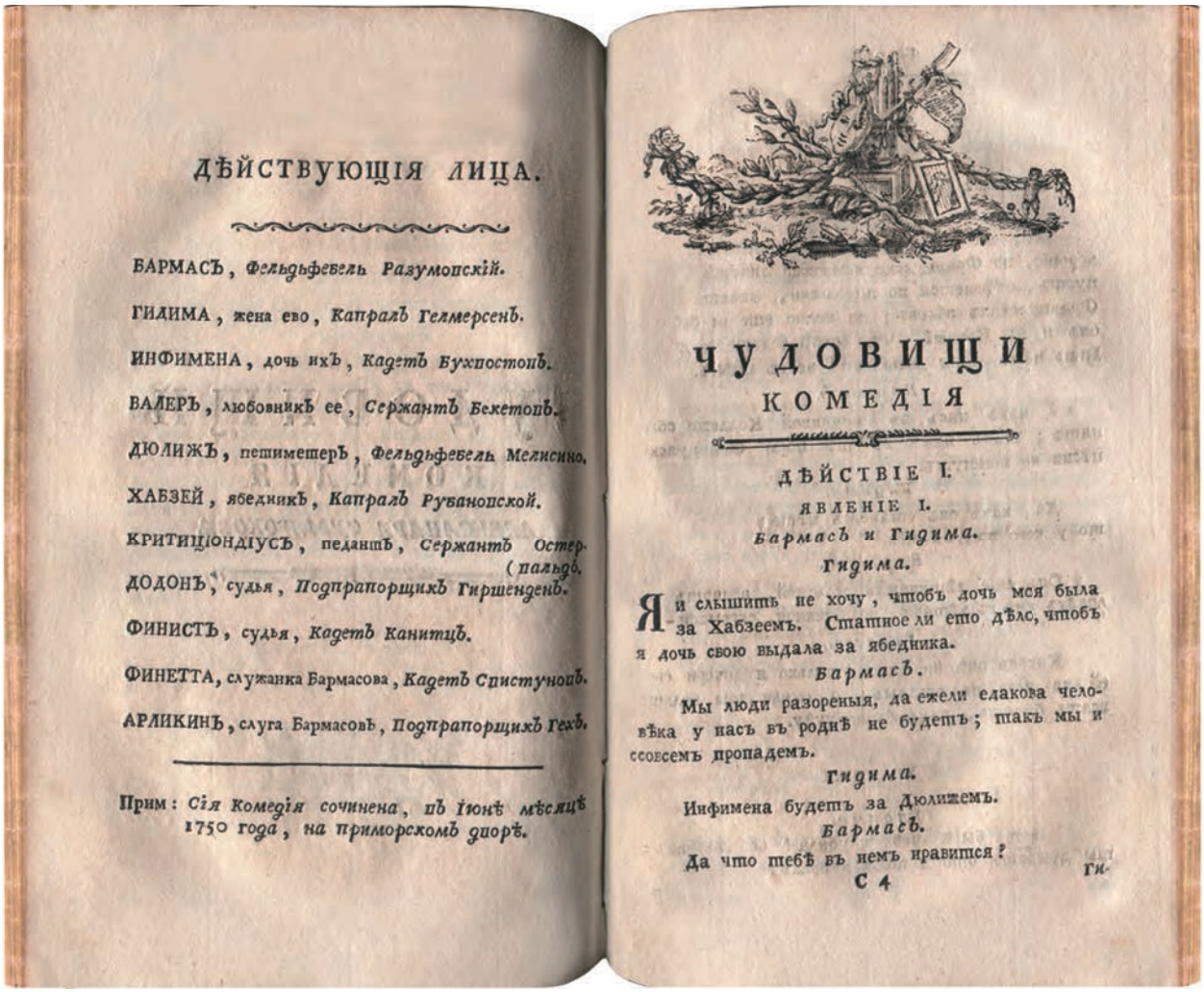
Ил. 3. Титульный лист Полного собрания сочинений А.П. Сумарокова. Том комедий

Позже исследователи драматургии Сумарокова обращались к тому или иному варианту этой комедии. Так, Мариалуиза Феррацци, анализируя пьесу «Третейной суд», видит уже в ней наравне с общественной сатирой «гневную инвективу против Тредиаковского» [7, с. 170], в то время как О.Б. Лебедева говорит только о «Чудовищах» и о другой редакции пьесы не упоминает [2, с. 50, 65–67, 75–77].

Нам представляется, что текст «Третейного суда» вторичен и является сокращённой версией «Чудовищ», сделанной в конце 1750-х — начале 1760-х гг. (ил. 4). Приведём аргументы в пользу этой версии. Список «Третейного суда» из Парижской библиотеки (Departement des manuscrits, Slave. 38. Л. 101–138) включён в том драматических текстов, характеризующих репертуар русского театра конца 1750-х – начала 1760-х гг. В «Реестре

трагедиям и комедиям, которые на российском театре были уже представлены» [3, с. 165–167] «Третейной суд» упоминается наряду с другими пьесами Сумарокова — «Тресотиниусом» и «Ссорой у мужа с женою» (представлены в 1750 г.), «Приданым обманом» (представлена в 1756 г.) и «Пустынником» (представлена в 1757 г.). В документе, который Резанов озаглавил «Черновой список владельца коллекции», в строке напротив названия комедии «Третейной суд» есть приписка: mr Volk. [3, с. 169]. Ф.Г. Волков, ведущий актёр учреждённого 30 августа 1756 г. Российского театра, стал руководить его художественной частью после отставки А.П. Сумарокова от должности директора в июле 1761 г. [8, с. 291]. В том же году Волков по указу императрицы был отправлен курьером в Варшаву, Вену, Аугсбург и Париж. По мнению П.Н. Беркова, именно Волкову принадлежало рукописное собрание пьес. Об этом свидетельствует и тот факт, что в перечне пьес встречаются пометы «Список всех имеющихся у меня пьес» и «я оставил их актёрам для репетиции» [3, с. 167–168].

Сравним редакции комедии. Текст «Третейного суда» короче текста «Чудовищ». В нём отсутствуют четыре эпизода, причём три из них особенно резко высмеивали центрального персонажа Критициондиуса, под именем которого в комедии изображен В.К. Тредиаковский. Существенно сокращён разговор Критициондиуса с Дюлижем, в котором он осуждает трагедию Сумарокова «Хорев», повторяя аргументы из критической ста-



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРМАСЪ, *Фельдьфебель Разумовскій.*

ГИДИМА, жена ево, *Капралъ Гелмерсенъ.*

ИНФИМЕНА, дочь ихъ, *Кадетъ Бухвостовъ.*

ВАЛЕРЪ, любовникъ ее, *Сержантъ Бекетовъ.*

ДЮЛИЖЪ, пешимешеръ, *Фельдьфебель Мелисино.*

ХАБЗЕЙ, ябедникъ, *Капралъ Рубановской.*

КРИТИЦІОНДІУСЪ, педантъ, *Сержантъ Остерпальдъ.*

ДОДОНЪ, судья, *Подпрапорщикъ Гиршенденъ.*

ФИНИСТЪ, судья, *Кадетъ Канитцъ.*

ФИНЕТТА, служанка Бармасова, *Кадетъ Спистуновъ.*

АРЛИКИНЪ, слуга Бармасовъ, *Подпрапорщикъ Гехъ.*

Прим: *Сія Комедія сочинена, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1750 года, на приморскомъ дворѣ.*

ЧУДОВИЩИ
КОМЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ I.
ЯВЛЕНІЕ I.
Бармасъ и Гидима.

Гидима.

Я и слышить не хочу, чтобъ дочь моя была за Хабзеемъ. Статное ли ето дѣло, чтобъ я дочь свою выдала за ябедника.

Бармасъ.

Мы люди разореныя, да ежели елакова человѣка у насъ въ роднѣ не будетъ; такъ мы и ссовсемъ пропадемъ.

Гидима.

Инфимена будетъ за Дюлижемъ.

Бармасъ.

Да что тебѣ въ немъ нравится?

С 4 Ги-

Ил. 4. Начальные страницы комедии «Чудовищи»

тьи Тредиаковского о сочинениях Сумарокова, в том числе выражение «Подай седалище!» (д. 1, явл. 6). Диалог Критициондиуса с Финеттой в «Третейном суде» сводится к восьми лаконичным репликам (служанка уклоняется от его настойчивых попыток поцеловать её), в то время как в «Чудовищах» это большой фрагмент текста, состоящий из 16 реплик, в которых Критициондиус своими пространными высказываниями, по воле автора комедии, уподобляется французскому поэту Ж. Шаплену (1595–1674), написавшему отрицательный отзыв на трагедию П. Корнеля «Сид» и осмеянному за это и за его собственные литературные сочинения в сатирах Н. Буало. (д. 2, явл. 2). В последнем явлении «Третейного суда» поздравительное стихотворение, которое Критициондиус читает Инфинеме, состоит из двух строк против пяти строк в «Чудовищах» (д. 3, явл. 14).

В сокращённом варианте комедии критический пафос, направленный против Тредиаковского, существенно снижен, хотя обиду на него Сумароков испытывал ещё долго, иногда выплескивая её на страницы драматических произведений [9, с. 36–39]. К концу 1750-х гг. насмешки Тредиаковского над «Хоревом» потеряли прежнюю актуальность. Трагедия «Хорев», осмеянная им, продолжала ставиться на сцене: известно, например, её исполнение 8 января 1758 г. [1, с. 223]. В 1759 г. отношения Сумарокова и Тредиаковского на какое-то время приобрели даже характер примирения, «злобного примирения», по определению М.В. Ломоносова, так как в это время литературные враги объединились и выступили против него. В журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759. Июнь. С. 359) была опубликована критическая статья Тредиаковского о занятиях Ломоносова мозаикой, которая могла причинить ему серьёзные неприятности, касающиеся судьбы его Усть-Рудицкой фабрики и мозаичного дела в России [10, с. 596–597, 990–992]. Сравнение Тредиаковского с Ж. Шапленом в тексте «Чудовищ» было понятно только узкому кругу литературно образованных зрителей. Эта слишком многословная и затянутая сцена была неуместна в общедоступном театре, каким был Российский театр до перевода его в придворное ведомство в январе 1759 г.

В сокращённом тексте пьесы сатирический акцент сместился к третьему действию, пародирующему судебное заседание, что отражено в её новом названии «Третейной суд». Пьеса стала динамичнее и зрелищнее.

М.С. Гринберг и Б.А. Успенский упомянули ещё одно отличие «Тресотиниуса» от «Третейного суда», но оставили его без комментария. В «Третейном суде» отсутствует небольшая, но значимая часть диалога служанки Финетты с молодящейся госпожой Гидимой, которая вознамерилась развестись с мужем и выйти замуж за Дюлижа, сватающегося к её дочери. Приведём этот фрагмент полностью. «Гидима: Ты думаешь, что я впрям старуха. Как я приберусь, так я не дурнее тебя буду. Финетта: Вы, сударыня, и теперя не дурнее её, а что лицо ваше морщин полно, это красоте вашей не помеха: то яблоко лучше, которое немного перезреет, нежели то, которое не доспеет. Она ещё не вошла и в лета, а вы в лучшей поре» (д. 2, явл. 10). Этот остроумный, пронизанный иронией комический эпизод в «Третейном суде» опущен, по-видимому, во избежание ненужных аллюзий со стареющей императрицей Елизаветой Петровной.

В пору своего директорства в театре, с 1756 по 1761 г., Сумароков постоянно заботился о репертуаре, и его желание продлить сценическую жизнь своей пьесы, сократив её с учётом новых жизненных реалий, вполне естественно. Репертуар русского театра этих лет известен фрагментарно, и сведения о постановке «Третейного суда» в эти годы могли не сохраниться.

Сумароков и позже редактировал свои драматические произведения, при этом сокращая их. Авторской редактуре в 1768 г.

подверглась одноактная комедия «Приданое обманом». Её первоначальный текст также сохранился в составе репертуарного сборника Парижской национальной библиотеки (Departement des manuscrits, Slave. 38. Л. 252–273). Комедия была написана не позже 1756 г. и тогда же впервые представлена на сцене императорского придворного театра и труппой Ф.Г. Волкова в Оперном театре у Летнего сада [11, с. 48].

Редактируя комедию, Сумароков существенно сократил несколько фрагментов. Первый её вариант содержал пространную реплику отрицательного персонажа дворянина Салидара. Он ставил под сомнение пользу от открытия Кадетского корпуса: «Вот так-то Кадетский корпус заведён, сколько ж от него вреда! Да то заводили немцы, так те уж таковские. Мальчик, сын моего древнева приятеля был туда записан, и был уже дома научен, печатное всё читал, да уже и скоропись немного разбирал; ни дома, ни там не только водки или пива, ни мёду в рот не брал; был там четыре года... научили артикул метать, цыфири тысяч до пятидесяти и живописи: так писал карандашом хорошо глаза, что многие узнавали» (явл. 3).

В рукописи этот фрагмент текста присутствует, но зачёркнут. В редакции 1768 г. упоминания о Кадетском корпусе нет, хотя Салидар в разговоре с Мирсаном по-прежнему не только отрицает необходимость образования, а говорит о его вреде: «ты же отдал детей учиться басурманским языкам и басурманским хитростям в какую-то новую школу. Вот так-то учился в какой-то школе проклятой цыфире мальчик, моего древнего приятеля внучек, да научился красть». Устами Салидара Сумароков высмеивал педагогические проекты И.И. Бецкого и лишь намекал на Сухопутный шляхетный корпус и Академическую гимназию, где преподавание многих предметов велось на французском и немецком языках.

Из второй редакции комедии исключён фрагмент с рассказом слуги Пасквина о поэте, сочинения которого не находят ожидаемого им отклика у слушателей. Читая вслух свою комедию, поэт «почал воздыхать, после плакал и наконец разрыдался, оглянулся на нас и удивился, что мы не плачем <...>, другую комедию вынял, стал читать, почал улыбаться, после смеяться и наконец расхохотался; опять на нас оглянулся и опять удивился, что мы не смеемся, и говорил: эдакой народ, его нельзя ни в жалость привести, ни рассмешить. Эдакое варварство!» (явл. 7). Указанный фрагмент относился, по мнению А. Космана, к В.И. Лукину, который вызывал насмешки, изображая в своих пьесах чувства персонажей в духе сентиментальной литературы [12, с. 168–170].

Однако это утверждение ошибочное. В 1756 г., когда Сумароков писал комедию, Лукин в чине сержанта служил копиистом в Конторе Лейб-Кампанской роты Преображенского полка, его первые литературные упражнения — переводы — относятся к 1762 г. [13, с. 236]. Сумароков, по-видимому, имел в виду не конкретного автора, а нарушение чистоты драматических жанров. К концу 1760-х гг. «слёзная драма» активно проникала в Россию в связи с обновлением переводившегося театрального репертуара [14, с. 116–117] и начинала сказываться в сюжетах пьес и характере персонажей самого Сумарокова, поэтому насмешка над новыми явлениями в драматургии была уже неактуальной.

Кардинальные изменения коснулись реплики Салидара в финале пьесы. Поневоле подписав обязательство о приданом для дочери, этот скупец в ранней редакции комедии произносил гневную речь о тех, кто выдумал приданое, и желал «дурным девкам» «не видать мужей, как ушей своих». Во втором варианте пьесы мнение персонажа изменено; вопреки его характеру, автор навязывает ему своё мнение. Новая реплика Салидара проникнута не гневом, а сожалением о зависимости девушек от имущественного положения родителей и сочувстви-

ем к ним: «Ежели бы тебя (приданого. — *Е.К.*) на свете не было, недолго бы прекрасные небогатых отцов дочери засиживалися в девках, а вы бы, дурные девки, достойных женихов у красавиц не отнимали!».

Существенное изменение тональности этого фрагмента было вызвано, очевидно, личными обстоятельствами и переживаниями автора. В это время Сумароков начинает серьёзно беспокоиться о судьбе своей дочери. Он понимает, что не сможет дать за ней достойное приданое, обеспечить её будущее, и вскоре просит графа Г.Г.Орлова, а затем и императрицу позаботиться о ней [15, с. 116, 118].

Изменения текста пьесы коснулись не только центрального персонажа. Сумароков добавил выразительные сатирические черты к образу слуги Пасквина, используя авторскую ремарку, указывающую на поведение его на сцене. Нарядившись доктором, Пасквин, «седши писать и поставив палец ко лбу», произносит: «Инструкция, инклинация и иллюминация».

В Доношении Сумарокова в Конференцию Академии наук от 12 января 1769 г. с просьбой о напечатании комедии «Приданое обманом» говорилось, что эта пьеса в старой редакции играна «уже несколько лет» [16, с. 100]. Комедия была издана в том же 1769 г. Сохранились сведения о её постановке во второй редакции 6 января 1781 г. в Вольном театре и 20 февраля 1785 г. на сцене Петровского театра М.Е.Медокса в Москве [17, с. 459].

Редактируя тексты комедий, Сумароков руководствовался художественными, конъюнктурными, личностными критериями, стремясь при этом к устранению длиннот, которыми изначально страдали его драматические сочинения, к усилению сценичности. Комедии «Тресотиниус» и «Чудовищи» останутся в истории русской культуры яркими образцами литературной полемики 1750-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при императрице Елисавете Петровне. СПб., 2003.
2. Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М., 2014.
3. Резанов В.И. Парижские рукописные тексты сочинений А.П. Сумарокова // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. СПб., 1907. С. 135–169.
4. Берков П.Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977.
5. Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов. М., 2001.
6. Гринберг М.С. Новые материалы о жизни и творчестве А.П. Сумарокова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1989. Т. 48. № 1. С. 65–71.
7. Феррацци Мариалуиза. Комедия дель арте и её исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731–1738. М., 2008.
8. Старикова Л.М. О Фёдорове Волкове. В поисках истины. 1729–1763. М., 2013.
9. Кукушкина Е.Д. Метаморфозы Мольера в русской литературе (комедия «Рогоносец по воображению» А.П. Сумарокова // XVIII век: Сб. 28. М.; СПб, 2015. С. 34–44.
10. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи.1738–1764. М.; СПб. 2011. С. 596–597, 990–992 (комм. Г.П. Блока совм. с И.В. Валкиной и доп. Н.Ю. Алексеевой).
11. Петровская И.Ф. Сомина В.В. Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года: Обозрение-путеводитель. СПб., 1994.

12. Косман А. Комедии Сумарокова // Учёные записки ЛГУ. № 33. Серия филологических наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 135–188.
13. Степанов В.П. Лукин Владимир Игнатьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К—П. СПб., 1999. С. 236–240.
14. Стенник Ю.В. Драматургия русского классицизма. Комедия // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л., 1982. С. 109–162.
15. А.П. Сумароков. Публикация В.П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 68–223.
16. Семенников В.П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основании документов архива Конференции Императорской Академии наук. СПб., 1914.
17. Репертуар драматической труппы Петербурга и Москвы. 1750–1800. (Составила Е.М. Ельницкая) // История русского драматического театра. Т. 1: От истоков до конца XVIII века. М., 1977. С. 435–473.

ENGLISH

A.P. Sumarokov's Comedies "Tchudovistchi" and "Pridanoje Obmanom": Text Editions

Kukushkina Elena Dmitrievna is senior researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, head of the project "Preparation of a volume of comedies for A.P. Sumarokov's Complete works: scientific edition of reviews, article (17-04-00422a).
E-mail: horaz007@mail.ru

The paper focuses on how A.P. Sumarokov edited the texts of his comedies. The comparison of the A.P. Sumarokov's comedy "Tchudovistchi" (published in 1781) and the manuscript "Treteinoj sud" shows, that the manuscript is a reduced version of "Tchudovistchi". This comedy was prepared by Sumarokov for the stage when he was a Director of the Russian Theater (1756–1761). In 1768, Sumarokov also reduced his comedy "Pridanoje obmanom". Editing comedies, Sumarokov usually shortened too long speeches of the characters or sometimes excluded them in changing literary contexts. In his work, he was guided by artistic criteria for greater satirical expression to his characters.

Keywords: A.P. Sumarokov's comedies, V.K. Trediakovsky, literary polemics, author's editing

REFERENSES

1. Vsevolodskij-Gerngross V.N. Teatr v Rossii pri imperatritse Elisavete Petrovne. SPb., 2003 (in Russian).
2. Lebedeva O.B. Poetika russkoj vysokoj komedii XVIII – pervoj treti XIX vekov. M., 2014 (in Russian).
3. Rezanov V.I. Parizhskie rukopisnye teksty sochinenij A.P. Sumarokova // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. 1907. SPb., 1907. S. 135–169 (in Russian).

4. Berkov P.N. Istoriya russkoj komedii XVIII v. L., 1977 (in Russian).
5. Grinberg M.S., Uspenskij B.A. Literaturnaya vojna Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh godov. M., 2001 (in Russian).
6. Grinberg M.S. Novye materialy o zhizni i tvorchestve A.P. Sumarokova // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. M., 1989. T. 48. № 1. S. 65–71.
7. Ferratstsi Marialuiza. Komediya del' arte i eyo ispolniteli pri dvore Anny Ioannovny. 1731–1738. M., 2008 (in Russian).
8. Starikova L.M. O Fyodorove Volkove. V poiskakh istiny. 1729–1763. M., 2013 (in Russian).
9. Kukushkina E.D. Metamorfozy Mol'era v russkoj literature (komediya «Rogonosets po voobrazheniyu» A.P. Sumarokova // XVIII vek: Sb. 28. M.; SPb, 2015. S. 34–44 (in Russian).
10. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. T. 8: Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi.1738–1764. M.; SPb. 2011. S. 596–597, 990–992 (komm. G.P. Bloka sovm. s I.V. Valkinoj i dop. N.Yu. Alekseevoj) (in Russian).
11. Petrovskaya I.F. Somina V.V. Teatral'nyj Peterburg: Nachalo XVIII veka – oktyabr' 1917 goda: Obozrenie-putevoditel'. SPb., 1994 (in Russian).
12. Kosman A. Komedii Sumarokova // Uchyonye zapiski LGU. № 33. Seriya filologicheskikh nauk. Vyp. 2. L., 1939. S. 135–188 (in Russian).
13. Stepanov V.P. Lukin Vladimir Ignat'evich // Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Vyp. 2: K—P. SPb., 1999. S. 236–240 (in Russian).
14. Stennik Yu.V. Dramaturgiya russkogo klassitsizma. Komediya // Istoriya russkoj dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka. L., 1982. S. 109–162.
15. A.P. Sumarokov. Publikatsiya V.P. Stepanova // Pis'ma russkikh pisatelej XVIII veka. L., 1980. S. 68–223 (in Russian).
16. Semennikov V.P. Materialy dlya istorii russkoj literatury i dlya slovarya pisatelej epokhi Ekateriny II. Na osnovanii dokumentov arkhiva Konferentsii Imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1914 (in Russian).
17. Repertuar dramaticheskoj truppy Peterburga i Moskvy. 1750–1800. (Sostavila E.M. El'nitskaya) // Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra. T. 1: Ot istokov do kontsa XVIII veka. M., 1977. S. 435–473 (in Russian).

УДК 339.9
ГРНТИ 11.25.41

И.Ю. ПЕРФИЛЬЕВА*

Художественные украшения второй половины XX – начала XXI века в контекстуальном ландшафте фигуры человека

Художественные украшения сегодня находятся в центре процессов интеграции различных практик современного искусства. Значительное влияние на определение основного вектора стилистического развития ювелирного искусства оказывают и скульптура, и инсталляция, и, наконец, архитектура. Вне этого невозможно сегодня понять и анализировать произведения как западноевропейских, так и российских художников-ювелиров, которые вышли далеко за границы традиционных представлений о ювелирных произведениях как утилитарных предметных формах, предназначенных для декорирования модного костюма. Художественные украшения в настоящее время — это самостоятельные произведения пластических искусств, которые активно взаимодействуют с фигурой человека, а через неё — с пространством, окружающим человека. Это обусловило не только развитие данного направления как мелкой пластики, но также побудило художников рассматривать фигуру человека как некий контекстуальный ландшафт, в который художник-ювелир должен вписать свой арт-объект, своеобразную микроархитектуру. Исследование современных ювелирных произведений в таком аспекте позволяет проанализировать появление некоторых их художественных особенностей и прояснить специфику эволюции этого вида искусства в наши дни, когда с особой ясностью проявляется тенденция к преодолению видовых границ в искусстве.

Ключевые слова: художественные украшения, арт-объект, микроархитектура, дигитальный объект, «тело как низкое», модернизм, минимализм, исходная структура, катахреза, гротеск, деконструктивизм, объёмно-пространственная инсталляция, контекстуальный ландшафт

Общепризнанная методика изучения современных произведений ювелирного искусства исключительно в качестве функционально-прикладных изделий всё чаще ставит критиков ювелирного дела в тупик. Художественные украшения сегодня не являются собственно украшениями в традиционном понимании этого термина. Художники-ювелиры, как правило, обращаются к метафизической природе человека: эмоциональному осмыслению контекста мест расположения украшений на фигуре человека, которые представляются им некими «ландшафтами» со своеобразными рельефами и профилями.

* **Перфильева Ирина Юрьевна** — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, руководитель проектов «Русское ювелирное искусство середины XX века в контексте европейских художественных тенденций» (13-04-00180а) и «Русское ювелирное искусство XX века в контексте европейских художественных тенденций. 1920–2000-е годы» (16-04-16084д).
E-mail: perfileva-irina@yandex.ru

Большую роль в изучении актуальных проблем современного ювелирного искусства играет исследование его в контексте других художественных практик рубежа XX–XXI вв. Одной из важнейших в этом ряду представляется современная архитектура. Исследователи архитектуры отмечают сегодня особое эстетическое воздействие арт-сооружений на ландшафт места, на человека, возбуждающее в нём чувственное восприятие окружающего мира. Приоритетность подчёркнутого интереса к своеобразному ландшафту фигуры человека и пространству, его окружающему, вынуждены признать и специалисты по современному ювелирному искусству. Иначе говоря, архитекторы и художники-ювелиры, побуждая человека к чувственному восприятию мира, продвигаются к этой цели с разных сторон. Не случайно, практически одновременно, на рубеже 1970–1980-х гг. вышли две знаковые публикации: книга М.Г. Бархина «Архитектура и человек» [1] и сборник статей «Человек, предмет, среда» [2].

Сходство, а порой и параллельность процессов художественного мышления, которые демонстрируют ювелиры и архитекторы в поисках «переливающихся пространств» (Ф.Л. Райт. — *И.П.*) [1, с. 145], брутальности хай-тека, органической биоархитектуры постмодернизма и деконструктивизма, позволяют проводить сопоставления и рассматривать архитектуру как базовую основу формо- и смыслообразующих концепций для художественных украшений — объектов микроархитектуры.

Расцвет ювелирного искусства на Западе и в России произошёл в середине XX в., одновременно с подъёмом в архитектуре. Тогда же возникли термины «художественные украшения» (Запад) и «авторские ювелирные произведения» (СССР), которые и сегодня не утратили актуальности.

В 1960-е гг. на волне научно-технического подъёма вновь актуализировались ещё не исчерпанные до конца стилистические принципы искусства ар деко и конструктивизма. Среди прочих знаков времени вновь был открыт и рассматривался как манифест модернизма фильм Марселя Л'Эрбье 1928 г. «Деньги», для героини которого ювелир Р. Тамплие создал украшения по мотивам новых архитектурных форм — небоскрёбов. В английской ювелирной школе продолжал успешно работать как педагог Н. Слуцкий, тесно связанный с традициями Баухауза, где в 1930-е гг. он был сотрудником мастерской Л. Мохоя-Надя. Идеи школы Баухауза активно развивали многие западноевропейские художники, такие как немец Ф. Беккер, скандинавы Х. Коппель и С. Перссон.

Актуальность авангардистских направлений рубежа 1920–1930-х гг. в России подтверждает комплект украшений ленинградского художника Р. Харитонова. В его произведениях начала 1960-х гг. отчётливо просматриваются принципы конструктивизма и школы ВХУТЕМАСа.

Создание украшений нельзя отнести к развитым направлениям ВХУТЕМАСа. Серия брошей из оникса свердловской артели «Цветные камни» [3, с. 326], экспонировавшаяся на Всемирной выставке декоративного и промышленного искусства 1925 г. в Париже, была исключением, подтверждающим правило (фото 1). А именно, авангардные концепции конструктивизма применены к абсолютно функциональным изделиям. Тем не менее, в них нашёл отражение пафос энтузиазма, царящий в городе, где на протяжении 1920–1930-х гг. промышленная архитектура формируется как самостоятельная отрасль [4, с. 57]. С 1925 г. здесь работает инженер-архитектор Н.А. Бойно-Родзевич, которая с 1920 по 1922 г. сотрудничала с архитектором-конструктивистом С.В. Домбровским. А он с 1924 по 1927 г. преподавал во ВХУТЕМАСе/ВХУТЕИНе. Как видим, не так уж велика оказалась дистанция между ювелирными произведениями и авангардными

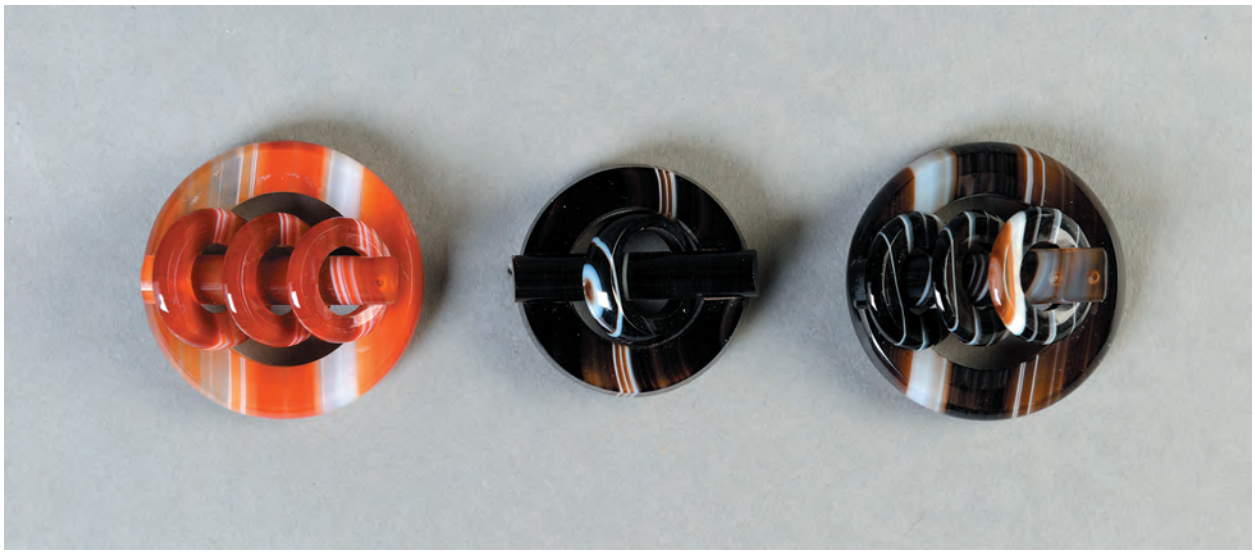


Фото 1. Броши. 1925. Неизвестный мастер. Оникс, латунь, точение. Артель «Цветные камни». Россия, Свердловск

архитектурными направлениями 1920–1930-х гг.

Для художников послевоенного поколения принципы линеарной истории уже не столь значимы. Они, по сути, отрицают преемственность и декларируют принципы дискретной истории, состоящей из самостоятельных, независимых, оригинальных решений проблем, актуальных в конкретные исторические периоды [5, с. 96]. Отсюда сознательная установка на поиск совершенно иных способов самовыражения.

Художники-ювелиры интегрировались в этот художественный процесс с большим энтузиазмом. И на Западе, и в России они начали с попытки сосредоточиться на украшении как особом виде пластических искусств [6, с. 78] и впервые задумались над дилеммой: для кого создаётся украшение — для тех, кто его носит, или для тех, кто смотрит на носящего со стороны [7, с. 7].

На Западе такая постановка вопроса обусловливалась распространением в актуальном искусстве концепции «тело как низкое», как тотальный, «сильнейший страх смерти и всего, что показывает тело как машину, <...> которая изнашивается» [8, с. 157]. Эта концепция была открыта на рубеже 1950–1960-х гг. в инсталляциях группы «NO!» (С. Гудман и Б. Лури, США) и перформансах Г. Нитша, С. Бристли и Д. Пейн.

Этим же объясняется и тот факт, что из всего многообразия ассортимента ювелирных изделий внимание художников-ювелиров привлекают именно украшения, находящиеся в непосредственном контакте с человеком, по аналогии с тем, как архитектурный объект привязан к ландшафту места. И более того, украшения практически утрачивают гендерные особенности и «жанровую» специфику. Вслед за художниками-архитекторами они осваивают средовой контекст фигуры человека, её пластику и динамику, для чего прибегают к «принципам деконструкции, философской иронической отстранённости, минималистской мистификации» [5, с. 106].

В противоположность философской аналитике научных исследований художников и мыслителей в архитектуре [5, с. 96] в деятельности ювелиров, очевидно, доминировали художнические прозрения. Но, как и на западноевропейскую архитектуру 1960-х гг., на язык художников-ювелиров повлиял минимализм, подхваченный в художественной культуре США, где он сформировался как альтернатива поп-арта [5, с. 102] и обыденности

традиционной орнаментальности. Переход к семантике линеарной лаконичности геометрических форм открывал новые аспекты глубины и содержательности в выражении, а не в отображении мира.

Концепция «Ювелирный арт-объект в контекстуальном ландшафте фигуры человека» впервые была представлена на выставке «Objects to Wear» в 1965 г. в галерее Сварт в Амстердаме, а затем в 1969 г. — в галерее Эвана Филлипса в Лондоне. Выставку открывала коллекция колье-«воротников» и браслетов-«манжет», созданных голландцами Э. ван Леерзум и Х. Баккер (фото 2, 3).

Эти произведения были своеобразным протестом против украшательства как такового. Отсюда явное доминирование в творчестве ювелиров антагонистического противоречия предметных форм украшений с человеком, его фигурой, которое стало смысловым центром деконструктивистских ювелирных композиций.

Параллельно возникла другая — пластическая — тенденция к созданию антропоморфных украшений в виде биоформ. Начало ей положили монументально-ювелирные произведения Б. Мартинацци и Сезара, в которых происходит сопоставление макро- и микропространств. С другой стороны, следуя принципу «арте повера», художники-ювелиры стремились освободить творчество от ограничений традиционных форм искусства и художественного пространства: Я. Кунеллис обратился к слепкам частей фигуры. «Моделями» стали губы, ладони и профили конкретных людей. Затем по ним в металле чеканились или отливались ювелирные изделия. Таковы, например, украшение для головы Х. Баккера (1974), антиброшь П. Скубица (1977), брошь «Пупок» Г. Ротмана (1983). Приведённые примеры подтверждают, что освоение контекста места в творчестве западноевропейских художников шло по поверхности «рельефа» тела.

В России сложившаяся на протяжении десятилетий практика экспонирования украшений в пространствах выставочных залов стимулировала ювелиров к созданию крупноформатных, априори нефункциональных, «станково-прикладных» произведений, таких как уникально-выставочные объекты — колье «Кружево» (1967) Ю.И. Паас-Александровой или гривна «Созвездие» (1975) В.А. Зотова. В контексте общих художественно-стилистических тенденций развития декоративно-прикладного искусства в России и на международной арене они рассматривались сквозь призму удалённого функционирования по формуле «Человек — Изделие, Массовое Производство», разработанной Дж. Нельсоном во второй половине 1950-х гг. Согласно его теории «картины, скульптуры, произведения дизайна — независимо от воли авторов тоже средство общения» [9, с. 34].

Фото 2. Украшение на плечо. 1967. Баккер Х. Анодированный алюминий. Голландия

Однако уже на рубеже 1960–1970-х гг. самостоятельно формируется оригинальное стилистическое *конструктивно-пластическое* направление, прямо апелли-

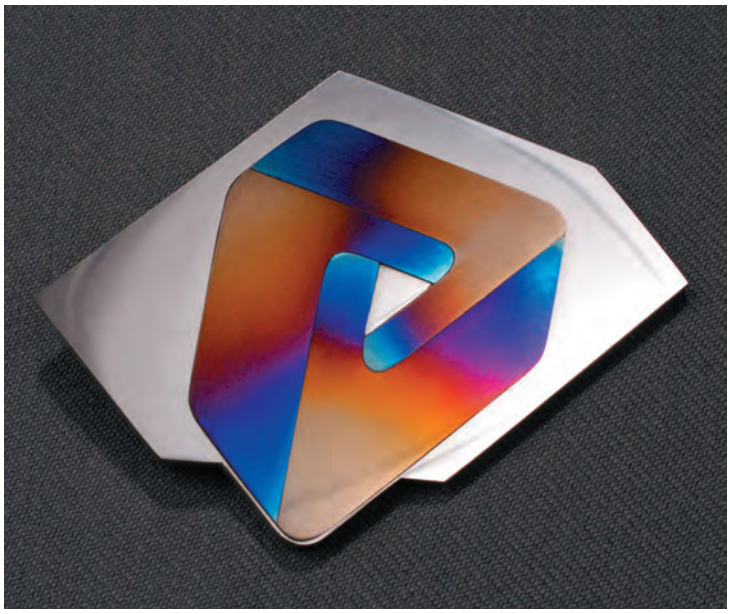


Фото 3. Брошь «Узел». 1983. Кузнецов Ф. Титан, сталь оксидирование. Россия, Москва

рующее к принципам деконструктивизма в архитектуре как методу мышления. Его лидеры принципиально отказались от «вторичности» в виде отображения существующих в природе форм и сосредоточились на извлечении художественных образов из метафизической природы человека, т.е. «создании смыслов», что прямо коррелируется с концепцией «набрасывания нового как истины» в контексте философии и архитектуры второй половины XX в. [10, с. 96].

Освоение контекстуального ландшафта фигуры русские художники-ювелиры начали с поиска контрапунктов во взаимодействии человека и украшения как двух пластических систем. Как конкретный ландшафт для современной архитектуры — символ планеты, на которой воздвигаются здания, так и любая часть фигуры человека — голова, шея, рука — символ его в целом как части макрокосмоса.

Уже в ранних произведениях лидеров этого стилистического направления В. Гончарова и Ф. Кузнецова — кольцах «Кардинал» (1969) и «Двойная спираль» (1973) — считываются принципы деконструктивизма: когда, согласно утверждению Ж. Дерриды, деконструируемый объект переходит в состояние неопределённости [5, с. 99]. Исходная биоформа цветка разрушается и интерпретируется в виде некоего знака — визуальной модели — формулы законов природы. Стилеобразующим фактором стало отношение к украшению как к переложению мысли в художественной форме, которая «оказывалась бы более красивой», и как к «шансу создания поэмы» [11, с. 57] в виде самостоятельного пластического арт-объекта, вступающего в контакт с фигурой человека.

К началу 1980-х гг. главенствующее положение в пластическом языке художественных украшений занимает тенденция к построению объёмно-пространственных инсталляций. Западноевропейские художники экспериментируют с декорированием фигуры человека: то упаковывают её, скрывая символически самые значимые части (колье «Вуаль». К. Бродхед. 1983), то размещают на нём объекты и «макеты», то «высаживают сады» (комплект украшений. М. Петри. 1983) — буквально «возделывают» фигуру человека по всему горизонту, то окружают сложными конструкциями (объект «Персональная среда». Н. Бен Яков. 1982), создавая новые смыслы, построенные на контрастных противоречиях с ней.

В творчестве русских художников второй половины 1980-х гг. получила распространение тенденция к эстетизации математических законов, формул и графиков в виде визуальных моделей в совокупности с принципом дигитальности. Броши из оксидированного титана Ф. Кузнецова (фото 3) — пример строгого соответствия украшения контексту места — фигуре человека. Эти произведения являются первыми примерами «дигитальных объектов» в ювелирном искусстве. Их объёмы возникают и меняются на глазах зрителя.

Примером прямого влияния контекстуального ландшафта на ход мысли ху-

дожника является комплект непарных серёг А. Дороднова (1985), инспирированный стремлением создать некую умозрительную модель, символизирующую процессы, происходящие в мозге человека. В западноевропейском искусстве эта тема находит воплощение только в начале 2000-х гг., в контексте поиска оригинальных дизайнерских решений современных гаджетов [12, с. 73].

Очевидны и явные, непосредственные влияния на украшения со стороны архитектурных концепций середины 1980-х гг. Как и в архитектуре, в художественных украшениях целями являются пластическое освоение и сакрализация месторасположения арт-объекта — колье, кольца, браслета, соответственно, на шее или руке, которые символизируют человека в целом, его внутреннюю вселенную. Вольно или невольно художник втягивается в поиск эзотерических смыслов, рождающихся в сложном диапазоне ассоциаций, нащупывает нужную, но далеко не всегда красивую метафору. Порой современные украшения как будто вступают в отношения, соответствующие принципу топологической философии Ж. Делёза «становление, а не сосуществование планов» [13].

Во взаимодействии украшения и фигуры человека можно выделить два основных принципа: влияние арт-объекта на «место» и влияние «места» на арт-объект. И то и другое особенно ярко проявилось в русской школе последней четверти XX в. Остроумное использование эффекта отбрасываемых арт-объектом теней позволило художникам Т. Балтро (фото 4) и А. Селиванову (серьги «Топологический этюд». 1985) создать иллюзию ландшафта на руке или шее.

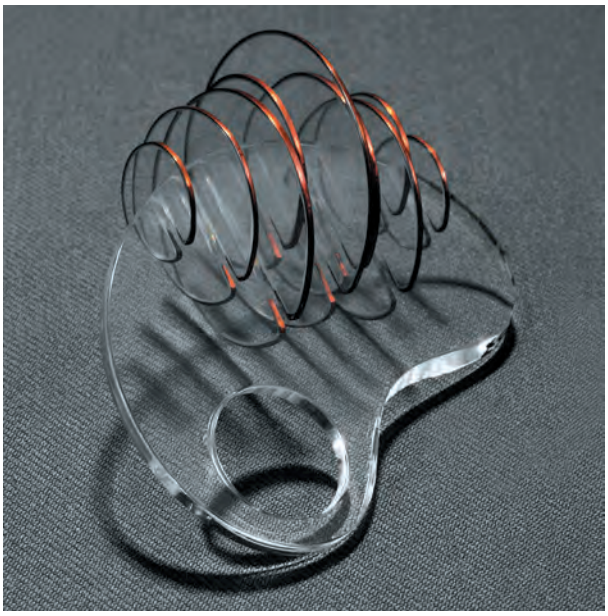


Фото 4. Кольцо «Облачко». 1985. Балтро Т. Медь, мельхиор, акрил, стекло. Россия, Москва

Противоположный принцип демонстрируют кольца Н. Ежкина «Мондриан» (фото 5). Рука-ландшафт, отражаясь в полированной поверхности металла, «растворяет» его, реальное превращается в виртуальное. Первоначальная конфигурация объекта совершенно меняется. Из плоского, экранного он превращается в условно объёмный. Ассоциации с дигитальной архитектурой здесь очевидны.

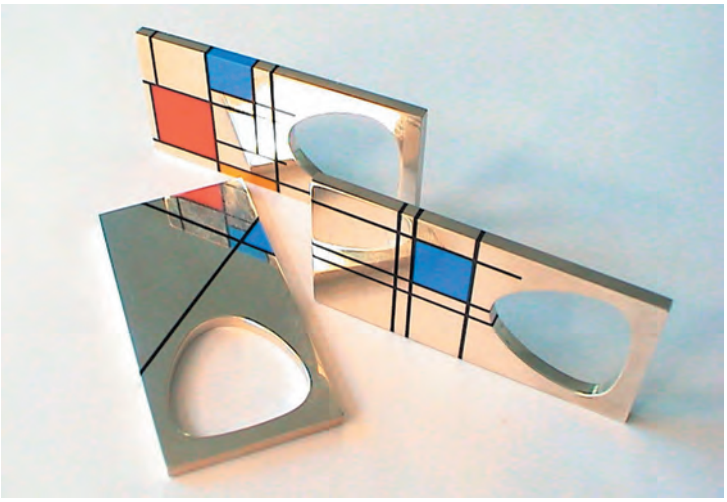


Фото 5. Кольцо «Мондриан». 1980-е. Ежкин Н. Мельхиор, инкрустация. Россия, Москва

Ландшафт фигуры человека оказывает и более глубокое влияние на формообразование арт-объекта, конфигурация объёма буквально диктуется местом расположения. Так возникают типы колец, привязанных к определённому

Фото 6. Кольцо «Лучи». 1989. Фонтон (Легат) В. Бронза, латунь, эбонит, литье. Россия, Москва

пальцу, например, указательному — «Лучи» (фото 6) В. Фонтон.

В начале XXI в. в искусстве и архитектуре акцент творческих поисков переносится во вселенную индивида [14, с. 83], которая рассматривается как часть макрокосмоса. Появляются прямые аллюзии ювелирного искусства и архитектуры. Вслед за архитектором С. Калатравой, который всегда «подчёркивает антропоморфные и биоморфные аналогии в формах своих сооружений» [15, с. 118], от чего напрямую зависит их взаимодействие с ландшафтом места, В. Гаврилов-Вотский создаёт архитектурно-ювелирные объекты — фолли. Образы инспирированы впечатлениями, производимыми летящими в пространстве фигурами — «Конькобежец» и «Мото» (обе — 2015 г.). Монументальность украшения как ленд-формы, интеллектуально интерпретирующей «ландшафт» фигуры как планеты, придаёт украшению значение сложной метафоры: бытия человека в пространстве и времени.

В работах молодых российских художников-ювелиров встречаются и прямые аналогии таким известным архитектурным сооружениям, как Институт болезни Альцгеймера им. Лу Руво, Ф.О. Гери (2009). Такова композиция колец «Скат. Суперскат. Антискат» (2015) И. Огарёва. Правда, в отличие от очевидной оправданности решения деконструктивистского архитектурного объекта, в украшениях искажение пространства имеет исключительно декоративное значение.

Но для целого ряда художников-ювелиров начала XXI в. основным вектором развития метафорического языка остаётся непосредственная ориентация на «ландшафт» фигуры человека как на «исходную структуру». Британская художница Н. Филмер «концентрируется на тех частях человеческого тела, что редко оказываются в фокусе внимания ювелиров, между тем в них нет ничего ординарного, они уникальны и заслуживают особого внимания» [16, с. 234]. Она создаёт неординарные украшения для «подмышечной и подколенной впадины», которые не только «красивы по форме, чувственны и чрезвычайно интимны» [16, с. 234], но заставляют человека держаться и двигаться определённым образом.

Что касается русских художников, то они в большинстве тяготеют к более гармоничному пластическому осмыслению «ландшафта» фигуры человека. При этом рождаются очень разные по эмоциональной заряженности арт-объекты. Одни интеллектуально интерпретируют в современном социокультурном контексте традиционный вид головных украшений — тиары (короны «Рамзес-I», «Рамзес-II». Ф. Кузнецов. 2000). Произведения других представляют собой концепты-головоломки в виде браслетов/колец, предполагающих игру с предметной формой украшения (фото 7). Для М. Кальницкой и М. Масленникова «исходными структурами» становятся органы чувств: глаза, рот,

нос. Их образные решения строятся на абсурде, пересечение несовместимых смыслов — на катахрезе. Апелляция к фигуре человека в данном случае артикулирует привлекательность «ужасного».

Итак, можно констатировать, что современное искусство украшений испытывает серьёзное воздействие актуальных художественно-стилистических тенденций, получивших развитие в современной архитектуре. Под влиянием процессов художественной интеграции изменяются его функции, усложняется язык, рождается новая образность, основанная на обновлении метафизической связи украшения с контекстуальным ландшафтом фигуры человека. Как и архитектурные объекты, они аккумулируют и организовывают пространство в конкретной точке ландшафта, будь то рельеф местности или фигура человека. При этом, благодаря своей генетической опоре на человека как био- и социофеномен, они обладают теми же способностями, что и архитектура: опираясь на собственную историческую память, воспроизводить самих себя как систему, что специалисты в области современной архитектуры определяют как устойчивость в ускоряющемся техногенном мире [17, с. 477].

Фото 7. Кольцо-браслет «Круг». 2015. Петровы Н. и А. Латунь. Россия, Москва

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархин М.Г. Архитектура и человек. Проблемы градостроительства будущего. М.: Наука, 1979.
2. Человек, предмет, среда. Вопросы развития советского декоративного искусства 60–70-х годов / Под общ. ред. В.Т. Толстого. М.: Изобразительное искусство, 1980.
3. Гилодо А.А. Фаберже — двадцать лет спустя // Карл Фаберже и мастера камнерезного дела. Самоцветные сокровища России [Каталог выставки в Музеях Московского Кремля. 8 апреля – 24 июля 2011 г.]. М., 2011. С. 325–328.
4. Михайлова Л.Г. К вопросу атрибуции Дома печати в Свердловске // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН, 2014. № 4. С. 56–60.
5. Добрицына И. Произведение архитектуры как драма познания // Произведение искусства как документ эпохи: Сборник статей: В 2 ч. Ч. I. По материалам международной научно-практической конференции (НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, 2011) / Отв. ред. Т.Г. Малинина; НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ. М.: БуксМАрт, 2014. С. 95–111.
6. Cartlidge B. Twentieth — Century Jewelry. New York, 1985.
7. Dormer P., Turner R. The New Jewelry. Trends + Traditions. London: Thames and Hudson, 1985.

8. Тейлор Б. ART TODAY. Актуальное искусство 1970–2005 / Б. Тейлор; пер. с англ. Э.В. Меленевской. М.: СЛОВО/SLOVO, 2006.
9. Нельсон Дж. Проблемы дизайна / Пер. с англ. М.: Искусство, 1971.
10. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. Введение к книге М. Хайдеггера «Исток художественного творения». М.: Искусство, 1991. С. 99–115.
11. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
12. Филмер Э. Некоторые соображения об отношении одежды, украшений и тела в дизайне // Теория моды: одежда, тело, культура. 2010. № 16. С. 232–237.
13. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Общ. ред. и послесл. В.А. Подороги; Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Логос, 1998.
14. Адашевская Л. Искусство для птиц и рыб. Интервью с художником Александром Пономарёвым // Диалог искусств. 2014. № 3. С. 80–83.
15. Малинина Т.Г. Искусство и технологии: о технологических и творческих аспектах компьютерной визуализации архитектурного замысла // Произведение искусства как документ эпохи: Сборник статей: В 2 ч. Ч. I. По материалам международной научно-практической конференции (НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, 2011) / Отв. ред. Т.Г. Малинина; НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ. М.: БуксМАрт, 2014. С. 112–122.
16. Интервью с Наоми Филмер, британским дизайнером аксессуаров // Теория моды: Одежда, Тело, Культура. 2010. № 16. С. 233–237.
17. Добрицына И.А. Архитектура на пороге электронной эры // Искусствознание. 2004. № 1. С. 477–492.

ENGLISH

Jewelry artworks of the late 20th – early 21st centuries in the context of a human being

Perfilyeva Irina Yuryevna is PhD in Art History, leading researcher of the Scientific Research Institute of the Theory and History of Fine Arts, the Russian Academy of Arts, the head of projects “Russian jewelry art of the mid-twentieth century in the context of European art trends” (13-04-00180a) and “Russian jewelry art of the twentieth century in the context of European art trends. 1920-2000s” (16-04-16084d).
E-mail: perfileva-irina@yandex.ru

Art jewelry today is in the heart of integration of different practices of contemporary art. A significant impact on the main development trends in the styles of jewelry are produced by sculpture, installations, and finally, architecture. Beyond this, it is impossible today to understand and analyze the works of Western European, Russian artists, jewellers which went far beyond the boundaries of traditional notions of jewelry works as a down-to-earth objects designed for decorating trendy clothes. Today’s artistic decorations are separate works of plastic arts, which actively interact with the human figure, and through it – with the space surrounding the person. This resulted in not only the development of this area as a small sculpture, but also prompted artists to consider the human figure as a contextual landscape, in which an artist-jeweler must enter his/her art object, a kind of micro-architecture. Studying contemporary jewelry in this aspect helps to analyze some of their new features and clarify the today’s evolution of this art, when the trend towards overcoming view boundaries in art are especially clear.

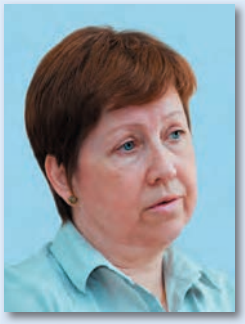
Keywords: art jewelry, art object, micro-architecture, digital object, “the body as something filthy”, modernism, minimalism, original structure, catachresis, grotesque, deconstruction, spatial installation, contextual landscape

REFERENCES

1. Barkhin M.G. Arkhitektura i chelovek. Problemy gradostroitel'stva budushchego. M.: Nauka, 1979 (in Russian).
2. Chelovek, predmet, sreda. Voprosy razvitiya sovetskogo dekorativnogo iskusstva 60–70-kh godov / Pod obshch. red. V.T. Tolstogo. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1980 (in Russian).
3. Gilodo A.A. Faberzhe — dvadtsat' let spustya // Karl Faberzhe i mastera kamnereznogo dela. Samotsvetnye sokrovishcha Rossii [Katalog vystavki v Muzeyakh Moskovskogo Kremlya. 8 aprelya – 24 iyulya 2011 g.]. M., 2011. S. 325–328 (in Russian).
4. Mikhajlova L.G. K voprosu atributsii Doma pechati v Sverdlovske // Akademicheskij vestnik URALNIIPROEKT RAASN, 2014. № 4. S. 56–60 (in Russian).
5. Dobritsyna I. Proizvedenie arkhitektury kak drama poznaniya // Proizvedenie iskusstva kak dokument epokhi: Sbornik statej: V 2 ch. Ch. I. Po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv RAKH, 2011) / Otv. red. T.G. Malinina; NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv RAKH. M.: BuksMArt, 2014. S. 95–111 (in Russian).
6. Cartlidge B. Twentieth — Century Jewelry. New York, 1985.
7. Dormer P., Turner R. The New Jewelry. Trends + Traditions. London: Thames and Hudson, 1985.
8. Tejlor B. ART TODAY. Aktual'noe iskusstvo 1970–2005 / B. Tejlor; per. s angl. E.V. Melenevskoj. M.: SLOVO/SLOVO, 2006 (in Russian).
9. Nel'son Dzh. Problemy dizajna / Per. s angl. M.: Iskusstvo, 1971 (in Russian)/
10. Gadamer G.G. Aktual'nost' prekrasnogo. Vvedenie k knige M. Khajdeggera «Istok khudozhestvennogo tvoreniya». M.: Iskusstvo, 1991. S. 99–115 (in Russian).
11. Derrida Zh. Pis'mo k yaponskomu drugu // Voprosy filosofii. 1992. № 4. S. 53–57 (in Russian).
12. Filmer E. Nekotorye soobrazheniya ob otnoshenii odezhdy, ukrashenij i tela v dizajne // Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura. 2010. № 16. S. 232–237 (in Russian).
13. Delyoz Zh. Skladka. Lejbnits i barokko / Obshch. red. i poslesl. V.A. Podorogi; Per. s frants. B.M. Skuratova. M.: Logos, 1998 (in Russian).
14. Adashevskaya L. Iskusstvo dlya ptits i ryb. Interv'yu s khudozhnikom Aleksandrom Ponomaryovym // Dialog iskusstv. 2014. № 3. S. 80–83 (in Russian).
15. Malinina T.G. Iskusstvo i tekhnologii: o tekhnologicheskikh i tvorcheskikh aspektakh komp'yuternoj vizualizatsii arkhitekturnogo zamysla // Proizvedenie iskusstva kak dokument epokhi: Sbornik statej: V 2 ch. Ch. I. Po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv RAKH, 2011) / Otv. red. T.G. Malinina; NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv RAKH. M.: BuksMArt, 2014. S. 112–122 (in Russian).
16. Interv'yu s Naomi Filmer, britanskim dizajnerom aksessuarov // Teoriya mody: Odezhda, Telo, Kul'tura. 2010. № 16. S. 233–237 (in Russian).
17. Dobritsyna I.A. Arkhitektura na poroge elektronnoj ery // Iskusstvoznanie. 2004. № 1. S. 477–492 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.99
ГРНТИ 15.41.21



Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА*

Антропогенные и природные угрозы безопасности человека: психологический аспект

Представлены результаты комплексного исследования проблемы безопасности человека и — шире — национальной безопасности и её видов (военной, информационной, экономической, социальной, экологической). Проведён психологический анализ каждого вида безопасности, дана характеристика типичных угроз и способов совладания с последствиями нарушения военной, информационный и других видов безопасности.

Осуществлена дифференциация угроз безопасности на антропогенные и природные, показаны их специфика и последствия влияния на человека при переживании повседневного и интенсивного стресса. Сделан вывод о необходимости исследования психологических последствий влияния на человека природных, техноприродных и антропогенных катастроф.

Ключевые слова: экономическая, военная, социальная, информационная, экологическая безопасность, повседневные стрессоры, интенсивный стресс, антропогенные и природные угрозы, совладание

Традиционно *национальную безопасность* принято делить на отдельные виды: военную, информационную, экономическую, социальную и экологическую; при этом каждый вид безопасности может быть представлен как особая психологическая проблема, как проблема безопасности человека.

Являясь отдельным предметом исследования, военная, информационная и другие виды безопасности, безусловно, тесно связаны между собой и составляют единую систему, в которой нарушение одного компонента создаёт общее напряжённое состояние системы в целом (рис. 1). Так, если обобщать данные о видах безопасности, то можно сказать, что информационная и военная безопасность обеспечивают защищённость человека от грубого на-

* **Харламенкова Наталья Евгеньевна** — доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН, руководитель проекта «Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности» (15-36-11108). E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

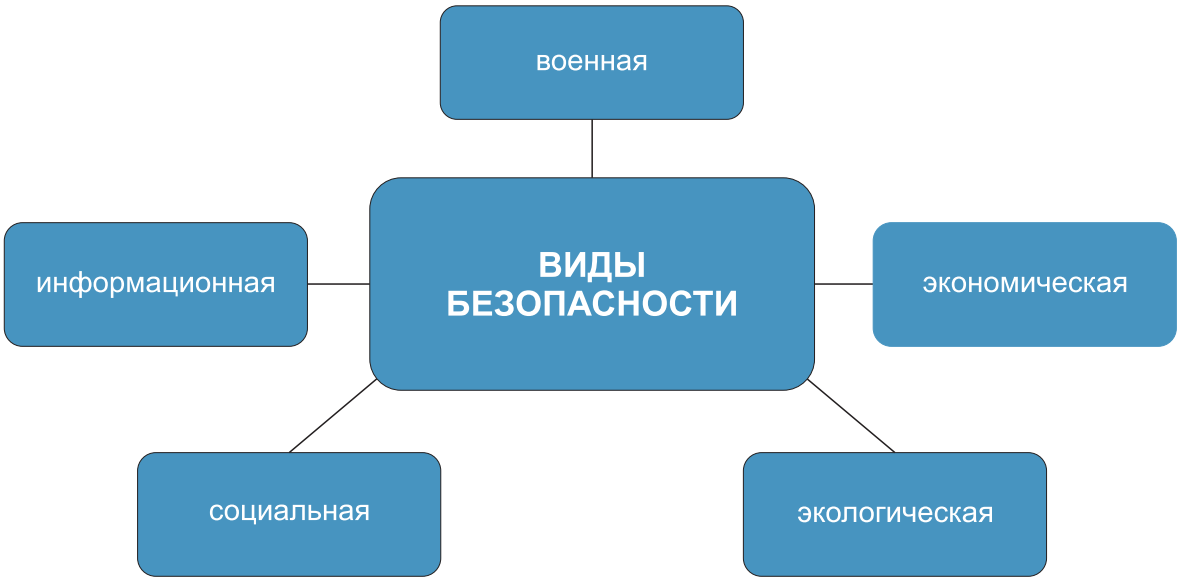


Рис. 1. Виды безопасности

рушения его персонального пространства, от угрожающих жизни и здоровью факторов. Социальная и экономическая безопасность гарантируют стабильность взаимодействия в социуме, обеспечивают эффективность этого взаимодействия как приносящего человеку материальные дивиденды, определяющего экономическое благополучие в настоящем и в отдалённой перспективе.

Рассматриваемые нами виды безопасности, а также риски и угрозы, способные в той или иной мере нарушить состояние относительного благополучия и покоя, в значительной степени обусловлены влиянием так называемого *человеческого фактора*. К примеру, *информационные угрозы* представляют собой сообщения, транслируемые с целью манипуляции сознанием людей, *военные* — связаны с враждебными и агрессивными действиями, совершаемыми с целью захвата территорий и порабощения одной нации, группы людей другой. *Социальные угрозы* сопряжены с риском потери элементарных прав и свобод во взаимодействии индивида со своим окружением, *экономические* — лишают человека возможности удовлетворять материальные и духовные потребности, снижают уровень и качество его жизни. Парадоксальность рассматриваемой проблемы психологической безопасности состоит в том, что поиск человеком способов обеспечения своей безопасности и безопасности общества одновременно сопровождается поиском средств повышения собственного благополучия. Последние же не всегда соответствуют человеческим гуманистическим ценностям и создают риски сохранения чувства безопасности других людей, а значит — в ближайшей или отдалённой перспективе — и своей, личной безопасности.

Разная мера человеческого участия в нарушении социальной, экономической, военной, информационной безопасности, а также в её сохранении не мешает нам обсудить эти аспекты общей проблемы исследования совместно, связав их единым названием — антропогенные угрозы нарушения безопасности человека.

Социальная безопасность в семье

Большинство угроз, создающих ощущение опасности, исходит от человека. Даже установление самых близких — *семейных* — отношений (супружеских, детско-родительских), с которыми обычно связывают позитивные ожидания, в реальности проявляется в виде большого

разнообразия чувств, эмоций, вариантов поведения, имеющих не только положительный, но и амбивалентный, а в ряде случаев и явно негативный характер.

Социальная безопасность ребёнка или взрослого в семье обеспечивается за счёт такой психологической атмосферы, в которой присутствует уважительное и доброжелательное отношение и отсутствуют признаки насилия, пренебрежения и унижения. Установление отношений близости предполагает, что субъект получает дополнительные ресурсы, которые облегчают удовлетворение его потребностей, создают условия для полноценного развития, помогают справиться с трудными жизненными обстоятельствами, защищают от внешних угроз и опасностей. Отношения привязанности в семье укрепляют уверенность индивида любого возраста — младенца, ребёнка, взрослого — в том, что защищающая и поддерживающая фигура будет доступна и досягаема.

Между тем, существуют индивидуально-психологические различия в установлении отношений привязанности. Привязанность может быть как безопасной, так и небезопасной. В последнем случае (при избегающем или тревожном типах привязанности) отношения оказываются ненадёжными, а трудные жизненные задачи — решаемыми с бóльшей затратой ресурсов или вообще не решаемыми.

Интенсивный стресс в близких отношениях — обычное явление. Он может быть вызван и внешними, и внутренними факторами. В зависимости от паттерна когнитивно-поведенческих стратегий (надёжный, мобилизующий, доминантный, демобилизующий), используемых ребёнком, находящимся во взаимодействии с конфликтующими родителями, эмоциональная атмосфера в семье может приводить как к риску развития психопатологии, так и способствовать развитию адаптивных ресурсов ребёнка, выбору конструктивных способов совладания с негативными семейными обстоятельствами, с дестабилизацией отношений и угрозой их разрушения [1].

«Человеческий фактор» как угроза стабильности семейных отношений часто проявляет себя по-разному, т.е. бывает предсказуемым либо непредсказуемым. И в том, и в другом случае его влияние нередко оказывается длительным, кардинально меняющим всю семейную систему. Особенно очевидно системное влияние стрессора проявляется при воздействии экстремальных факторов катастрофического характера, нарушающих нормальное функционирование индивида, семьи в целом и требующих приложения значительных усилий. *Системное влияние* интенсивного стрессора в семье является, пожалуй, одной из наиболее ярких особенностей его воздействия на социальные отношения, ***социальную безопасность***, которое распространяется далеко за пределы актуального функционирования семьи, затрагивая сразу несколько поколений [2–6].

Специфичной в этом случае оказывается и психологическая безопасность, которая в контексте семейных и — шире — социальных отношений обнаруживается в стремлении людей находить и строить надёжное либо близкое к нему по своей функциональности взаимодействие. В некоторых случаях это возможно сделать по согласованию двух или более личностно зрелых людей. В иных обстоятельствах личность, демонстрирующая надёжную привязанность, принимает на себя обязательства по организации безопасного, устойчивого и прогнозируемого взаимодействия в диаде или в бóльшей по составу социальной группе [7].

В целом важно подчеркнуть, что при построении социальных (в том числе семейных) отношений интенсивный стресс оказывает воздействие на каждого участника социального взаимодействия, что может существенно повышать уровень влияния стрессогенного фактора. Антропогенный характер таких угроз очевиден и специфичен в том смысле, что угроза

Рис. 2. Способы восстановления социальной безопасности

(прямая или косвенная) может исходить от самого близкого человека.

Восстановление психологической безопасности в социальной системе определяется, прежде всего, *принятием* субъектом/субъектами ситуации угрозы и поиском путей совместного совладания с ней. По существу, уже само принятие ситуации является мощнейшим копингом, открывающим пути для достижения психологической безопасности в семье и в более широком социуме (рис. 2).

Экономическая безопасность: повседневные и экстремальные угрозы и риски

Семейные проблемы, связанные, например, с серьёзной болезнью близкого человека, с изменением структуры семьи, с важными жизненными событиями, требующими вложения денег (обучение ребёнка, изменение места жительства и др.), ставят задачу исследования проблемы ***экономической безопасности*** человека. С психологической точки зрения экономическая безопасность представляет собой переживание и сопряжённое с ним поведение, направленное на сохранение и восстановление субъективного экономического благополучия. Субъективное экономическое благополучие (СЭБ) определяется рядом факторов и до некоторой степени зависит от уровня дохода конкретного индивида и всей семьи. Отмечается, однако, что эта зависимость не столь однозначна, на неё влияют, в том числе, отношения субъекта к актуальной экономической ситуации и оправданные/неоправданные надежды на её изменение в будущем. Доказано, что субъективная положительная оценка экономического состояния человека способствует совладанию с повседневными и интенсивными стрессами, вызванными его актуальным экономическим статусом [8, 9].

Повседневный стресс, связанный с нарушением экономической безопасности и снижением уровня экономического благополучия, обусловлен тем, как человек реагирует на текущие события: совершение необходимых покупок, оплату коммунальных услуг, затраты на непредвиденные расходы, не выходящие за границы повседневной жизни, т.е. так или иначе ожидаемые. Антропогенный характер таких стрессов также вполне очевиден, поскольку сопряжён с умением человека регулировать ежемесячные доходы и расходы материальных средств, учитывать не только текущие, но и сезонные траты, прогнозировать дополнительные расходы.

Повседневный стресс может возникать при снижении уровня дохода, например, вследствие сокращения размера заработной платы, а его интенсивность — ослабе-

вать благодаря способности субъекта регулировать соотношение доходной и расходной частей личного/семейного бюджета. Важно также наличие умения реструктурировать систему потребностей, снижать субъективную ценность того, что не требует немедленного приобретения и на какое-то время откладывать покупку товаров и услуг, совладая с состоянием фрустрации. Особый ресурс состоит в умении проявлять экономическую активность, т.е. прежде всего быть психологически готовым к поиску новой работы, развитию умений и навыков, к обучению в целом.

Кроме повседневных трудностей, экономической безопасности человека часто угрожают стрессоры высокой интенсивности — экономические потери и лишения. Экономические лишения — травматические события, нарушающие привычное функционирование человека, одним из психологических последствий которого является *посттравматический стресс* и сопутствующая ему психопатологическая симптоматика. Наиболее высокое напряжение вызывают экономические кризисы, которые вовлекают в это событие бóльшую часть населения страны. Специально не изучая этот вопрос, мы, тем не менее, можем предположить, что представление субъекта о самой угрозе может изменяться в зависимости от уровня переживаемого стресса. Так, начало экономического кризиса не всегда осознаётся как угроза, идущая непосредственно от человека, и переживается как объективно трудные жизненные обстоятельства. По мере развития кризиса и интенсификации стресса угроза персонифицируется и начинает ассоциироваться с конкретными субъектами: руководителями страны, представителями финансовых структур, руководителями организаций, в которых работает человек, и др. Эта особенность, с нашей точки зрения, связана с попытками совладания с затянувшейся экономической ситуацией, которая начинает угрожать не только его экономическому благополучию, но и самой жизни. По существу, это поиск виновника трудной жизненной ситуации, «врага», которому хотя бы мысленно можно «послать» свои претензии, возложить на него ответственность за происходящее, «попросить» сделать отчёт о совершённых поступках. Такая «беседа» с предполагаемым виновником своих экономических бед часто облегчает эмоциональное состояние, снижает напряжение, но, конечно, не решает проблемы.

Интересно отметить, что несмотря на интенсивный стресс, который вызывают экономические кризисы, его последствия оказываются травматическими только для некоторой части населения и не приводят к устойчивому сдвигу в уровне психопатологической симптоматики индивида. По-видимому, этот результат является следствием коллективного переживания экономического неблагополучия, и столь же коллективный выход из этой ситуации при улучшении экономического положения в стране, по существу, выступает групповым копингом, интенсифицирующим процессы совладания с травмой.

Психологическая безопасность при разного рода экономических лишениях может быть восстановлена различными способами. *Повседневные стрессы* преодолеваются средствами регуляции эмоционально-потребностной сферы личности, путём дифференциации актуальных и потенциальных потребностей и снижения состояния фрустрации, вызванной откладыванием достижения поставленных целей в виде получения желаемого (приобретения товаров, услуг и проч.), а также повышением активности субъекта в области экономических отношений.

В то же время *интенсивный стресс*, вызванный экономическими потерями и лишениями — безработицей, обесцениванием вкладов, продажей или потерей имущества, тяжёлой болезнью, старением и прочими стрессорами высокой интенсивности, не всегда можно преодо-

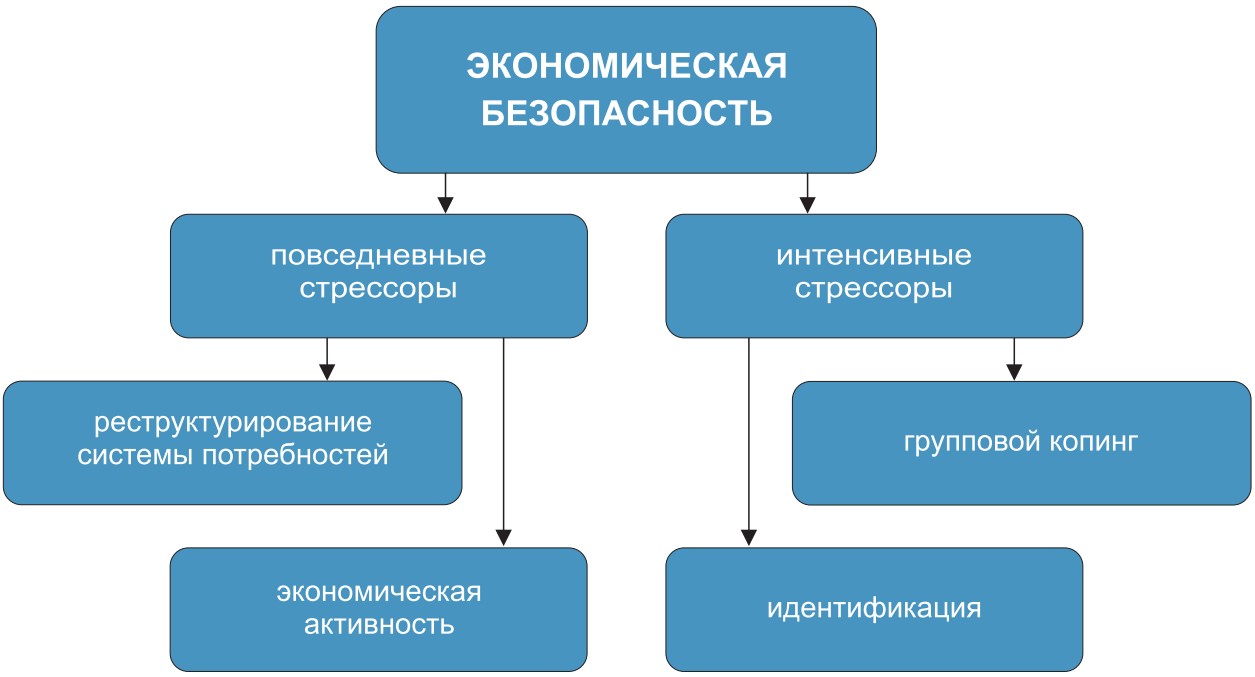


Рис. 3. Способы восстановления экономической безопасности

леть теми же самими средствами, что и повседневные экономические трудности. Однако обращение к социальной поддержке, групповому копингу, социальным формам совладания с кризисными ситуациями помогает восстановить нарушенное состояние безопасности и обрести уверенность в результативности предпринимаемых усилий по улучшению своего экономического статуса.

В целом, говоря об экономической безопасности, следует так же, как и в случае социальной безопасности, отметить антропогенный характер угроз, нарушающих ощущение безопасного существования. Специфика угроз заключается в том, что в случае повседневных стрессоров человек, переживающий состояние экономической небезопасности, зачастую становится сам себе угрозой, не выступая субъектом экономических отношений и пассивно выполняя отведённые ему экономические роли. При интенсивном стрессе — экономических потерях, лишениях — в представлении об угрозе наблюдается динамика. Угроза исходно не воспринимается как антропогенная, но по мере нарастания кризисной ситуации она антропологизируется. С точки зрения психологии это явление, которое ещё предстоит верифицировать на истинность, можно гипотетически объяснить поиском способов совладания с травмой.

Экономическая безопасность тоже имеет свою специфику и нередко воспринимается человеком как состояние, которое не зависит от него, но изменяется под влиянием внешних обстоятельств. Такому пониманию экономической безопасности соответствуют наиболее приемлемые для его восстановления способы редукции напряжения и беспокойства, которые препятствуют проявлению субъектом экономической активности. Этими способами являются групповые виды копинга: во-первых, в форме реально организующихся групп людей, коллективно решающих экономические проблемы («челночество», семейный бизнес и др.), и, во-вторых, как установленные в социуме образцы для подражания, идентификация с которыми помогает преодолеть состояние, вызванное влиянием травматического стрессора (рис. 3).

Одной из причин нарушения экономической безопасности являются форс-

мажорные (от фр. force majeure — высшая, непреодолимая сила) обстоятельства, к которым обычно относят пожары, землетрясения, наводнения, другие стихийные бедствия. Как показывают исследования экономической и военной безопасности, недоучёт природного, естественного для проживания человека контекста, частью которого является он сам, сужает общее представление о психологической безопасности субъекта, а также о его защитных стратегиях и совладании. В связи с этим отметим, что экономическая безопасность и субъективное экономическое благополучие обязательно должны исследоваться с учётом географических, климатических и других условий жизни, определяющих специфику производства и соответственно особенности экономической активности человека, проживающего в разных географических зонах.

Информационно-психологическая безопасность и её нарушение

Развитие экономики и бизнеса в современном мире практически не отделимо от индустрии информационных услуг и коммуникации. Однако наряду с предоставляемыми человечеству возможностями информационные технологии несут в себе и новые угрозы и вызовы. При передаче информации человек получает необходимые ему сведения и нередко становится объектом манипуляции, психологического воздействия. В связи с этим проблема изучения механизмов трансформации информации в процессе её передачи/приёма имеет непосредственное практическое значение в русле исследований психологической безопасности личности в информационной среде — ***информационно-психологической безопасности***.

Формулируя вопрос о том, является ли нарушение информационно-психологической безопасности повседневным или интенсивным стрессором, следует иметь в виду разные технологии передачи информации, разные типы информации, а также разные каналы её передачи. Учитывая это, можно сказать, что даже вне зависимости от содержания информации, её типа каждодневный просмотр телевизионных новостей может, благодаря *кумулятивному эффекту*, привести к интенсивному стрессу и его тяжёлым психологическим последствиям. Особенно остро проблема переживания интенсивного стресса стоит при просмотре новостных передач, содержанием которых являются сведения о совершённых террористических актах. Более того, то, в какой форме эти сведения передаются СМИ, может рассматриваться в качестве вероятного предиктора стойких симптомов интенсивного стресса.

Развитие информационной индустрии вынуждает учёных и практиков исследовать механизмы селекции получаемой информации (психологические фильтры), а также анализировать факторы, которые могут ослаблять действие подобных механизмов. Поэтому наряду с негативными последствиями восприятия новостных передач интерес вызывают факторы, препятствующие психической травматизации человека, — критическое мышление, базовые ценности личности, способность к саморегуляции, особенности социальной перцепции, жизнестойкость. Специфическим фактором, снижающим ощущение негативного влияния информации, выступает пресыщенность ею, которая повышает порог чувствительности, делая человека невосприимчивым к психотравмирующей информации.

Следует заметить, что переживание информационно-психологической безопасности может оказаться наиболее неустойчивым, колеблющимся (по сравнению с экономической и социальной безопасностью) состоянием вследствие разнообразных по своей интенсивности и регулярности воздействий на психику человека. Учитывать при этом приходится не только особенности передачи информации, т.е. специфику внешнего влияния, но и уязвимость субъекта — потребителя

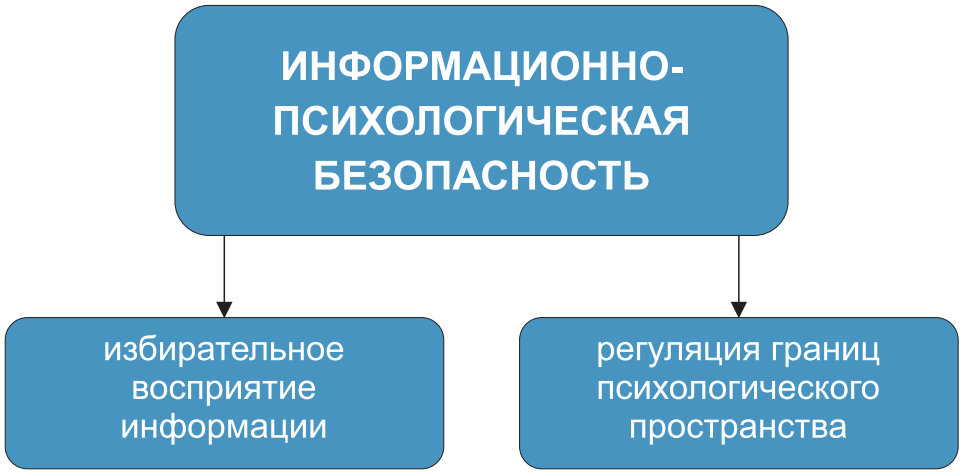


Рис. 4. Способы восстановления информационно-психологической безопасности

информации. Такой особенный антропогенный характер угроз, т.е. их двунаправленный характер влияния на информационно-психологическую безопасность, является серьёзным препятствием на пути создания надёжных защит, противодействующих психической травматизации человека.

Обозначенные выше стратегии совладания с подобными угрозами заключаются в необходимости более *избирательного восприятия* личностью поступающей информации и, в целом, в развитии способности осуществлять *регуляцию границ* психологического пространства с целью сохранения его суверенности (рис. 4). Слабые и проницаемые границы не позволяют эффективно защищаться от потока поступающей информации и отбирать из неё важную и достаточную для адекватной ориентировки в социальном взаимодействии.

Особенности совладания с последствиями нарушения военной безопасности

Грубое попрание границ психологического пространства человека, личности происходит при нарушении ***военной безопасности***, которая тесно связана со всеми проанализированными выше видами безопасности — социальной, экономической, информационной. По отношению к информационным атакам даже принято использовать термин «информационная война».

Предъявление ложной, дезориентирующей, пугающей информации является составной частью ведения любых военных действий. Социальные контакты в период войны также грубо нарушаются, экономическая небезопасность обнаруживает себя со всей очевидностью. Сложный, комплексный характер угроз не способен нивелировать влияние самой мощной угрозы военной безопасности — прямой *угрозы жизни*.

Антропогенный характер угроз военной безопасности по многим своим особенностям не отличается от других опасностей, рассмотренных нами ранее, которые в целом нарушают нормальное функционирование личности, могут стать причиной её психического и физического уничтожения. С психологической точки зрения угроза безопасности обнаруживается в потере чувства целостности, защищённости, стабильности, а также в субъективном переживании сужения социального круга общения, нарушении психического здоровья, утрате ощущения опоры, потере жизненных перспектив.

Специфика угроз, направленных на нарушение военной безопасности, — в их неселективном влиянии на человека, т.е. в отсутствии *целевого* объекта, на который планируется оказывать воздействие. Объектом становятся люди любого воз-

раста и пола, а также материальные ценности, природные ресурсы и проч. Субъектом угрозы выступает человек, объектом — различные мишени, среди которых главной также является человек: он либо уничтожается, либо подвергается воздействию с целью пленения и порабощения. Ещё одна особенность военной угрозы — её тотальный характер, нарушающий психологическую и физическую безопасность не отдельных людей, а целых групп населения и государств. В отличие от социальной и экономической угрозы, информационный и военный виды угроз направлены на широкий спектр объектов; субъект воздействия также не всегда конкретизирован. Это — СМИ, за которыми стоят отдельные сообщества (политики, журналисты и др.), а также идеологи, профессиональные военные, добровольные военные формирования и проч. Собирательный образ врага наделяется различными психологическими характеристиками, такими как враждебность, беспощадность, отсутствие гуманизма, жестокость.

Под влиянием военной опасности человек чаще, чем в других экстремальных обстоятельствах, испытывает интенсивный стресс, последствием которого, в том числе, может стать посттравматическое стрессовое расстройство — ПТСР [10–11].

Военная угроза не является повседневным стрессором, при этом длительность её воздействия может создавать условия для хронификации состояния интенсивного стресса и появления целого комплекса психопатологических симптомов, прежде всего у наиболее уязвимой части населения, подвергающейся военной агрессии. Исследования показывают, что психологические последствия переживания интенсивного стресса в условиях военной угрозы различны: гражданское население и военные (в том числе представители силовых структур) различаются по уровню выраженности признаков посттравматического стресса [12].

Вполне закономерны полученные данные о способах восстановления состояния психологической безопасности в ситуации послевоенного времени, о стратегиях *защитно-совладающего поведения*. Совладание, как было показано выше, может рассматриваться в качестве одного из важнейших ресурсов нормального функционирования личности в период после острого переживания стресса. Система копингов и психологических защит позволяет более или менее пластично редуцировать состояние тревоги, способствует развитию такой реакции на трудные жизненные обстоятельства, которая адекватна ситуации стресса. Важно отметить и то, что совладание, адекватное ситуации непосредственной угрозы, может быть не столь продуктивным в условиях мирного времени, но сохраняться как актуальное, вследствие пережитого людьми длительного и интенсивного военного стресса и наличия психологических трудностей, не позволяющих использовать другие способы совладания. Следовательно, *расширение спектра* стилей совладания в условиях послевоенного времени будет способствовать переключению со стилей совладания, типичных для военного времени, на стили защитно-совладающего поведения, позволяющие более активно справляться с последствиями психотравматизации [1].

Анализируя различные виды психологической безопасности, характеризуя угрозы и способы восстановления утраченного чувства стабильности и защищённости, мы отмечали, что рассматриваемые угрозы имеют явно выраженный *антропогенный характер*; показана специфика угроз, и отмечены особенности совладания с последствиями их влияния.

Во всех интересующих нас случаях, так или иначе, были выявлены различные аспекты *психологической безопасности*; сквозной линией проходило упоминание об особом виде безопасности — *экологической безопасности*.

Природные опасности и их изучение в аспекте проблемы интенсивного стресса

Антропогенные угрозы и последствия их воздействия не желательно отделять от изучения *природных опасностей*, которые в современном мире тесно связаны с активной деятельностью человека.

Обращаясь к научной литературе, можно заметить, что исследования природной составляющей жизни людей, которая в эпоху теорий социальной детерминации была незаслуженно забыта, становятся всё более масштабными. Естественная среда обитания человека, являющегося частью природы, экологические ресурсы жизнедеятельности, психология среды и другие, ранее мало изученные вопросы, стали сегодня предметом пристального внимания учёных. Академик Н.Н. Моисеев писал, что достаточно длительное время человек был «естественной составляющей своей экосистемы, вписывался в её кругообороты веществ и жил по её законам» [13], однако постепенно овладевая её богатствами, он стал простым пользователем природных ресурсов, сознательно или неосознанно нарушая законы природы.

Процессы урбанизации, активное использование новейших средств связи, развитие интернет-технологий всё более отчуждают человека от его естественной, природной среды, которая становится объектом неумелой эксплуатации.

Природные опасности — наводнения, землетрясения, оползни, смерчи, сильные заморозки, засуха и др. — влияют не только на экологическую безопасность, но и на другие виды безопасности. И наоборот, военные действия, экономические кризисы часто становятся причиной нарушения природного баланса и возникновения природных катаклизмов.

Так, экономическая безопасность государства во многом зависит от энергетических ресурсов, потребление которых может привести к неблагоприятным экологическим процессам, поэтому, как полагают известные учёные, «нужно стараться получать максимальную экономическую выгоду от собственных энергетических ресурсов при снижении экологической нагрузки, т.е. проводить политику “двойного выигрыша”... важным является фактор симметрии между повышением энергоэффективности (рационализацией использования энергетических ресурсов) и получением экологического эффекта (уменьшением экологической нагрузки)» [14].

Примеров связи экологической и других видов безопасности, связи антропогенных и природных опасностей — достаточно много. Сопряжённость разнообразных угроз говорит об их системном влиянии на человека и окружающий мир, что делает совершенно необходимым обращение к проблеме ***экологической безопасности*** и её изучению как перспективного направления исследования.

Природные опасности имеют свои особенности. Они характеризуются *внезапностью*, непредсказуемым характером воздействия; *масштабностью* влияния; *неподконтрольностью*, стихийностью; *комплексностью* проявления, т.е. одновременной *угрозой жизни*, а также впоследствии наступающей *угрозой нарушения экологического равновесия* и его необратимостью; последующим *нарушением социальной, экономической стабильности* региона, в котором произошло стихийное бедствие; угрозой *повторения события* (для людей, постоянно проживающих, например, в сейсмоопасных регионах или в регионах, в которых велика вероятность наводнения, цунами, образования смерчей и др.).

Особенностью влияния природных катастроф является краткосрочность их непосредственного воздействия и долгосрочность последствий (социальных, экономических, экологических), с которыми не всегда удаётся справиться. Так, известны случаи, когда экономические потери от природных катастроф превышали величину валового национального продукта отдельных стран, в результате чего

экономика страны, социальная и политическая ситуация оказывались в критическом состоянии [15].

Интенсивный стресс, вызванный природными катастрофами, обусловлен острым переживанием человека по поводу сохранения своей жизни и жизни других людей при *непосредственном* влиянии стрессора, а также в *последующих* за его воздействием условиях выживания при критическом нарушении экологического равновесия. Эмоциональная лабильность, повышенная тревожность, предшествующие психические травмы, социальная незащищённость, соматические заболевания, возраст и другие особенности могут повышать риск развития ПТСР и сопутствующей ему психопатологической симптоматики.

Вполне понятно, что разделить реакцию человека непосредственно на сам стрессор — *природную и техноприродную катастрофу* — и его реакцию на разрушительные последствия влияния этого стрессора, т.е. реакцию на собственно *экологическую катастрофу,* практически невозможно. Однако гипотетически можно предположить, что сравнение психического состояния людей, переживших воздействие природного фактора — землетрясения, наводнения и др. — и выехавших из зоны бедствия, и тех, кто не подвергался влиянию этого фактора, но уже после его воздействия попал в зону экологической катастрофы, вполне допустимо.

Природные и экологические катастрофы, интенсивный стресс, который возникает у человека в ситуации стихийных бедствий, выживание в этих обстоятельствах и достойный выход из них — серьёзная научная проблема, которая продолжает активно изучаться учёными разных стран. Необходимость в её целенаправленном междисциплинарном исследовании состоит в том, что экологам и биологам бывает трудно обойтись без понимания социальных и психологических последствий совладания человека с условиями стихийного бедствия, а психологам и социологам не хватает специальных знаний в области гео- и гидроэкологии, химио- и радиоэкологии и других направлений общей и специальной экологии.

В этом смысле изучение последствий природных, техноприродных и антропогенных катастроф — особая сфера исследования, которая связана с наиболее драматическими для человека событиями выживания и жизнестойкости и одновременно с открытием в себе тех возможностей, ресурсов, которые сохраняют и развивают в человеке человечность, укрепляя в нём веру в себя, в другого человека и доверие к миру в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
2. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. С. 96–120.
3. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация усыновителей и качество приёмной семьи (эмпирическое исследование) // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. http://psystudy.ru
4. Петрова Е.А. Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2008.
5. Сапоровская М.В. Межпоколенный копинг в семье: социально-психологические механизмы и групповые эффекты // Психологические исследования. 2016. 9 (49). 3. http://psystudy.ru.

6. Сапоровская М.В., Крюкова Т.Л., Гущина Т.В., Петрова Е.А. Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы / Отв. ред. М.В. Сапоровская. 2-е изд., доп. Кострома: Авантитул, 2012.
7. Дан М.В. Личностная зрелость матерей и эмоциональное принятие совершеннолетнего ребёнка с первым психотическим эпизодом // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А.Л. Журавлёва, Н.В. Тарабриной, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 294–307.
8. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
9. Хащенко В.А. Личность и группа в системе экономических и управленческих отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
10. Зелянина А.Н., Падун М.А. Личностные характеристики участников боевых действий с различной тяжестью военной травмы. // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 289–303.
11. Тарабрина Н.В., Хажуев И.С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 215–226.
12. Тарабрина Н.В., Хажуев И.С. Психологические последствия переживания интенсивного стресса участниками контртеррористической операции и гражданским населением // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А.Л. Журавлёва, Н.В. Тарабриной, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 179–192.
13. Моисеев Н.Н. Экология в современном мире // Наука и жизнь. 1998. № 3. С. 57–58.
14. Бобылев С.Н., Захаров В.М. Кризис: экономика и экология. М.: Типография ЛЕВКО, Институт устойчивого развития / Центр экологической политики России, 2009. С. 43.
15. Осипов В.И. Что такое катастрофы и как с ними бороться // Наука из первых рук. 2010. № 6 (36). С. 64–79.

ENGLISH

Anthropogenic and natural threats to human safety: psychological aspect

Kharlamenkova Natalia Evgenyevna is DSc in Psychology, head of the lab for the psychology of subject's development in normal and post-traumatic conditions, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, head of the project "Intensive stress in the context of psychological safety" (15-36-11108).
E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

The author provides findings of a complex study of human and national safety and its types (military, information, economic, social, environmental). A psychological analysis of each type of safety was carried out, description of typical threats and ways of coping with the consequences of violated military, information and other types of safety was given.

The author differentiates safety threats as anthropogenic and natural ones, shows their nature and effects on the person in everyday and intensive stress. The conclusion is made that it is necessary to study the psychological effects of natural, combined natural with man-induced and man-induced disasters on humans.

Keywords: economic, military, social, information, environmental safety, everyday stressors, intense stress, anthropogenic and natural threats, coping

REFERENCES

1. Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E., Padun M.A., Khazhuev I.S., Kazymova N.N., Bykhovets Yu.V., Dan M.V. Intensivnyj stress v kontekste psikhologicheskoj bezopasnosti. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2017 (in Russian).
2. Tarabrina N.V., Majn N.V. Fenomen mezhpokolencheskoj peredachi psikhicheskoj travmy // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2013. № 3. S. 96–120 (in Russian).
3. Tarabrina N.V., Majn N.V. Individual'naya i mezhpokolencheskaya psikhotravmatizatsiya usynovitelej i kachestvo priemnoj sem'i (empiricheskoe issledovanie) // Psikhologicheskie issledovaniya. 2014. T. 7. № 34. http://psystudy.ru (in Russian).
4. Petrova E.A. Mezhpokolennye otnosheniya kak resurs sovladayushchego povedeniya: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Kostroma, 2008 (in Russian).
5. Saporovskaya M.V. Mezhpokolennyj koping v sem'e: sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy i gruppovye effekty // Psikhologicheskie issledovaniya. 2016. 9 (49). 3. http://psystudy.ru (in Russian).
6. Saporovskaya M.V., Kryukova T.L., Gushchina T.V., Petrova E.A. Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenij: konflikty i resursy / Otv. red. M.V. Saporovskaya. 2-e izd., dop. Kostroma: Avantitul, 2012 (in Russian).
7. Dan M.V. Lichnostnaya zrelost' materej i emotsional'noe prinyatie sovershennoletnego rebyonka s pervym psikhoticheskim epizodom // Psikhologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie / Pod red. A.L. Zhuravlyova, N.V. Tarabrinoj, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkovoj. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. S. 294–307 (in Russian).
8. Khashchenko V.A. Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012 (in Russian).
9. Khashchenko V.A. Lichnost' i gruppa v sisteme ekonomicheskikh i upravlencheskikh otnoshenij. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016 (in Russian).
10. Zelyanina A.N., Padun M.A. Lichnostnye kharakteristiki uchastnikov boevykh dejstvij s razlichnoj tyazhest'yu voennoj travmy. // Sovremennaya lichnost': Psikhologicheskie issledovaniya / Otv. red. M.I. Volovikova, N.E. Kharlamenkova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012. S. 289–303 (in Russian).
11. Tarabrina N.V., Khazhuev I.S. Posttravmaticheskij stress i zashchitno-sovladayushchee povedenie u naseleniya, prozhivayushchego v usloviyakh dlitel'noj chrezvychajnoj situatsii // Eksperimental'naya psikhologiya. 2015. T. 8. № 3. S. 215–226 (in Russian).
12. Tarabrina N.V., Khazhuev I.S. Psikhologicheskie posledstviya perezhivaniya intensivnogo stressa uchastnikami kontrterroristicheskoj operatsii i grazhdanskim naseleniem // Psikhologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie / Pod red. A.L. Zhuravlyova, N.V. Tarabrinoj, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkovoj. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. S. 179–192 (in Russian).
13. Moiseev N.N. Ekologiya v sovremennom mire // Nauka i zhizn'. 1998. № 3. S. 57–58 (in Russian).
14. Bobylev S.N., Zakharov V.M. Krizis: ekonomika i ekologiya. M.: Tipografiya LEVKO, Institut ustojchivogo razvitiya / Tsentr ekologicheskoj politiki Rossii, 2009. S. 43 (in Russian).
15. Osipov V.I. Chto takoe katastrofy i kak s nimi borot'sya // Nauka iz pervykh ruk. 2010. № 6 (36). S. 64–79 (in Russian).

УДК 159.9.316.6
ГРНТИ 15.41.35

Т.П. ЕМЕЛЬЯНОВА,
Т.В. ДРОБЫШЕВА*

Особенности коллективных чувств к значимым социальным явлениям у студентов регионального вуза

В статье представлены результаты сравнительного анализа коллективных чувств к значимым социальным явлений у студентов регионального вуза (г. Ковров) в сопоставлении с московскими студентами. Общий объём выборки — 116 человек (56 — студенты Ковровского филиала Современной гуманитарной академии и 60 — студенты гуманитарных факультетов столичных вузов). Использовались методики: шкальная оценка значимых явлений и событий через интенсивность порождаемых ими чувств, «Ценностные ориентации», «Социальная идентичность, «Макроэкономические факторы тревоги», «Уровень счастья». Результаты показали различия между группами по ранговой структуре ценностных ориентаций (региональные студенты больше ориентированы на ценности личной жизни), социальной идентичности (идентичность московских респондентов с европейцами выше) и уровню ощущения счастья (у региональных студентов он выше).

Ранговая структура коллективных чувств по отношению к социальным явлениям у студентов двух групп также различается: у студентов из Коврова наиболее выражены тревога, разочарование, страх; у москвичей — разочарование, чувство несправедливости, раздражение и злость. Подобная неоднородность ментальности ставит новые задачи изучения её региональной специфики.

Ключевые слова: коллективные чувства, менталитет, ментальность, значимые социальные явления

Коллективные чувства — это макропсихологические феномены, устойчивые, разделяемые членами большой социальной группы, аффективные переживания, связанные с относительно стабильными экономическими и политическими условиями жизни людей (например, чувства надежды, гордости, стыда, страха, тревоги, оптимизма/пессимизма и т.п.). Феномен коллективных чувств стоит в ряду таких традиционных для современной социаль-

* **Емельянова Татьяна Петровна** — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии (ИП) РАН, руководитель проекта «Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных объектов» (15-06-10394а).
E-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: drobysheva@psychol.ras.ru

ной психологии макропсихологических явлений, как социальные представления и коллективная память, разработку которых начали в середине XX в. во Франции С. Московиси, Д. Жодле, Ж.-К. Абрик и др. В России этот социально-психологический подход к макропсихологическим феноменам активно развивают Г.М. Андреева [1], М.И. Воловикова, С.В. Тихомирова [2], И.Б. Бовина [3], Т.П. Емельянова [4], Т.В. Дробышева [5], Л.Ш. Мустафина [6] и др.

Как атрибут психологии больших групп коллективные чувства специфичны в плане ментальности групп. Мы будем использовать понятие «ментальность» [7] как специфически конкретное, частное проявление менталитета [8]. Ментальность может рассматриваться как система взглядов, через призму которых происходит восприятие основных сторон социальной реальности — экономики, политики, религии. Коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений у людей с разной экономической, политической, религиозной ментальностью специфицируют эти коллективные образования (большие группы) в пространстве менталитета общества. В двух наших недавних исследованиях сравнивались коллективные чувства групп респондентов с разной ментальностью: в первом случае — в сфере политики [9], во втором — в сфере отношения к религии [10].

Продолжая эту логику, мы предприняли исследование, целью которого стал сравнительный анализ коллективных чувств к значимым социальным явлением у студентов регионального вуза в сопоставлении со столичными студентами. Предполагалось, что черты ментальности, определяемые местом проживания молодёжи (районный центр или столица), являются региональным фактором структуры и интенсивности их чувств к фактам социальной действительности.

Для сравнения с Москвой был выбран районный центр — город Ковров Владимирской области. В качестве объекта выступили студенты разных направлений обучения Ковровского филиала Современной гуманитарной академии (СГА). Ковров по количеству жителей (141 тыс.), социально-экономическим условиям, средней заработной плате (27 тыс. руб. в месяц) и другим параметрам — это типичный районный центр [11]. Его описывают как уютный, зелёный город, но имеющий типичные же для регионов Центральной России проблемы с дорожной сетью, убывающим населением (1,5–2 тыс. человек в год), криминальностью, бедностью. По данным городской администрации, платят за коммунальные услуги регулярно, вовремя и относительно безболезненно для собственного бюджета не более 10% горожан [12]. В Коврове два высших учебных заведения.

Общий объём выборки — 116 человек. В исследовании принимали участие студенты старших курсов Ковровского филиала СГА в возрасте от 19 до 21 года. Объём выборки составил 56 чел., из них: 78,6% — девушки, остальные — юноши. Большая часть студентов (84%) не состоит в браке, 12,5% имеют супруга (супругу), 3,6% состоят в гражданском браке. Объём выборки московских студентов гуманитарных факультетов разных вузов составил 60 человек (средний возраст 20 лет). Из них: 54% — девушки, 46% — юноши; 85,3% — не состоят в браке, 10% находятся в гражданском браке.

Программа исследования включала следующий набор методик. Для выявления коллективных чувств к значимым социальным явлениям проводился опрос, состоявший из двух этапов. Первый (качественный этап) заключался в свободном перечислении респондентами значимых для них социальных явлений и событий, а также вызываемых ими чувств. Второй этап (количественный) состоял в шкальной оценке общего списка явлений и событий через интенсивность порождаемых ими чувств. При сравнительном анализе учитывался только процент ответов «очень сильно переживаю» (5 баллов по пятибалльной шкале).

В качестве социальных и социально-психологических факторов возникновения коллективных чувств мы изучали структуру ценностных ориентаций личности (методика Е.Б. Фанталовой [13]), социальную идентичность (методика Н.И. Даудрих [14]), макроэкономические факторы тревоги (методика Т.В. Дробышевой), уровень удовлетворённости жизнью (опросник счастья [15]). Для выявления социально-демографических характеристик респондентов применяли анкетирование. Все данные обрабатывались с помощью программы SPSS 22.0.

Результаты исследования показывают, что уровень удовлетворённости по шкале счастья в региональной группе достаточно высокий: у 14,3% респондентов — очень высокий уровень; у 60,7% — выше среднего; у 25% — средний. Это более высокие показатели, чем у столичных студентов [10]. Описывая социальную идентичность региональных респондентов, следует отметить высокий уровень их идентичности с друзьями (80%), единомышленниками (78%) и с людьми, имеющими те же проблемы (50%). При этом идентичность с семьёй в данной группе присутствует у 61% участников исследования (такой же, как и в группе москвичей). Примерно одинаковый процент студентов (от 40 до 45%) идентифицировал себя со сверстниками, людьми такой же профессии, с имеющими аналогичный уровень достатка и людьми той же национальности, что и респонденты. Наименее выражена в этой группе макросоциальная идентичность: с человечеством (25,9%), россиянами (34,5%), горожанами (18,9%) и европейцами (8,6%). Сопоставляя с аналогичными данными, полученными на московской выборке [10], заметим, что идентичность региональных респондентов с европейцами ниже (8% молодёжи Коврова и 18% москвичей).

Анализ ранговой структуры ценностных ориентаций (ЦО) личности региональных студентов показал, что так же, как и в группе их московских сверстников, ценность здоровья (1-й ранг) для них наиболее значима. Однако в целом структура их ценностей имеет существенные отличия от структуры ЦО москвичей. Так, на второе место по значимости региональные студенты поставили ценность счастливой семейной жизни (в группе московских студентов — это «наличие друзей»); на третьем месте — ценность любви (у москвичей — «уверенность в себе»); на четвёртом — «уверенность в себе» (у москвичей — «счастливая семейная жизнь»). Существенные различия обнаружены в двух группах по значимости таких ЦО, как «свобода как независимость в поступках и действиях» (9-й ранг у региональных и 6-й — у московских студентов) и «любовь» (3-й ранг у региональных и 8-й — у московских студентов). В целом заметим, что региональные студенты больше ориентированы на ценности личной жизни (здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь), чем их московские сверстники (здоровье, друзья, уверенность в себе).

Сопоставление ранговой структуры коллективных чувств респондентов двух групп преследовало цель выявить связь особенностей места проживания и проявления коллективных чувств (табл. 1).

Как можно заметить, у респондентов обеих групп преобладают негативные чувства: у студентов из Коврова наиболее выражены беспокойство, тревога, разочарование, страх, чувство несправедливости. В группе московских студентов — разочарование, чувство несправедливости, раздражение и злость, беспокойство и тревога. По всей видимости, в группе студентов из региона выявленная совокупность чувств выполняет приспособительную функцию, в то время как для столичных — побудительную (стимулирующую).

В региональной группе, как и в группе столичных студентов, вышеперечисленные чувства разочарования, беспокойства и тревоги, несправедливости вызваны явлениями и событиями, связанными с финансовым кризисом в стране (рост

Таблица 1

Ранговая структура коллективных чувств студентов, обучающихся в Коврове (группа 1) и Москве (группа 2)

Коллективные чувства	Группа 1	Группа 2
Беспокойство, тревога, опасение	1	4
Разочарование, сожаление, огорчение	2	1
Страх	3	5
Чувство несправедливости	4	2
Раздражение, злость	5	3
Вера, надежда	6	6
Чувство унижения	7	9
Чувство значимости, сопричастности своей стране, своему народу	8	11
Чувство радости	9	8
Чувство жалости	10	7
Гордость, воодушевление	11	10

цен, падение курса рубля — от 30 до 45% региональной выборки; снижением оплаты труда — от 30 до 50%); реформами в системе образования, науки и медицины (от 30 до 34%); ростом преступности и коррупции (от 30 до 46%); социальной политикой государства (от 30 до 37% выборки). Однако в группе московских студентов аналогичные чувства были вызваны и иными явлениями: информационной войной, снижением морально-нравственных и культурных норм поведения [см.: 10], которые в меньшей степени волновали студентов регионального вуза.

Как отмечалось, чувства раздражения и злости в группе московских студентов переживались более интенсивно, чем в группе региональных студентов. Данные чувства были вызваны реформами образования, науки и медицины (30% выборки) и снижением оплаты труда в стране (34% выборки). В то же время региональные студенты более интенсивно, чем их столичные сверстники, переживали чувство страха в связи со снижением оплаты труда (25% выборки), ростом преступности и коррупции (21%), действиями властей в области социальной политики (19%).

Примечательны результаты, полученные относительно переживания респондентами позитивных чувств: радости, веры, надежды. Хотя интенсивность переживания в обеих группах примерно одинакова, явления, которые порождают данные чувства, заметно различались. Так, чувство радости у региональных студентов вызвали государственные праздники (30%), присоединение Крыма (25%), развитие инфраструктуры музеев и поддержка государством культурно-массовых проектов (20%), а также автоматизация и компьютеризация всех сторон жизни населения (19%). В то время как для московских студентов значимыми были не только присоединение Крыма и развитие инфраструктуры музеев, но и усиление военно-промышленного комплекса (в среднем 17% выборки по каждому явлению).

Иная картина выявлена относительно патриотических чувств молодёжи: чувств значимости, сопричастности своему народу и стране. Они, наоборот, менее интенсивно переживались в группе московских студентов. У региональных студентов чувство значимости и сопричастности было связано с присоединением Крыма (21%) и участием в государственных праздниках (16%). У москвичей наряду с выше перечисленными переживались факты развития инфраструктуры музеев и поддержки государством культурных проектов.

Корреляционный анализ (по критерию Спирмена, при $p < 0{,}05$) связи исследуемых чувств и макроэкономических явлений (данные методики Т.В. Дробышевой) показал следующее. Чувство страха в региональной группе связано с фактом снижения темпов российской экономики ($r = -0{,}26$; $p = 0{,}048$), с неизвестностью относительно политического лидера страны ($r = -0{,}37$; $p = 0{,}004$) и с отсутстви-

ем перспективы увеличения заработной платы (r = −0,26; p = 0,048).

Ценностные ориентации респондентов, а также их социальная идентичность рассматривались в качестве внутренних факторов порождения коллективных чувств. Корреляционный анализ (по критерию Спирмена, при p < 0,05) связи чувств и ЦО личности респондентов показал следующее (табл. 2).

Наиболее интенсивно переживаемые в данной группе чувства беспокойства и тревоги, сожаления и разочарования связаны с достаточно высоко значимыми для респондентов ЦО. Чем выше ценят респонденты здоровье, свободу и счастливую семейную жизнь, тем интенсивнее переживание беспокойства и тревоги относительно снижения оплаты труда, падения курса рубля, реформ системы образования и т.п., а также чувств сожаления и разочарования в связи с финансовой политикой государства.

В ходе исследования выявлена взаимосвязь между выраженностью чувств и социальной идентичностью респондентов (табл. 3).

Обнаружено, что идентичность с близкими социальными группами снижает интенсивность переживания респондентами самых разных чувств. Чем меньше идентичность с людьми, имеющими те же проблемы, тем более интенсивно переживание молодыми людьми чувства

Таблица 2

Взаимосвязь коллективных чувств и ценностные ориентации личности региональных студентов (по критерию Спирмена)

Ценностные ориентации	Чувства			
	Раздражение, злость	Радость	Беспокойство, тревога	Сожаление, разочарование
Здоровье	—	—	0,27*	—
Познание	–0,33*	–0,28*	—	—
Свобода как независимость в поступках и действиях	—		0,26*	—
Счастливая семейная жизнь	—	—	0,35**	0,35**

* p < 0,05;
** p < 0,001

Таблица 3

Взаимосвязь коллективных чувств и социальной идентичности региональных студентов (по критерию Спирмена)

Социальная идентичность	Чувства				
	Страх	Беспокойство, тревога	Радость	Гордость	Значимость, сопричастность своей стране, народу
С семьёй	—	0,28*	—	—	—
С единомышленниками	—	–	—	–0,29*	–0,28*
С коллегами	—	–	–0,29*	–0,27*	–0,31*
С имеющими те же проблемы	0,31*	—	–0,31*	—	–0,36**
С людьми той же религии	—	—	–0,28*	—	–

* p < 0,05;
** p < 0,001

страха в связи с финансовым кризисом, социальной политикой, реформами в области образования и т.п. Чем ближе связь с семьёй, тем более интенсивно переживание ими беспокойства и тревоги относительно снижения оплаты труда, роста цен и падения курса рубля.

При этом интенсивность переживания беспокойства и тревоги связана с высокой значимостью для респондентов ценности здоровья, познания и счастливой семейной жизни, а также с их идентичностью с семьёй. Роль ЦО в данном случае состоит в усилении интенсивности переживания, а также выборе значимых явлений и событий. Иными словами, в рассмотренном случае можно обнаружить систему факторов (внешних и внутренних), по-разному обусловливающих порождение коллективных чувств к значимым социальным явлениям.

Подводя итоги исследования, отметим, что место проживания (районный центр в регионе или столица) выступает фактором формирования специфических черт ментальности, среди которых и такие социально-психологические особенности, как социальная идентичность, ценностные ориентации, уровень счастья, общий уровень макроэкономической тревоги и др. В частности, показано, что идентичность с европейцами выше у москвичей, ценности личной жизни и уровень ощущения счастья сильнее выражены у региональной молодёжи. Социально-психологические особенности молодёжи, как свидетельствуют полученные результаты, значимо связаны с коллективными (разделяемыми) переживаниями, которые порождаются различными явлениями социальной действительности.

При сравнении двух групп обнаруживается, что ранговая структура коллективных чувств по отношению к социальным явлениям у них существенно различается: у студентов из Коврова наиболее выражены тревога (1-й ранг), разочарование (2-й ранг), страх (3-й ранг); у москвичей — разочарование (1-й ранг), чувство несправедливости (2-й ранг), раздражение и злость (3-й ранг). Важным представляется то, что общий тон этих негативных переживаний различен: в группе региональных студентов он скорее испуганно-пассивный, а в группе столичных студентов — раздражённо-активный.

Чувства значимости, сопричастности своему народу, своей стране более интенсивно переживаются региональными студентами. При этом (вероятно, в силу более скромных условий жизни) снижение зарплат, повышение цен, скачки курса валюты студенты из Коврова переживают более сильно, чем москвичи. Чувство страха, связанное с ростом преступности и коррупции, действиями властей в области социальной политики, с повышением цен, также более выражено у студентов из региона, что, вероятно, объясняется криминогенной обстановкой в городе, сложностями с оплатой услуг ЖКХ, бедностью населения, серьёзными проблемами в городском хозяйстве.

Таким образом, две группы российской студенческой молодёжи, обнаруживая много общего, тем не менее существенно различаются. Подобная неоднородность ментальности ставит новые задачи изучения её региональной специфики в связи с планированием молодёжью своего будущего, возможной социальной активностью и поведенческими намерениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2004.
2. Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология и праздник. М.: Изд-во ПЕР СЭ, 2003.
3. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс, 2008.

4. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
5. Дробышева Т.В. Динамика коллективных чувств молодёжи на разных стадиях экономического кризиса // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону; Курск, 2017. С. 250–253.
6. Мустафина Л.Ш. Динамика социальных представлений о совести как индикатор нравственно-психологического состояния современной молодёжи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 1. С. 50–52.
7. Харитонова Е.В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 226–239.
8. Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Там же. С. 240–264.
9. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Особенности проявления коллективных чувств к значимым социальным явлениям: сравнительный анализ групп с разной политической ориентацией // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2. С. 91–104.
10. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений: сравнительный анализ групп студентов православных и светских вузов // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 1. http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1427-emelyanova53.html.
11. Город Ковров http://www.gorodkovrov.ru.
12. Ковров http://nesiditsa.ru/city/kovrov.
13. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: ИД «БАХРАХ», 2001.
14. Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология. 2000. № 12. С. 77–95.
15. Селигман М. Новая позитивная психология. Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: Изд-во «София», 2006.

ENGLISH

Features of collective feelings for significant social phenomena among students of the regional university

Emelyanova Tatiana Petrovna is DSc in Psychology, leading research associate of the lab for social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, head of the project "Collective feelings of different groups of society representatives in relation to significant social facilities" (15-06-10394).
E-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Tatiana Valeryevna Drobysheva is PhD in Psychology, senior research associate of the lab for social and economic psychology, Institute of Psychology, researcher in the same project.
E-mail: drobysheva@psychol.ras.ru

The paper describes the findings of the comparative analysis of collective feelings for significant social phenomena among students of a regional university (Kovrov) in comparison with Moscow students (Moscow). The total sample size is 116 people (56 are students of Kovrov branch of the Modern Humanitarian Academy and 60 are students of humanities faculties of Moscow universities). The used methods: scale estimation of significant phenomena and events through the intensity of feelings generated by them, "Values", "Social

identity", "Macroeconomic factors of anxiety", "Level of happiness". The results showed differences between the groups in the ranking structure of values (regional students are more focused on personal values), social identity (the identity of Moscow respondents with Europeans is higher) and the level of happiness (regional students feel happier).

The rank structure of collective feelings in relation to social phenomena among students of the two groups also differs: students from Kovrov have the most pronounced anxiety (1st rank), disappointment (2nd rank), fear (3rd rank), students in Moscow feel disappointment (1st rank), injustice (2nd), irritation and anger (3rd). Such heterogeneity of mentality poses new problems of studying its regional specifics.

Keywords: collective feelings, mentality, mindset, significant social phenomena

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya. M.: Aspekt Press, 2004 (in Russian).
2. Volovikova M.I., Tikhomirova S.V., Borisova A.M. Psikhologiya i prazdnik. M.: Izd-vo PER SE, 2003 (in Russian).
3. Bovina I.B. Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni. M.: Aspekt press, 2008 (in Russian).
4. Emel'yanova T.P. Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016 (in Russian).
5. Drobysheva T.V. Dinamika kollektivnykh chuvstv molodyozhi na raznykh stadiyakh ekonomicheskogo krizisa // Effektivnost' lichnosti, gruppy i organizatsii: problemy, dostizheniya i perspektivy: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. Rostov-na-Donu; Kursk, 2017. S. 250–253 (in Russian).
6. Mustafina L.Sh. Dinamika sotsial'nykh predstavlenij o sovesti kak indikator nravstvenno-psikhologicheskogo sostoyaniya sovremennoj molodyozhi // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2015. T. 21. № 1. S. 50–52 (in Russian).
7. Kharitonova E.V. Sootnoshenie ponyatij «mentalitet» i «mental'nost'» // Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta / Otv. red. V.A. Kol'tsova, E.V. Kharitonova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2015. S. 226–239 (in Russian).
8. Yurevich A.V. Bazovye komponenty natsional'nogo mentaliteta // Tam zhe. S. 240–264 (in Russian).
9. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Osobennosti proyavleniya kollektivnykh chuvstv k znachimym sotsial'nym yavleniyam: sravnitel'nyj analiz grupp s raznoj politicheskoj orientatsiej // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2016. № 2. S. 91–104 (in Russian).
10. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Kollektivnye chuvstva v otnoshenii znachimykh sotsial'nykh yavlenij: sravnitel'nyj analiz grupp studentov pravoslavnykh i svetskikh vuzov // Psikhologicheskie issledovaniya. 2017. T. 10. № 53. S. 1. http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1427-emelyanova53.html (in Russian).
11. Gorod Kovrov http://www.gorodkovrov.ru.
12. Kovrov http://nesiditsa.ru/city/kovrov.
13. Fantalova E.B. Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta. Samara: ID «BAKHRAKH», 2001 (in Russian).
14. Daudrikh N.I. Sotsial'naya identichnost': metodicheskij aspekt // Sotsiologiya. 2000. № 12. S. 77–95 (in Russian).
15. Seligman M. Novaya pozitivnaya psikhologiya. Nauchnyj vzglyad na schast'e i smysl zhizni. M.: Izd-vo «Sofiya», 2006 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. ГОЛОВНЁВ, Е.В. ПЕРЕВАЛОВА,
С.Ю. БЕЛОРУССОВА, Т.С. КИССЕР*

Современные этнополитические проекты (по материалам Уральской этноэкспедиции)

В условиях глобализации и информационной революции этничность меняет свои формы, что ярко проявляется во всех сферах жизни общества: в политике, искусстве, моде и т.д. Изучение этничности как ресурса настоящего и будущего актуально и для выбора акцентов в реализуемой ныне «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», и для гармонизации диалога государства и этнических сообществ.

Многолетние полевые этнографические исследования Уральской этноэкспедиции предусматривают чередование долговременных и кратковременных работ среди народов Южного, Среднего и Северного Урала — русских, башкир, татар, нагайбаков, марийцев, манси, немцев, проживающих в пределах Свердловской, Оренбургской и Челябинской областей, Пермского края, Башкортостана, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов [1]. Эти исследования направлены на изучение феномена этничности, факторов её устойчивости и изменчивости, этнодиалогов, механизмов адаптивности и сценариев развития. Экспедиционные исследования дают возможность «живого» изучения идентичности и межэтнического диалога полиэтничного населения Урала и сопредельных территорий в исторической ретроспективе. В тематике этноэкспедиции 2016 г. мы обозначили приоритет: креативная этничность в этнопроектах и инициативах, реализующих потенциал народов Урала в их взаимодействии и диалогах этнических сообществ и власти, в динамике традиций и новаций. Главным ракурсом ис-

* **Головнёв Андрей Владимирович** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера), главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, руководитель проекта «Динамика этничности на Урале: ЭтноЭкспедиция–2016» (16-01-18070е).
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

Перевалова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, заведующая сектором этноистории Института истории и археологии УрО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

Белоруссова Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

Киссер Татьяна Сергеевна – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: Tkisser@bk.ru

следования определён «человек в этничности», обращённый к соотношению персональных мотивов и социальных устоев, активности и стабильности, индивидуального проекта и траектории его социализации.

Термин «этнопроект» используется нами для обозначения персонально мотивированной инициативы, направленной на активацию этничности и адаптацию традиционной культуры к современным реалиям. Среди этнопроектов можно выделить две группы — этнополитические и этнокультурные, хотя их траектории нередко пересекаются. С понятием «этнопроект» отчасти соотносимы такие понятия, как этнокультурное «возрождение», «ревитализация», «национальное движение», «культурное выживание» [2].

В своей основе этнопроект опирается на традицию, однако чаще всего в конечном счёте он становится неотрадицией или инновацией. Если изначально он создаётся в качестве поддержки этнической идентичности, то впоследствии формирует новое понимание народной культуры. Часто проект является инициативой этноэлиты или этнолидера — в таком контексте этничность выступает как сфера персональной самореализации. Вместе с тем мониторинг этничности на уровне групповых и персональных инициатив позволяет утверждать, что индивидуальная инициатива, нередко в конкуренции, обновляет и преобразует социальную среду этничности, вызывая эффект, называемый дрейфом этничности [3].

При рассмотрении этнопроекта удобен метод «крупного плана», позволяющий заострить внимание на личности инициатора-лидера, создав его персональный портрет и определив его роль в конструировании и поддержании этничности [4, с. 14–20]. В нашем подходе традиционалистский взгляд на сущность этничности сочетается с конструктивистским инструментарием. Ни в коем случае не сводя этничность к её персонификации (олицетворение народа конкретным человеком), представим примеры персонализации (проявления личной инициативы). Поскольку всякий проект проходит фазы индивидуализации и социализации, иногда претерпевая замысловатые преломления и превращения, есть смысл отслеживать персональные мотивации не только инициатора этнопроекта, но и его последователей-интерпретаторов. В разных контекстах этнопроект может вызвать целый каскад неоднозначных социальных эффектов (иногда инициатива сохранения традиции превращается в инновацию, которая вскоре обретает облик неотрадиции). Как бы то ни было, этнопроект служит импульсом, который подпитывает, обновляет и актуализирует этничность [5].

Ненцы: проект «успешного народа» Сергея Харючи

Среди ненцев-кочевников род Харючи (в архивных источниках «род Карачейский» или «Большие Карачеи») известен многочисленностью и воинственностью, а его вожди — своеволием и высоким авторитетом (например, Пось Хулеев в XVII в., Пайгол Нырмин в XIX в.). Ветви Карачейского рода под названиями *҇окатэта* (Многооленные) и Сэротэта (Белооленные) до сих пор составляют ядро оленеводов ямальских тундр. В этом смысле Сергей Николаевич Харючи (фото 1) — в недавнем прошлом председатель Думы Ямало-Ненецкого автономного округа, президент Российской ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — продолжатель традиции тундрового лидерства своих предков.

В то же время он, как пишут юбилейные издания, именуется *҇удондана* («Прокладывающий Тропу») (в ненецкой традиции *҇удондана* называют человека, ведущего по тундре олений аргиш (караван): он выбирает и прокладывает путь, задаёт темп движения, определяет место и время отдыха и стоянок, отвечает за каждого, следующего за ним). Этнопроект, который олицетворяет собой Харючи, можно назвать «школой этнополитики и этнодипломатии» на региональ-

Фото 1. Сергей Николаевич Харючи, глава Совета старейшин Российской ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

ном, федеральном и международном уровнях. Символически эта дипломатия, состоящая в виртуозном посредничестве между своим народом и глобальным миром, выражается в его манере носить галстук под малицей (Малица — верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь. — *Прим. ред.*). Со свойственным ему юмором Харючи отмечает, что он — истинный кочевник нового типа.

За детством и учёбой в поселке Тазовский Ямало-Ненецкого автономного округа последовали «странствия»: служба на флоте, работа плотником, рулевым-мотористом, корреспондентом, комсомольская, профсоюзная и партийная деятельность, учёба в Свердловской высшей партийной школе, руководство комиссией по делам национальностей Тюменского облсовета народных депутатов. По словам Харючи, по партийной линии он продолжил дело своего отца — одного из «главных коммунистов Тазовского Севера».

В годы перестройки Сергей Николаевич выступил инициатором создания и в 1989 г. стал первым президентом окружной общественно-политической организации «Ямал — потомкам!». Главными задачами ассоциации были поиск решений «проблемы выживания ямальских народов» и отстаивание «принципов подлинной автономии округа». Деятельность лидеров Ассоциации оценивали по-разному: и хвалили, и резко критиковали. Но опыт и успех «первопроходцев» обеспечили им статус новой, постсоветской, политической элиты Ямала. Более того, группа ненцев-лидеров во главе с Сергеем Харючи уверенно и стремительно расширяла диапазон своей политической деятельности.

В 1997 г. Харючи был избран президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и возглавлял её до 2013 г. (фото 2). В ноябре 2000 г. он стал спикером окружной Думы, а с февраля 2009 по 30 сентября 2015 г. был председателем Законодательного собрания. Лидирующая позиция в региональном парламенте позволила ему развернуть масштабную законодательную деятельность и отстаивать взаимосвязанные позиции — признание Ямала субъектом РФ и продвижение на всех уровнях интересов коренных народов Севера. С.Н. Харючи — доктор юридических наук, автор нескольких монографий по правовым проблемам коренных народов Севера, основанных на многолетней практике.

Не в последнюю очередь благодаря усилиям С.Н. Харючи окружная политика в отношении коренного населения Ямала сегодня выстроена взвешенно и эффективно, а успех западносибирских ненцев в сохранении традиций и развитии традиционного оленеводства связан и с его деятельностью. Среди народов современной России ненцы — лидеры и по использованию потенциала собственной этнической культуры (оригинальная религия, мифология, кочевой оленеводческий культурно-хозяйственный комплекс), и по знанию родного

Фото 2. С.Н. Харючи и делегаты XII Съезда коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Салехард, 2013 г.

языка (в местах традиционного расселения им владеют 75% ненцев), и по демографическим индексам (особенно высока репродуктивность ненцев-кочевников) [6, с. 9]. Исследователь-этнограф из Югры М.А. Лапина, определяя политику в отношении коренных народов Севера на Ямале как более стабильную, чем в Югре, назвала два главных основания ямальского успеха: «олени и Харючи» (мощь тундрового оленеводства и успешная деятельность ненецкого лидера).

Сегодня можно говорить о «школе Харючи» — школе лидерства, дипломатии и этнополитики. Преемником Харючи на посту председателя Законодательного собрания ЯНАО с сентября 2015 г. стал ненец Сергей Ямкин, а «патриарх» ныне выступает в роли наставника нового спикера. На VII съезде коренных малочисленных народов Севера (27–30 марта 2013 г.) новым президентом Ассоциации избран ненец Григорий Ледков, член Комитета Государственной думы РФ по делам национальностей и депутат Думы ЯНАО, а экс-президент Сергей Харючи возглавил Совет старейшин Ассоциации.

Нагайбаки: проект этностроительства Алексея Маметьева

Обычно в этноистории традиционного толка отмечаются исходные «компоненты» складывающихся народов. В случае с нагайбаками мы имеем исторические свидетельства, которые переводят этноисторию в русло проекта, поскольку открывают реальную ситуацию и действующих лиц «этногенеза».

Нагайбакская крепость во второй половине XVIII в. сыграла роль сборного пункта и центра крещения «инородцев» и чужеземцев (беглых пленников), принимавшихся на поселение или казачью службу на степной границе Российской империи. Новокрещены-выходцы из Нагайбакской крепости (будущие нагайбаки) изначально были людьми разного происхождения (татарами, башкирами, черемисами, чувашами, арабами, персами, киргизами), но сходной судьбы.

При переселении нагайбаков с башкирских земель на Новую линию в 1842 г. они уже представляли собой общность по службе и религии, которая, однако, была подвержена ситуативному внешнему влиянию. Осознание себя отдельным сообществом у нагайбаков родилось во многом благодаря деятельности миссионеров, которые поддерживали у них и подпитывали чувство самобытности. В советское время нагайбаки не числились отдельным народом, и их записывали татарами. Не исключено, что такое именование произвело «эффект от противного» — всплеск нагайбакского этнического движения в середине 1980-х гг.

Появление современных нагайбакских этнопроектов связано с деятельностью Алексея Михайловича Маметьева (фото 3) в 1980–1990-е гг. Он родился в 1923 г. в селе Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области. В 17 лет начал службу шифровальщиком в Красной Армии и основную часть жизни посвятил военной службе за пределами родины. В 1960–1970-е гг. Маметьев работал в партийной организации Магнитогорска и родного села Фершампенуаз, после чего вышел на пенсию. А.М. Маметьеву было почти 60 лет, когда он занялся делом нагайбакского этнического возрождения. Он начал с реализации своей давней мечты — с создания первого музея в Нагайбакском районе (фото 4). 6 мая 1985 г. в Фершампенуазе музей был открыт, и эту дату можно назвать стартовой точкой возрождения нагайбакской этничности [7, с. 52–53].

Фото 3. Алексей Михайлович Маметьев. 1980-е гг.

Фото 4. А.М. Маметьев проводит экскурсию в музее. Село Фершампенуаз (Нагайбакский р-н, Челябинская обл.), 1990-е гг.

Самым важным проектом для нагайбаков стало приобретение ими статуса отдельного народа. Благодаря переписке Маметьева с председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишановым и директором Института этнологии и антропологии АН СССР В.А. Тишковым, в июне 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял закон «Основы законодательства РФ о правовом статусе коренных малочисленных народов», в перечне которых значились и нагайбаки. Первым делом нагайбаки

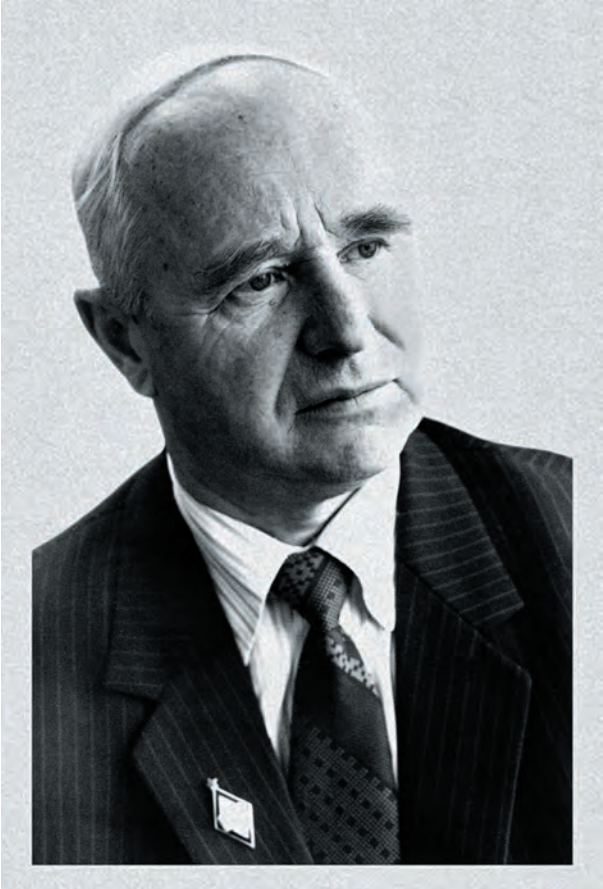


Фото 5. Иван Иванович Кроневальд, активист национального движения советских немцев. 1980-е гг.

начали менять паспорта, где в графе «национальность» значилось «нагайбак». Это время можно назвать этноэйфорией: в самосознании людей появилось новое для них чувство собственной этнической значимости [8, с. 22].

Деятельность нагайбакского лидера Алексея Михайловича Маметьева стала основой продвижения нагайбакской этничности и включения этого народа в число коренных малочисленных народов. Импульс, заданный Маметьевым, поддерживает развитие нагайбакской культуры: сегодня опорными проектами нагайбакской этничности являются музеи и фольклорные коллективы. Музеи созданы с ориентацией на самих нагайбаков: в них совершают обряды, исполняют народные песни, устраивают праздники, на которые собираются, чтобы «почувствовать себя нагайбаком». Благодаря персональной и групповой стратегиям этничность нагайбаков сегодня выглядит «не рудиментом традиции, а постоянно генерируемым явлением» [9. с. 40].

Немцы: нереализованный проект Ивана Кроневальда

Указ 1964 г. о частичной реабилитации депортированных советских немцев стал толчком к национальному движению за восстановление утраченной автономии на Волге и за возвращение этнического достоинства советских/российских немцев. Одним из лидеров этого движения был Иван Иванович Кроневальд (фото 5). Он родился в 1919 г. в Саратове, в 1941 г. был депортирован в Казахстан, а затем мобилизован в трудармию на Урал, в Тагиллаг.

После отмены режима комендатуры в 1956 г. И.И. Кроневальд занялся научной и общественной работой: защитил кандидатскую диссертацию, включился в общественное движение советских немцев. Его считали «патриархом» движения, одним из его основателей и руководителей.

При содействии И.И. Кроневальда было организовано пять делегаций в Кремль в 1964–1988 гг. (фото 6). Цель делегаций — встреча с руководством страны для обсуждения вопроса восстановления немецкой автономии.

Одним из итогов деятельности делегаций стало создание всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» («*Wiedergeburt*»). Главной его задачей была полная реабилитация советских немцев и восстановление их равноправия через воссоздание Немецкой автономной республики. Пик активности общества пришёлся на 1989–1993 гг. В это время создавались региональные отделения общества. Кроневальд инициировал создание общества «Возрождение» и молодёжного клуба «*Zukunft*» («Будущее) в Нижнем Тагиле [10, с. 98].

Кроневальд предлагал концепцию национального самоуправления немцев СССР. Оно должно было представлять

Фото 6. Первая делегация советских немцев в Кремль. Москва, 1965 г.

собой единую систему национальных Советов, их исполнительных органов и представительств всех уровней, олицетворяющих национальный суверенитет и стремление к национальной государственности немцев. Им двигало стремление сплотить советских немцев как отдельную этническую группу со своими традициями, территорией и языком, которые они унаследовали от немцев екатерининского периода. В своих научных и публицистических работах Кроневальд доказывал, что советские немцы имеют все «признаки нации» (общность территории, экономики, языка, национального сознания и национального характера). По его оценке, в конце 1970-х гг. в основном завершилось формирование национальной общности советских немцев, т.е. исчезло их деление на волжских, крымских, украинских, сибирских, кавказских и т.д. Сложность идентичности советских немцев заключалась в том, что каждый из них по национальности считал себя немцем, а по гражданству — советским [10, с. 97].

В августе 1990 г. состоялась III Конференция всесоюзного общества «Возрождение», на которой его руководитель Г. Гроут предложил ультимативное решение «немецкого вопроса»: если партийное руководство не примет постановления о возрождении Немецкой республики, то советские немцы реэмигрируют в ФРГ. Положительного ответа от руководства страны не последовало, и немецкое движение резко развернулось от идеи общности советских/российских немцев к идее эмиграции.

В 1993 г. Кроневальд попросил освободить его от полномочий делегата Съезда немцев, сославшись на тяжёлую болезнь жены. Он всё меньше участвовал в общественной деятельности, посвятив себя научным штудиям. В 1995 г. И.И. Кроневальд умер. С его уходом мечта о восстановлении немецкой автономии на Волге уступила место «линии Гроута» на эмиграцию российских немцев. Общество «Возрождение» прекратило своё существование, поскольку его активисты эмигрировали в Германию.

Наследие Ивана Кроневальда сохранилось в его научных работах и общественных инициативах, которые трансформировались в этнокультурные проекты (создание культурных центров, языковых курсов, организация этнолингвистических лагерей и народных коллективов).

* * *

Демократические преобразования в России конца 1980-х — начала 1990-х гг. вызвали небывалый всплеск этнического самосознания. В последующих за этим диалогах этнических сообществ и власти на региональных уровнях выявились разнообразие и сложность сценариев этнокультурного и этнополитического развития разных субъектов РФ. Этнические элиты и их лидеры были вынуждены предпринимать активные шаги в целях упрочения своих позиций и сохранения этничности. Рассмотренные примеры показывают различные траектории этнополитических проектов: в одном случае проект вызвал позиционирование «успешного народа» (ненцы), в другом — оформление нового статуса народа (нагайбаки), в третьем — мы наблюдаем закат этнопроекта и его замещение альтернативным (немцы). Во всех случаях решающую роль сыграла персональная позиция лидеров. Представленные персонажи в какой-то мере посвятили себя своему народу, в какой-то — самореализовались на поле этничности, дополнив и оживив её своими инициативами. Их по праву можно назвать носителями стратегий, главными модераторами и акторами межэтнических и этнополитических отношений. Несмотря на разные мотивации и цели, этнические лидеры С.Н. Харючи, А.М. Маметьев, И.И. Кроневальд выступили строителями (архитекторами) этнической идентичности, а их этнополитические проекты задали вектор культурного развития ненцев, нагайбаков и немцев Урала и Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головнёв А.В., Белобородов С.А., Перевалова Е.В. Этноэкспедиция—2011» // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 131–135; Этноэкспедиция «Урал—2012» / Белоруссова С.Ю., Калугина М.С., Курлаев А.Е., Палкин А.С. // Там же. 2012. № 4 (37). С. 138–143; Абрамов И.В., Киссер Т.С., Печняк В.А. Этноэкспедиция «Урал–2013» // Там же. 2013. № 4 (41). С. 145–149; Этноэкспедиция «Урал–2014» / Шкерин В.А., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. // Там же. 2014. № 4 (45). С. 132–137.
2. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity. A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton (New Jersey), 1999.
3. Головнёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
4. Головнёв А.В. Крупный план в антропологии // Там же. 2010. № 4 (29). С. 14–20.
5. Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской этноэкспедиции) // Там же. 2016. № 4 (53). С. 142–148.
6. Головнёв А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
7. Белоруссова С.Ю. Современные этнопроекты нагайбаков // Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона. Актуальные вопросы и перспективы изучения: Материалы научно-практических конференций, посвящённых 180-летию со дня рождения религиозного просветителя В.Т. Тимофеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2016. С. 51–59.
8. Белоруссова С.Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 24 (379). С. 17–24.
9. Головнёв А.В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 40–49.
10. Киссер Т.С. Иван Кроневальд и национальное движение советских немцев // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2016. № 4 (35). С. 95–103.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Ю.А. ПЕТРОВ, С.В. ЖУРАВЛЁВ, Д.Б. ПАВЛОВ*

Международная научная конференция «Великая российская революция: сто лет изучения» (Москва, 9–10 октября 2017 г.)**

Институт российской истории РАН совместно с Российским историческим обществом (РИО), Федеральным архивным агентством и Государственным историческим музеем (ГИМ) провёл международную научную конференцию «Великая российская революция: сто лет изучения». Конференция была организована и проведена при поддержке РФФИ, фонда «История Отечества» и российско-итальянского Форума-диалога по линии гражданских обществ.

Конференцию открыл председатель РИО С.Е. Нарышкин (фото 1). В адрес организаторов поступило приветственное обращение к участникам заместителя руководителя Администрации Президента РФ М.М. Магомедова. С приветственными словами выступили руководитель Росархива А.Н. Артизов, директор ГИМ А.К. Левыкин, вице-президент РАН академик Н.А. Макаров, ректор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ академик А.В. Торкунов, президент Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова академик С.П. Карпов, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) академик А.О. Чубарьян, заместитель председателя Совета РФФИ В.Н. Фридлянов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Финляндии в России М. Хаутала, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербии в Российской Федерации д-р С. Терзич и др.

В своём выступлении председатель РИО указал на совершенно особое место, которое русская революция 1917 г. занимает среди глобальных событий XX в., рассмотрев её как «тектонический сдвиг в судьбах и России, и многих стран мира». С.Е. Нарышкин отметил роль ИРИ РАН как одного из ведущих интеллектуальных центров, занятого глубоким осмыслением при-

* **Петров Юрий Александрович** — доктор исторических наук, директор Института российской истории (ИРИ) РАН, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: director_iriran@mail.ru

Журавлёв Сергей Владимирович — доктор исторических наук, заместитель директора ИРИ РАН, руководитель Центра изучения новейшей истории России и политологии, член Оргкомитета конференции.
E-mail: svzhuravlev@mail.ru

Павлов Дмитрий Борисович — доктор исторических наук, заместитель директора ИРИ РАН, начальник Отдела внешних и общественных связей, руководитель Центра «Россия в международных отношениях», член Оргкомитета конференции.
E-mail: dpavlov2003@mail.ru

Фото 1. На трибуне председатель РИО С.Е. Нарышкин, в президиуме (слева направо) директор ИРИ РАН Ю.А. Петров, руководитель Росархива А.Н. Артизов, директор Государственного исторического музея А.К. Левыкин

чин, значения и уроков Великой российской революции.

С докладами на пленарном заседании выступили директор ИРИ РАН д.и.н., проф. Ю.А. Петров, г.н.с. ИРИ РАН д.и.н. В.П. Булдаков, д.и.н., проф. А.П. Ненароков (Россия), проф. А.Е. Рабинович (США), проф. Х. Вада (Япония) и д.и.н., проф., главный редактор журнала «Российская история» Р.Г. Пихоя.

В рамках девяти секций конференции было заслушано свыше 150 докладов отечественных и зарубежных специалистов по различным аспектам российской революции 1917 г., представителей стран дальнего (Великобритания, Германия, Италия, Канада, Китай, Польша, Республика Корея, США, Финляндия, Франция, Швейцария, Япония) и ближнего (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Литва, Узбекистан, Украина, Эстония) зарубежья. Основное внимание докладчики уделили историографическому осмыслению событий столетней давности, выяснению перспектив их дальнейшего исследования. Участники конференции рассматривали Великую российскую революцию в качестве определяющего фактора политической, социальной, экономической и духовной жизни страны, её влияние на распад единого Российского государства и изменение международного статуса страны. Важным элементом состоявшихся дискуссий стала тема воздействия Великой российской революции на мировое развитие в XX в.

Первая секция была посвящена анализу роли экономического фактора в революции. К.и.н. А.М. Маркевич (Москва) представил новые подсчёты спада внутреннего валового продукта России и других воюющих стран за годы мировой войны, выяснив, что спад ВВП на душу населения до февраля 1917 г. в России не превышал аналогичных показателей стран-противников. Менее оптимистичные оценки дал к.и.н. А.С. Грузинов (ИРИ РАН). Докладчик отметил, что спад промышленного производства в стране наметился ещё в 1916 г., и экономические процессы после Февраля 1917 г. во многом определялись условиями военной мобилизации.

Чл.-корр. РАН Л.И. Бородкин (Москва) отметил, что противоречивые оценки в современной историографии имеются и по вопросам экономического положения городского населения страны в 1914–1917 гг., подчеркнув, что статистические данные не дают картины поголовного обнищания населения, как это утвержда-

лось в советский период. Наблюдениями по вопросу объективных и субъективных предпосылок революции поделился д.и.н. С.В.Леонов (Москва). Чл.-корр. РАН А.А.Громыко (Москва) выступил по проблеме исторической памяти о революции в современном обществе, отметив, что причины революции кроются не столько в экономических факторах, сколько в политических и социальных особенностях российского социума начала XX в. Участники дискуссии сошлись во мнении, что тезис В.И.Ленина о «громадной пауперизации масс» как ключевом факторе революции ныне можно считать преодолённым.

К проблеме «крестьянство и революция» привлёк внимание д.и.н. В.В.Кондрашин (ИРИ РАН), подчеркнувший, что крестьянская война за землю охватила Россию уже летом 1917 г., причём в отличие от революции 1905 г. крестьяне не ограничивались изгнанием помещиков из усадеб, а физически истребляли их. В процессе раздела помещичьей земли пострадали и так называемые столыпинские крестьяне, укрепившие свои участки в собственность. В ходе «общинной революции» 1918 г. произошли возврат к прежним порядкам землепользования и фактическая ликвидация столыпинских аграрных преобразований.

Новый взгляд на проблему «революция и финансы» представили д.и.н. П.В.Лизунов (Архангельск), рассмотревший влияние революции на положение фондовой биржи и рынка ценных бумаг; д.и.н. С.К.Лебедев (Санкт-Петербург), представивший данные о национализации банков после революции и их частичной «реприватизации» на территориях, занятых белыми армиями, а также к.и.н. Ю.П.Голицын (Москва), который поставил вопрос о разделе финансовой системы бывшей Российской империи в контекст переговоров о Берлинском финансовом соглашении, заключённом как дополнение к Брестскому мирному договору советской Россией с Германий в августе 1918 г.

Завершил работу секции доклад д.и.н. Г.Н.Ульяновой (ИРИ РАН) о московской Прохоровской Трёхгорной мануфактуре в период революции. Используя новые данные из архива предприятия, докладчик представила детальную картину экономической и социальной трансформации «Трёхгорки», в которой отразились многие общие процессы революционной эпохи. Доклад Ульяновой показал перспективность микроуровневого исследования, способного существенно скорректировать привычные представления о событиях столетней давности.

Во второй секции обсуждались проблемы государственно-политической истории революции и, шире, — всей революционной эпохи. В общей сложности были заслушаны 17 докладов, с которыми выступили учёные из России, США, Великобритании, Германии. Обсуждались события революции не только в Петрограде, но и на Донбассе (д.и.н. А.С.Сенин, Москва), в Крыму (В.Г.Зарубин, Симферополь), в российской глубинке (к.и.н. А.В.Мамаев, ИРИ РАН). Выступавшие были единодушны в трактовке Великой российской революции как единого процесса от Февраля к Октябрю с завершением революционной эпохи событиями Гражданской войны.

Основываясь на своих сюжетах, докладчики стремились сформулировать проблемы революционной истории, которые остаются малоизученными или дискуссионными. К таковым были отнесены вопросы о причинах поддержки Февраля неожиданно широким спектром политических, национальных, конфессиональных и социальных сил; взаимоотношения центров власти в лице Временного правительства, Петросовета и органов городского самоуправления; соотношение в деятельности Временного правительства революционных и реформистских начал; механизмы управления страной в условиях революции; противоборство умеренного и радикального крыльев в партии большевиков.

В центре внимания докладчиков находился вопрос об альтернативах развития революции. Последние связывались преимущественно с реализацией лозунга однородного социалистического правительства, а также с более решительными шагами Временного правительства, направленными на выход России из войны. Участники дискуссии обращали внимание на то, что без «подпорки» в лице Петросовета, роль которого в современной историографии занижена, Временное правительство было бы ещё слабее, и что к осени 1917 г. демократия, обернувшись нарастанием экономического и политического хаоса и распадом страны, во многом дискредитировала себя. На этом фоне всё отчётливее ощущалась потребность в «твёрдой руке». Вопрос был лишь в том, какая грядет диктатура — военная, партийная или иная.

Участники третьей секции заслушали 12 докладов, посвящённых различным аспектам деятельности общероссийских и национальных политических партий, общественных организаций, а также оценкам революции 1917 г. представителями общественно-политических движений — от монархистов до левых радикалов. Докладчики обращали внимание на достигнутый в постсоветские годы прогресс в деле выявления и публикации документов российских политических партий. Вместе с тем отмечалась необходимость активизации работы по введению в научный оборот документов и материалов местных партийных организаций, что позволило бы создать единое полотно генезиса и эволюции общероссийских партий, выяснить специфику их региональной деятельности.

Основное внимание было обращено на функционирование существовавших и вновь возникавших в 1917 г. политических партий — как общероссийских, так и национальных. Д.и.н. А.А. Иванов (Санкт-Петербург) проследил уход с политической арены консервативных партий, который представлял собой сложный и далеко не одномоментный процесс. В докладе к.и.н. Н.Б. Хайловой (ИРИ РАН) были рассмотрены изменения в либеральном партийном спектре, лидеры которого пытались переформатировать свои партийные структуры вместе с коррекцией прежних программных и тактических установок. Перестройку провинциальной партийной деятельности на материалах Западной Сибири проследил д.и.н. В.Г. Кокоулин (Новосибирск). Сложные и противоречивые процессы были характерны для политических партий в национальных регионах. Д.и.н. В.Ф. Солдатенко (Украина) выступил с оригинальной классификацией украинских политических партий. Большой интерес вызвали его наблюдения относительно взаимодействия, с одной стороны, общероссийских центров партий с их региональными структурами, а с другой — между общероссийскими и собственно украинскими партиями. Доклад профессора А.И. Скшипека (Польша) был посвящен польским политическим организациям в России в марте 1917 – феврале 1918 г. К деятельности профессиональных общественных организаций обратилась д.и.н. А.С. Туманова (Москва). В ходе дискуссии по её докладу была затронута проблема зрелости гражданского общества в России накануне революционных событий 1917 г.

Большое внимание было уделено дискуссионной проблеме альтернативности революционного процесса 1917–1922 гг. Эта тема нашла отражение в докладах д.и.н. К.Н. Морозова и д.и.н. А.В. Шубина (оба — Москва). В той же логике находился доклад д.и.н. В.В. Шелохаева (ИРИ РАН), который показал, что либералы и умеренные социалисты, сходясь в оценке Февраля как революции «общенародной» и «демократической», сотрудничали в рамках властных и общественных институтов, видя свою главную цель в мобилизации «живых сил страны» для мирного осуществления демократических преобразований. До осени 1917 г. такой курс представлял собой реальную мирную альтер-

нативу революционного процесса в России. Высказанная автором доклада идея об отсутствии до этого времени «двоевластия» была поддержана участниками последовавшей дискуссии.

Ряд докладов был посвящён отдельным крупным историческим персонажам: социал-демократу А.А. Богданову (к.и.н. А.Ю. Морозова, ИРИ РАН), либералам П.Б. Струве (к.и.н. С.В. Беспалов, Москва) и А.И. Гучкову (д.и.н. В.И. Козодой, Новосибирск).

В работе четвёртой секции «Революция и национальные движения» приняли участие представители семи государств. Проф. Р.А. Циунчук (Казань) анализировал деятельность депутатов Государственной думы в национальных правительствах в революционные годы. В других докладах была рассмотрена ситуация, сложившаяся в национальных регионах бывшей Российской империи: в Белоруссии (д.и.н. О.Г. Буховец) и на Украине (к.и.н. К.С. Дроздов), в Финляндии (проф. Т. Вихавайнен), Польше (проф. Х. Граля) и странах Балтии (д.и.н. А.Ю. Бахтурина, проф. К. Брюггеманн и проф. А.В. Касперавичус), на Северном Кавказе (д.и.н. Н.И. Суханова и к.и.н. О.А. Жанситов) и в Центральной Азии (д.и.н. Ш.Д. Батырбаева и д.и.н. Д.А. Аманжолова). Доклады сотрудников ИРИ РАН к.и.н. А.Е. Локшина и д.и.н. С.М. Исхакова были посвящены еврейскому и мусульманскому движениям на всем постимперском пространстве.

Выступавшие пришли к выводу, что Великая российская революция вызвала подъём национальных движений, обусловленный тягой народов к свободе и самоопределению. На этапе демократических преобразований эти настроения выразились в требованиях национально-территориальной или культурно-национальной автономии в составе единого российского государства. Однако приход к власти большевиков с последующим разгоном Учредительного собрания в корне изменил их стремления: в новых условиях национальные окраины выступили с требованием независимости. В конечном счёте, как отмечалось в докладах, благодаря русской революции народы этих территорий смогли в той или иной степени обрести свою государственность.

В центре внимания участников пятой секции находились три проблемно-тематических блока: формирование образа революции 1917 г.; революция и церковь и институты культуры и революция. Формат «круглого стола», в котором работала секция, способствовал заинтересованной дискуссии по всем обсуждавшимся вопросам.

Докладчики пытались осмыслить события 1917 г. как глобальный модернизационный вызов (к.и.н. А.В. Голубев, ИРИ РАН), опираясь, в том числе на современную событиям публицистику (д.и.н. В.В. Журавлёв, Москва). Сложный комплекс проблем, связанных с развитием этнокультурных процессов, предложила к обсуждению д.и.н. Т.Ю. Красовицкая (ИРИ РАН). Традиционное направление исследований «Интеллигенция и революция» получило свежее прочтение в докладах д.и.н. Ю.В. Аксютина (Москва), д.и.н. В.Г. Вовиной-Лебедевой (Санкт-Петербург) и проф. Н. Катцера (Германия). Образы врагов революции — «тёмных сил» — через их визуальные репрезентации (карикатуры) в сатирических журналах 1917–1918 гг. представила к.и.н. Т.А. Филиппова (ИРИ РАН). Конструирование имиджа революции 1917 г. в советском игровом кино как государственного проекта, его динамика на протяжении советской истории стали темой доклада д.и.н. Е.Ю. Зубковой (ИРИ РАН).

Вопросы вовлечённости в революцию различных институтов культуры, их трансформации в ходе революционных событий, консолидации/размежевания и конфликтов внутри профессиональных сообществ рассматривали д.и.н. А.Е. Иванов (ИРИ РАН) и М.П. Лепехин (Санкт-Петербург). Оживлённую дискуссию вызвали проблемы, связанные с переменами во взаимоотношениях го-

сударства с институтом Церкви, духовенством и мирянами. Д.и.н. Т.Г. Леонтьева (Тверь), проф. А. Роккуччи (Италия), д.и.н В.В. Керов (Москва), тематизировавшие эту проблему в разных аспектах — от традиционного прихода до старообрядчества — выделяли Февраль и Октябрь в качестве рубежных вех реформирования церкви, обозначили пределы этих возможностей.

На шестой секции планировалось обсудить проблемы культурной антропологии революции, однако значительное внимание её участников привлекли и вопросы, пока не получившие достаточного освещения в историографии. Проф. Ш. Мерль (Германия) исследовал динамику крестьянского хозяйствования в предреволюционное, революционное и постреволюционное время; д.и.н. Н.А. Иванова (ИРИ РАН) показала особенности социально-стратификационных подвижек революционного времени и их влияние на поведение масс. Значительный интерес вызвал доклад д-ра К. Шайде (Швейцария), которая попыталась выяснить, что конкретно принесла революция русским женщинам — работницам и крестьянкам.

Подавляющая часть докладов касалась локальных сюжетов, позволяющих выявить нюансы поведения масс. Д.и.н. А.Н. Егоров (Череповец) представил динамику массовых настроений российской глубинки в предреволюционную эпоху; к.и.н. В.Н. Суряев (Беларусь) рассмотрел особенности восприятия Февраля различными категориями русского офицерства; к.и.н А.Б. Асташов (Москва) проанализировал взаимоотношения солдат и рабочих на заводах военного ведомства; д.и.н. А.В. Венков (Ростов-на-Дону) остановился на психологии различных групп казачества в предреволюционное и революционное время.

Особый интерес вызвал доклад к.и.н. В.Б. Аксёнова (ИРИ РАН) о «революционных психозах», их динамике и связи с клиническими расстройствами. К.и.н. О.Г. Пуговкина (Узбекистан) показала специфические черты борьбы с «прислужниками старого режима» в Туркестане, обусловленные его географической удалённостью и сложным этническим составом населения. Положение «бывших людей» в постреволюционной России в целом проанализировала д.и.н. Т.М. Смирнова (ИРИ РАН). Доклад д.и.н. С.Н. Базанова (ИРИ РАН) был посвящён демобилизации русской армии.

Участники дискуссий пришли к заключению, что чаяния масс в предреволюционное, революционное и постреволюционное время диктовались, с одной стороны, их стремлением к справедливости в традиционалистском понимании, с другой — стратегиями и практиками социального выживания, в которых также преобладали архаичные навыки и представления.

Сквозной темой докладов, представленных на седьмой секции, стало восприятие российской революции за рубежом и её воздействие на общественные настроения и внутриполитические процессы в государствах Запада и Востока и их отдельных социумах. Сотрудники Института всеобщей истории РАН д.и.н. Е.Ю. Сергеев и д.и.н. С.В. Листиков посвятили свои выступления восприятию Февраля и Октября 1917 г. правительственными кругами и общественностью Великобритании и США; д.и.н. Е.Г. Кострикова (ИРИ РАН) рассмотрела влияние революции на положение русского военного контингента на Салоникском фронте. Профессор Абердинского университета П. Дьюкс (Великобритания) рассказал об энтузиазме, с которым свержение царизма было встречено в Шотландии.

Материалы, представленные этими и другими докладчиками, показали, что алгоритм восприятия и оценок различных этапов Великой российской революции на Западе и Востоке существенно различался. Российский Февраль, сдержанно встреченный на Востоке, на Западе вызвал эйфорические ожидания скорого торжества демократии в республиканской России. В свою очередь, Октябрь,

с тревогой воспринятый широкой западной общественностью, дал мощный импульс к появлению и развитию коммунистического движения в полу- или колониальных странах Востока: по словам проф. Ван Гуйсян (Китай), «Октябрьская революция послала Китаю марксизм-ленинизм». В подвластную Японии Корею, по сведениям проф. Г.-Х. Мина (Республика Корея), идеи русской революции проникли через корейских студентов в Японии и вскоре привели к появлению национальной компартии. Проф. Чжан Цзяньхуа (Китай) проследил, как участие в Гражданской войне на стороне Красной Армии 60 тысяч китайских рабочих-«интернационалистов» способствовало складыванию позитивного образа Китая в советской России.

В историографическом и сравнительно-историческом аспекте революционные события конца XVIII в. во Франции и 1917 г. в России рассмотрели д.и.н. А.В. Семёнова (ИРИ РАН) и проф. Т.С. Кондратьева (Франция). Д.и.н. Н.Е. Быстрова (ИРИ РАН) охарактеризовала положение послеоктябрьской России на международной арене. Профессор университета Хельсинки К. Рентола сосредоточился на финской историографии российского Октября. Итальянский исследователь проф. Дж.-П. Казелли коренную причину русской революции усмотрел в первой глобализации 1870–1914 гг. Проф. А. Босяцки (Польша) выступил с обстоятельным обзором политико-правовых особенностей раннего большевизма и их влияния на государственное устройство стран будущей «народной демократии».

Докладчики восьмой секции рассмотрели проблемы историографии Великой российской революции и исторической памяти о ней. Проф. Д. Вулф (Япония) и проф. Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе (Канада) рассказали о реализуемом ныне международным коллективом исследователей многотомном проекте «Россия в великой войне и революции» (первые тома этого 22-томного издания уже вышли в свет в США). Китайская исследовательница Хуан Лифу представила периодизацию китайской историографии Октября за прошедшее столетие, охарактеризовав её начальный период (1917–1949 гг.) как «поиск путей национального спасения посредством социализма». Особое место в трудах современных китайских историков, отметила проф. Хуан, занимает вопрос о причинах распада СССР.

Национальные историографии Великой российской революции проанализировали д.и.н. И.Я. Гилязов (Казань), д.и.н. С. Алиева и д.и.н. И. Багирова (обе — Азербайджан), д.и.н. З.Г. Сактаганова (Казахстан) и к.и.н. Н.В. Усманов (Уфа). Состояние советской исторической науки на различных этапах её развития рассмотрели д.и.н. Л.А. Сидорова и к.и.н. В.В. Тихонов (оба — ИРИ РАН) и д.и.н. А.В. Сидоров (Москва). Д.и.н. В.П. Любин (Москва) выступил с обзором итальянской историографии российской революции, а д.и.н. В.И. Мусаев (Санкт-Петербург) — финляндско-прибалтийской. К проблемам исторической памяти революционных событиях в России обратились польский исследователь проф. А. Косески, москвичи к.и.н. П.П. Марченя и к.и.н. А.А. Талызина, а также профессор Кембриджского университета Я. Хоулетт.

На заседаниях девятой секции «Революция 1917 г. в собраниях и коллекциях музеев и библиотек», были заслушаны и обсуждены 19 докладов, авторами которых в основном выступили сотрудники музеев обеих столиц. Докладчики проследили эволюцию подходов к оценке и интерпретации революционных событий 1917–1922 гг. в современной музейной экспозиции (С.Л. Спиридонов, Санкт-Петербург), проанализировали состояние фондовых коллекций, результаты их идеологических чисток, показали научный и выставочный потенциал ведущих московских и петербургских музеев, в том числе Государственного музея политической истории России (А.Г. Калмыков, А.А. Бойко, И.П. Петухов, все — Санкт-Петербург).

Фото 2. Выставка книг к 100-летию революции, изданных при поддержке РФФИ

Сотрудники Отдела письменных источников (ОПИ) московского Исторического музея И.В. Белозерова, к.и.н. Е.В. Неберекутина, Н.К. Миско, А.И. Свинаренко, Е.Е. Николаева, А.В. Лялин, к.и.н. М.В. Катагощина, опираясь на богатейшую документальную коллекцию ГИМ, на основе дневников видных учёных В.А. Городцова, М.М. Богословского, Ю.В. Арсеньева, коллекционера и мецената барона Ж. де Бая проследили драматизм и жестокость многосложного процесса становления советской власти. Доклады И.Г. Шевелева, Т.А. Цапина, А.Г. Юшко были основаны на дневниках участников Первой мировой войны, также хранящихся в ОПИ ГИМ. С другого ракурса события 1917 г. в России были рассмотрены в докладах д.и.н. Ф.А. Петрова, А.А. Петрова (оба — ГИМ) и к.и.н. В.В. Пономарёвой (Москва), соответственно посвящённых первому премьер-министру послефевральской России князю Г.Е. Львову и его семье, епископу Камчатскому Нестору, Московскому институту благородных девиц.

В совместном докладе московских архивистов д.и.н. М.В. Зеленова и к.и.н. Н.Ю. Пивоварова были рассмотрены структура, функции и штат аппарата ЦК РСДРП(б)/РКП(б) с осени 1917 г. до весны 1922 г. К проблеме формирования советской историко-партийной наукой концепции революции 1917 г. обратилась сотрудница РГАСПИ к.и.н. О.А. Шашкова. Д.и.н., проф. А.А. Чернобаев (Москва) выступил с обзором документальных публикаций по тематике 1917 г., вышедших в журнале «Исторический архив» за последние четверть века.

Участникам и гостям конференции была представлена выставка книг к 100-летию революции, изданных при поддержке РФФИ (фото 2).

По завершении конференции состоялась презентация двухтомной коллективной монографии под редакцией Ю.А. Петрова «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» (М.: РОССПЭН, 2017), подготовленной к печати и опубликованной при поддержке РФФИ (проект 15-31-12025) и фонда «История Отечества».

Материалы конференции будут опубликованы в виде сборника статей.

В.А. ИСУПОВ,
М.А. СЕМЁНОВ*

Международный научный семинар «Исторические и современные тренды смертности и заболеваемости» (Новосибирск, 19–21 июля 2017 г.)**

Историческая демография — сравнительно молодое направление исторической науки, занимающееся изучением демографических процессов в ретроспективе. Процессы воспроизводства и миграции населения оказывали и оказывают значительное, а подчас и определяющее, влияние на все сферы жизни общества: социальную, экономическую, политическую и т.д. В современных условиях проблемы, связанные с демографией, приобретают поистине глобальное значение: взрывной рост населения развивающихся стран, проблемы депопуляции на территории Европы и Российской Федерации требуют научного осмысления, выявления стоящих за ними движущих сил.

Одной из ключевых проблем исторической демографии, как и демографии в целом, является построение объяснительных моделей и выявление тенденций смертности населения. В свою очередь, изучение смертности невозможно представить в отрыве от исследования заболеваемости населения — важнейшего фактора, обусловливающего динамику смертности.

Участники Международного научного семинара обсудили актуальные проблемы смертности в контексте мировых трендов. В семинаре приняли участие учёные из 16 стран, представлявшие научные институты и кафедры России, Израиля, США, Индии, Австралии, Турции, Венгрии, Польши, Германии, Казахстана и других стран в области демографии, экономики, истории, медицинских наук, социологии, математики.

Семинар открылся выступлением директора Института истории СО РАН, чл.-корр. РАН В.А.Ламина (фото 1), подчеркнувшего важность международного сотрудничества для успешного развития науки, актуальность изучаемых исторической демографией проблем. Ректор Новосибирского государственного университета, чл.-корр. РАН М.П.Федорук обратился к участникам форума с приветственным словом.

С большим докладом на пленарном заседании выступил Йон Ансон, профессор Университета Бен Гуриона (Израиль) (фото 2). Он подвёл итоги изучения трансформации смертности, выявив такие мировые тенденции, как резкое сокращение смертности в молодых возра-

* **Исупов Владимир Анатольевич** — доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, член Оргкомитета Международного научного семинара.
E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Семёнов Михаил Александрович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН, учёный секретарь Оргкомитета Международного научного семинара.
E-mail: pihterek@yandex.ru

** Проект 17-01-14069г.

Фото 1. Открытие семинара. Выступление чл.-корр. РАН В.А. Ламина

стах в результате так называемого первого демографического перехода, эффективную в ряде развитых стран борьбу за снижение смертности в зрелом возрасте и практически полное отсутствие снижения смертности у лиц в возрасте свыше 80 лет.

Дальнейшая работа семинара проходила в двух секциях, позволявших представлять доклады на английском и русском языках. Значительная часть выступлений была посвящена эволюции структуры смертности. Докладчики стремились выявить основные тенденции изменения смертности, факторы, влияющие на неё в разные хронологические периоды, а также механизм их действия. Так, В.А. Зверев выступил с докладом о смертности в Сибири в конце XIX – начале XX в., В.А. Исупов — о смертности и заболеваемости населения России в первой половине XX в. Эволюцию смертности населения Западной Сибири в 1950–1970-х гг. проанализировал А.А. Бурматов. Зигфрид Гайер (Германия), проанализировав статистику заболеваемости инфарктом миокарда, выявил тенденцию её сокращения. А.А. Кудрявцев на основе ретроспективного анализа сделал вывод об изменении причин смертности в прошлом и на современном этапе.

Компаративистский подход к проблеме был широко представлен в ходе выступлений. К. Ковач (Венгрия) в докладе «Выравнивается ли продолжительность жизни в Европе? Возможности “клубного подхода”» показала наличие весьма существенных отличий в уровне смертности населения стран ЕС. Исследователи К. Зисис и Б. Деметриос (Греция) проанализировали распространённость сердечно-сосудистых болезней и рака в Греции, Европе, России и её эволюцию. Акцент на изучении неравномерности распределения показателей смертности на территории нашей страны сделал С.А. Тимонин в докладе «Компоненты межрегионального неравенства в смертности в России в 2013–2014 гг.». Сравнению детской смертности в городах Западной Сибири и ГДР посвятила свой доклад Н.С. Коробейникова.

Большое внимание исследователей привлекла и проблема корреляции смертности с социальной дифференциацией общества. Опираясь на эмпирические данные средней продолжительности жизни в 12 странах, А. Шульц (Польша) предложил инновационный подход к изучению неравенства смертности в различных подгруппах населения. Обратную зависимость уровня смертности от уровня жизни и образования на примере Турции продемонстрировали Д. Торун, И. Коч в докладе «Декомпозиция различий в уровне жизни в Турции:

1923–2013». К схожим выводам пришли в своём докладе «Различия в смертности, связанные с уровнем образования, в Венгрии» Л. Балинт и Л. Немеет (Венгрия, Германия). Вклад различных стратификационных аспектов — образования, доходов, социального статуса — в дифференциацию смертности рассматривали учёные из Италии Р. Хоффман, Х. Крегер и др.

Ряд докладов был посвящён исследованию материнской и детской смертности. Чешские исследователи Л. Фиалова, В. Мошова и др. проанализировали взаимосвязи детской смертности и репродуктивного поведения в Европе XVIII в. Б. Мукхопадхьяй (Индия) и П.А. Морури (ЮАР) также обратились к этой проблематике, остающейся актуальной для их стран.

Влияние на смертность принудительных мер трезвости в региональном разрезе проследили Ю. Григорьев и О. Баран из Новокузнецка. Исследователи показали влияние административных мер по ограничению продажи и потребления алкоголя на продолжительность жизни как всего населения, так и конкретных возрастов на примере городов Кемеровской и Томской областей. Л.Н. Славина всесторонне проанализировала смертность от внешних причин в восточносибирской деревне с конца 1950-х до начала 1990-х гг. Большое влияние на статистику смертности от внешних причин указали и исследователи ИЭОПП СО РАН С.В. Соболева и О.В. Чудаева (Новосибирск), проследившие заболеваемость населения Сибири на современном этапе.

Активно исследовались проблемы влияния на смертность миграционных процессов. В.Г. Семёнова и Т.П. Сабгайда в докладе «Вклад мигрантов в снижение продолжительности жизни населения российских мегаполисов» рассмотрели влияние миграционных потоков на показатели динамики смертности в крупных городах, привлекая эмпирические материалы по Москве. Вопросам поддержания здоровья в условиях активных миграционных потоков был посвящён доклад О. Дорелин и А. Болгрин (США).

Фото 2. Выступление Йона Ансона, профессора университета Бен-Гурион (Израиль)

В выступлениях Л. Смита (Австралия) и В.Н. Тугужековой получил освещение этнический аспект проблемы смертности.

В ходе обсуждения были отмечены общие тенденции демографического развития индустриального общества. Подчёркнута необходимость дальнейшего изучения проблемы, важность разработки новых подходов и методов анализа смертности. Участники семинара пришли к выводу, что фундаментальные исследования в области заболеваемости и смертности должны получить новый импульс для дальнейшего развития и в целях объединения усилий специалистов всех отраслей науки для поиска потенциала улучшения и продления жизни человека и человеческого общества в целом.

Международный семинар стал первым форумом в Сибири по данной тематике со столь обширным иностранным участием за весь постсоветский период. Материалам семинара будут посвящены ближайшие выпуски журнала «Гуманитарные науки в Сибири», что позволит познакомить с его итогами широкую общественность, как в России, так и за рубежом.

И.Э. КАБАНОВА*

Международная научная конференция «Русская интеллигенция и революция в литературе XX века. К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина» (Саратов, 10–12 октября 2017 г.)**

Международная научная конференция проведена Государственным музеем К.А. Федина совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Саратовским национальным исследовательским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского при поддержке РФФИ и Министерства культуры Саратовской области. Конференция является продолжением плодотворной традиции проведения научных собраний в музее совместно с крупнейшими академическими институтами и вузами страны. Участниками форума стали сотрудники музеев, архивов, библиотек, ведущие учёные России (Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска), а также Польши, США, Белоруссии и Швеции.

Конференция была посвящена комплексному исследованию проблемы «Интеллигенция и революция» в различных аспектах: интеллигенция как объект и субъект революции; социокультурная миссия интеллигенции в переломное время; интеллигенция и народ; интеллигенция и власть; мера исторической ответственности российской интеллигенции за революционные потрясения XX в.; формирование новых организационных форм существования культуры в революционный и постреволюционный периоды и др.

Торжественное открытие конференции состоялось в Саратовской областной универсальной научной библиотеке. К участникам и многочисленным гостям с приветственным словом обратились директор Государственного музея К.А.Федина Н.Ю. Щелканова, д.ф.н., чл.-корр. РАН, зав. отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ им. А.М. Горького РАН Н.В. Корниенко (фото 1), д.ф.н., проректор по учебно-методической работе, проф. СГУ Е.Г. Елина. Внук К.А. Федина, К.А. Роговин, передал аудиоприветствие от Нины Константиновны Фединой, дочери писателя. Было озвучено приветствие министра культуры Саратовской области Т.А. Гараниной.

Первое из двух пленарных заседаний открыла Н.В. Корниенко, которая в докладе «Блоковские “народ и интеллигенция” в романе первого советского десятилетия» всесторонне проанализировала высокий трагический

* **Кабанова Ирина Эриковна** — заместитель директора по научной работе Государственного музея К.А. Федина (Саратов), председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: ikabo@mail.ru

** Проект 17-04-14026г.

пафос Блока в постановке проблемы «народ и интеллигенция», а также сложные и разнообразные векторы его влияния не только на поэзию, но и на прозу 1920-х гг. (романы А. Платонова, М. Булгакова, К. Федина, Б. Пильняка, В. Зазубрина).

Литературно-критические и теоретико-литературные воззрения трёх крупнейших организаторов литературной жизни 1920-х гг. (Л. Троцкого, Вяч. Полонского, Г. Лелевича), безоговорочно разделявших большевистскую идеологию, но исповедовавших разные взгляды на специфику литературного процесса, настоящее и будущее литературы, рассмотрела Е.Г. Елина.

Свой взгляд на произведение Ф.Н. Ильина «Долина новой жизни» как послереволюционную антиутопию представил д.ф.н. В.В. Прозоров (СГУ), опираясь на материалы домашнего архива и собственные воспоминания.

Репрезентативный аналитический обзор высказываний критиков 1920-х гг. о романе К. Федина «Города и годы» предложила И.Э. Кабанова (зам. директора Государственного музея К.А. Федина). Она также проанализировала основные векторы расхождения оценки романа советской критикой и критикой русского зарубежья.

Пленарное заседание завершилось презентацией книги «Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 1» (М.: ИМЛИ РАН, 2016), созданной объединёнными усилиями научных сотрудников ИМЛИ и Государственного музея К.А. Федина, при участии учёных ИРЛИ РАН и СГУ. Ведущие презентации Н.В. Корниенко и И.Э. Кабанова подчеркнули, что книга, в которой впервые опубликован эпистолярий Федина и его знаменитых современников, уже стала библиографической редкостью, а также рассказали о работе над второй книгой.

Второе пленарное заседание (фото 2) открыл доклад д.ф.н. А.М. Грачёвой (ИРЛИ РАН) «“Революция или чай пить?” (историософская концепция книги А.М. Ремизова “Россия в письменах”)», посвящённый истории создания и бытования книги, при жизни писателя опубликованной на родине лишь частично. Анализ рассказов, составляющих единую композицию книги, показал, что для писателя главное — утверждение прав индивидуума перед утверждаемой революцией волей большинства, массы.

Фото 1. Приветственное слово д.ф.н., чл.-корр. РАН, зав. Отделом ИМЛИ им. А.М. Горького РАН Н.В. Корниенко

Содержание и смысл революции 1917 г. в контексте русской смеховой культуры, отражённой в поэтической рефлексии эпохи, рассмотрела д.ф.н. Н.О. Осипова (МосГУ). Празднично-карнавальная стихия разрушения и свободы, доминирующая в массовом сознании, получила художественное воплощение в двух векторах русской поэзии: восприятие революции в контексте футуристических идеалов и новой революционной поэзии или восприятие революции как «кровавого балагана», «пира во время чумы».

Д.ф.н. И.Ю. Иванюшина (СГУ) в докладе «“Другая” революция Владимира Маяковского» проанализировала специфику взглядов поэта на цели, перспективы и ход революционных изменений в России, показав истоки и смысл идеи «третьей революции духа».

Тему «интеллигенция и революция» в творческом сознании космистов 1920-х гг. раскрыла д.ф.н. А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН).

К.ф.н. Л.Е. Герасимова (СГУ) представила свой взгляд на жанровые возможности и границы современного романа, его

включённость в интертекстуальное поле отечественной литературы (на материале романов Л. Юзефовича, Е. Водолазкина, А. Варламова).

К истории неснятого фильма по литературному сценарию Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» обратилась к.ф.н. Е.А. Папкова (ИМЛИ РАН), показав, что отказ киностудии «Мосфильм» в 1963 г. был связан с усилением звучания в тексте роли «белой» интеллигенции в событиях революции и Гражданской войны, источником которой стали факты сибирской биографии писателя.

Конференция продолжила свою работу в Государственном музее К.А. Федина. Научная программа второго дня включала работу шести секций.

Первая секция «Осмысление темы интеллигенции и революции 1917 года в литературе XX века» представила широкий спектр анализируемых литературных источников и разнообразие исследовательских методологий.

П.Е. Фокин составил портрет читательской аудитории заветной книги В. Розанова «Апокалипсис нашего времени», основываясь на хранящемся в рукописном фонде Государственного литературного музея списке подписчиков на последнее философское сочинение писателя, создававшееся в условиях первых лет революции и отразившее духовное состояние мыслителя.

Развитие грибоедовских традиций рассмотрел Ю.Н. Борисов в докладе «Мотив свободы творчества в драматургическом интертексте М. Булгакова». В поле зрения Г.Н. Воронцовой находились персонажи романа А. Толстого «Хождение по мукам», которых можно отнести к разным типам интеллигентов в России начала XX в.: так называемой интеллигенщине (Н.А. Бердяев) и интеллигенции творческой.

М.Ю. Любимова предположила, что «Письмо в редакцию» Л. Троцкого и статья В. Ленина «О значении воинствующего материализма» послужили стимулом для размышлений Е. Замятина о «последней революции», для развития этой темы в романе «Мы» (1919–1922) и в литературно-критических статьях писателя. Эволюция взглядов М. Слонимского на тему «интеллигенция и революция», которая прошла через всё творчество писателя, начиная с середины 1920-х до середины 1960-х гг., предстала в докладе И.В. Ткачёвой.

Работа второй секции «Константин Федин: взгляд из XXI века» была посвящена творчеству писателя, который одним из первых обратился к теме «интеллигенция и революция». Слушатели получили возможность прикоснуться к лучшим произведениям писателя 1920-х гг., рассмотренным в широком историко-культурном контексте: «Наровчатская хроника» (Н.А. Гуськов), «Братья» (Е.А. Мазанова).

Фото 2. Пленарное заседание. Председатель Оргкомитета конференции И.Э. Кабанова и д.ф.н., ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН А.Г. Гачева

Л.И. Щёлокова особое внимание уделила семантическому взаимодействию публицистических высказываний К. Федина и других авторов, печатавшихся на страницах газетной периодики в период Великой Отечественной войны.

Выступление М.В. Григорьевой было построено на впервые вовлечённых в научный оборот архив-

ных материалах (эпистолярии, инскриптах, дневниках), которые воссоздают картину многолетних дружеских отношений К. Федина и К. Паустовского.

Мотивы аттестации и лечения безумия, символические образы «города безумцев» и «обезумевшего бога», умалишённых героев и психиатрической лечебницы проследил И.А. Назаров, решая социально-философскую проблему границы между безумием и нормой в произведениях К. Федина.

Завершил работу секции доклад К.А. Роговина (фото 3), внука писателя, о современных изданиях произведений К. Федина.

Блок докладов на заседании третьей секции был обращён к философско-религиозным и идейно-эстетическим исканиям русской интеллигенции в преддверии революции.

В.А. Фриауф рассмотрел идею С.Л. Франка о религиозном характере русской революции 1917 г., отметив, что философ увязывает её с общеевропейским процессом, идущим с XVI в. и нашедшим своё самое разрушительное проявление именно в русской революции.

Рефлексию Мережковского-публициста над религиозной революцией как этап становления его историософской концепции в период между 1905–1917 гг. проанализировала Т.И. Дронова. Эволюцию взглядов в творчестве Тэффи от Февраля к Октябрю раскрыла Е.М. Трубилова.

Слушателям была предоставлена возможность с современных позиций обратиться не только к творчеству известных писателей — Л.Н. Толстого (А.Н. Полосина), А.П. Чехова (Л.Е. Бушканец), К.И. Чуковского (П.М. Крючков), но и к забытым именам. И.А. Книгин обозначил основные вехи жизненного и творческого пути, а также особенности философско-эстетической позиции забытого литератора Н.Л. Шапира. Поэтический сборник Б.Б. Глинского «Современная война в русской поэзии» проанализировала М.А. Силашина.

Большое внимание привлекла работа четвёртой секции «Судьбы интеллигенции в революционный и постреволюционный периоды». Особый акцент был сделан на вновь выявленных материалах.

Фото 3. Секция «Константин Федин: взгляд из XXI века». Доклад внука писателя, д.б.н. К.А. Роговина

Т.Г. Иванова осветила биографии В.В. Бартенева и А.А. Каменева — участников революционного движения, чьи судьбы оказались типичными для того времени. Оказавшись в политической ссылке, они заинтересовались народной культурой и этнографией, внесли заметный вклад в развитие фольклористики. В годы Гражданской войны В.В. Бартенев был расстрелян большевиками, А.А. Каменева казнили белые.

Вопрос социальной адаптации интеллигенции в обществе, возникшем в результате революционных событий Октября 1917 г., подняла Е.Л. Киселёва, которая опиралась на материалы чистки государственного аппарата 1929–1932 гг., открывающие возможности для переосмысления некоторых аспектов проблемы.

Судьбы учеников Императорской Николаевской Царскосельской гимназии в революционный и постреволюционный период привлекли внимание литератора из Бостона К.И. Финкельштейна. Сотруд-

ничество участниц революционного движения с издательством «Посредник» рассмотрела Е.Д. Михайлова.

Шведский исследователь П. Энеруд рассказал об истории написания биографического очерка о меньшевике П. Ольберге, беженце в Швецию.

К судьбам знаменитых саратовцев и их родственников в преддверии революции обращались сотрудники музеев города — Дж.Г. Сапожникова (доклад о потомках Н.Г. Чернышевского) и Е.С. Платонова (сообщение о Е.В. Борисовой-Мусатовой).

Деятельности частных и кооперативных издательств в 1917–1930 гг. и их взаимоотношениям с государством были посвящены сообщения санкт-петербургских учёных Т.А. Кукушкиной и М.К. Свиченской.

Работу пятой секции «Дискурсивные практики (фото 4) революционной эпохи» открыл доклад М.А. Черняк, который обозначил многообразие современных подходов к революционной тематике в современной российской литературе.

Особенность социально-политической позиции группы «Серапионовы братья», отношение Серапионов к коммунистической идеологии и событиям, происходившим в России в начале 1920-х гг., стали базой выступления Л.Ю. Коноваловой. Она особое внимание уделила эволюции политических взглядов К. Федина, отразившейся в дневниках и письмах того времени.

Давая лингвокультурологическое объяснение описываемым фактам, А.П. Романенко проанализировал лексику, характеризующую интеллигента, а также комментарии «автора»-рассказчика в произведениях Зощенко.

А.В. Сидоров показал, что 1920-е гг. стали временем формирования новой модели исторического исследования и характеризуются наложением дискурсивных полей дореволюционной и марксистской науки, дискуссиями о проблемах классовости, научности, объективности, роли историка.

Работа шестой секции «Революция сквозь призму эго-документов» была посвящена обсуждению значения личных документальных свидетельств для понимания трагических событий революции и Гражданской войны. Предметом изысканий стали эго-документы писателей, учёных, церковных иерархов, политических деятелей. Архиерейские свидетельства в воспоминаниях митр. Евлогия (Георгиевского), митр. Вениамина (Федченкова), архиеп. Василия (Кривошеина) легли в основу доклада С.В. Кековой и Р.Р. Измайлова.

Многие докладчики обращались к дневникам современников революции. Б.А. Минц на материале рукописного дневника С.П. Каблукова показала, как в них отразились взгляды А. Блока, Д. Мережковского, З. Гиппиус. Вниманию слушателей были представлены драгоценные свидетельства эпохи — личные дневники М.В. Нечкиной, выдающегося советского учёного-историка (Л.А. Сидорова); дневник историка, участника антибольшевистской борьбы С.П. Мельгунова «Последний год», хранящийся в Центральном архиве ФСБ (И.Ю. Бережанская), впервые обнародованные воспоминания выпускника Саратовского СХИ М.В. Владимирского (М.Н. Шашкина). Дополнили историю российской интеллигенции постреволюционного периода судьбы «лишенцев» и заключённых, отразившиеся в письмах корреспондентов А.М. Горького (Л.Г. Жуховицкая).

Участники конференции ознакомились с экспозицией Государственного музея К.А. Федина «Дом русской литературы XX века», где тема «интеллигенция и революция» представлена на богатейшем архивном материале, связанном со знаковыми именами русской культуры революционной и постреволюционной эпохи.

Революционные процессы и их влияние на развитие культуры были рассмотрены в многообразии взаимосвязей и взаимоотталкиваний интеллигенции

Фото 4. Секция «Дискурсивные практики революционной эпохи». Доклад д.ф.н, проф. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена М.А. Черняк

столицирегионов,советскойметрополии и русского зарубежья.

Ряд докладов был посвящён осмыслению темы интеллигенции и революции 1917 г. в литературе русского зарубежья: в мемуарной прозе Г. Иванова (И.А. Тарасова), в публицистике и дневниках И.А. Бунина, рассмотренных и как документ эпохи, достоверно и масштабно запечатлевший гибель старой России, и как исповедь, свидетельствующая о глубине трагических переживаний (А.И. Смирнова), в «Повести о пустяках» Ю. Анненкова (И.В. Обухова-Зелиньская), в произведениях писателей второй волны эмиграции (Г.Л. Нефагина).

Культурная жизнь Саратова революционного десятилетия рассматривалась в докладах, прозвучавших на секции «Интеллигенция и революция: региональный аспект». Основные вехи жизни и научной деятельности М.Е. Сергеенко и А.И. Доватура выявлены в докладе Л.М. Лукьяновой. Как весьма важный исторический материал были расценены неопубликованные дневники саратовцев революционного периода, в частности М.Н. Чернышевского (Е.Н. Манова). Споры о новой культуре на страницах саратовских альманахов «Горнило» и «Взмахи» 1918–1920 гг. стали предметом научного интереса А.В. Раевой.

При подведении итогов было подчёркнуто, что успешно решена одна из важнейших задач конференции — консолидировать научные усилия литературоведов, историков, философов, культурологов, лингвистов, архивистов и искусствоведов в осмыслении темы «Интеллигенция и революция». Комплексный междисциплинарный подход позволяет уточнить существующие и выработать новые методологические принципы в исследовании темы, без которых невозможен отказ от устойчивых идеологем и мифологем как советского, так и перестроечного времени.

Научная значимость форума состоит в расширении фактологической базы, привлечении архивных источников и музейных фондов, открывающих неизвестные страницы русской литературы XX в.

По материалам конференции готовится сборник научных статей «Русская интеллигенция и революция в литературе XX века».

Е.П. ОСИПОВА,
М.И. ЧЕРНЫШЁВА*

Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание. К 205-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского» (Рязань, 21–23 сентября 2017 г.)**

Конференция, приуроченная к юбилейной дате дня рождения академика И.И. Срезневского, проводилась в Рязанском государственном университете (РГУ) им. С.А. Есенина в четвёртый раз. Организаторами во второй раз стали Институт русского языка (ИРЯ) им. В.В. Виноградова РАН (Москва) и Рязанский госуниверситет им. С.А. Есенина. В научном форуме приняли участие ведущие специалисты из Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) и Санкт-Петербургского государственного университета, а также преподаватели и научные работники университетских центров Москвы, Вологды, Ярославля, Ижевска, Уфы, Тулы, Саратова, Саранска, Рыбинска и других городов, а также учёные из Великобритании, Чехии, Болгарии, Македонии, Молдавии.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом к участникам обратились ректор РГУ им. С.А. Есенина, д.и.н. А.И. Минаев, первый заместитель министра образования и молодёжной политики Рязанской области О.В. Колесник, чл.-корр. РАН, заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН С.А. Мызников, ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН, д.филол.н. М.И. Чернышёва (фото 1).

Доклады пленарного заседания были посвящены актуальным проблемам исторической лексикологии и лексикографии. Чл.-корр. РАН С.А. Мызников (Санкт-Петербург) говорил о месте диалектной лексики в историко-этимологических разысканиях, отметив необходимость более углублённого изучения этимологической стороны именно диалектных данных. Докладчик обратил внимание на ряд лексем, научные описания которых нуждаются в корректировке с точки зрения семантики и этимологии.

Достижения и проблемы русской исторической лексикографии стали темой доклада ведущего научного сотрудника, д.филол.н. М.И. Чернышёвой (Москва). Особое внимание докладчик уделила вопросам, возникающим при создании многотомных словарей, издание которых длится десятилетия. Д.филол.н. Г.В. Судаков (Вологда) по-

* **Осипова Елена Петровна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, директор Института непрерывного образования Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: e.osipova@rsu.edu.ru

Чернышёва Маргарита Ивановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, член Оргкомитета конференции.
E-mail: chernysheva@bk.ru

** Проект 17-04-14046г.

Фото 1. Открытие конференции

святил свой доклад особенностям речевого этикета устного общения в Древней Руси и аспектам его изучения.

В докладе М. Хрома (Чехия) были представлены лексикографические проекты Отделения палеославистики и византинистики Славянского института Академии наук Чешской республики и, прежде всего, пятилетний проект «ГОРАЗДЪ: Виртуальный портал старославянского языка».

В большинстве секционных выступлений обсуждались проблемы славяно-русской исторической лексикологии и формирования лексического фонда национального языка, русской и славянской лексикографии, источниковедения, диалектологии, научного наследия академика И.И. Срезневского.

В рамках секции «Проблемы славяно-русской исторической лексикологии» докладчики представили своё видение различных вопросов исторического развития лексической семантики. Большой интерес вызвал доклад Е.В. Генераловой (Санкт-Петербург), в котором были представлены многочисленные примеры проявления избыточности (плеоназма) на материале текстов делового и народно-разговорного языка XVI–XVII вв. и проанализированы причины этого явления. В дискуссии приняли участие Г.В. Судаков (Вологда), И.А. Малышева (Санкт-Петербург), В.Н. Калиновская (Санкт-Петербург), М.И. Чернышёва (Москва), О.В. Никитин (Москва) и др. Особенно активно обсуждалась проблема лексической вариантности, затрагивались также вопросы употребляемой автором терминологии. Причины и направления семантической деривации в русском языке середины XVIII в. обсуждались в связи с докладом И.А. Малышевой (Санкт-Петербург) «Прелестные подсылки.., прелестной взор.., прелестныя места...». На примере прилагательного *прелестный* автор отметила, как влияют на лексическую семантику культурно-исторические процессы в общественной жизни и развитие светской литературы, в частности переводной. Вопросы эволюции слов нашли отражение в докладах

Я.А. Пеньковой (Москва) и Д.К. Филиппова (Санкт-Петербург).

Необходимость учёта состава летописи при анализе семантики слов в качестве фактора, помогающего объяснить возникновение некоторых лексических и семантических особенностей, отмечалась при обсуждении доклада Л.Ф. Килиной (Ижевск), выполненного на материале Киевской летописи. Автор показала особенности употребления существительных *живот, жизнь, житие*, где представлены процессы семантического развития, в данном случае — сужение семантики. На лексических связях сербских и хорватских говоров с восточнославянскими остановила внимание Е.И. Якушкина (Москва). В докладе на материале лексических выпусков «Общеславянского лингвистического атласа» были продемонстрированы ареалы, в которых на сербской и хорватской территориях фиксируются лексемы, общие с восточнославянскими говорами.

Вторая обширная группа докладов касалась актуальных вопросов создания исторических словарей русского и славянских языков. Наибольший интерес и активное обсуждение вызвали идеи докладчиков, связанные с сокращением времени на подготовку и издание многотомных словарей. Так, А.К. Шапошников (Москва) на примере приставочных глаголов в Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ) предлагает ужесточить отбор словарных статей приставочных имён и формировать словарные статьи оптимизированного вида. Это позволит включить в один выпуск ЭССЯ несколько тысяч словарных статей и исчерпать весь репертуар приставочных производных, как вероятно древних общеславянских, так и относительно поздних параллельных образований.

Т.И. Илиева из Кирилло-Мефодиевского научного центра Болгарской Академии наук в дискуссионном плане поставила вопрос о создании Словаря морфем в старославянском языке. Обосновав необходимость подобного лексикографического пособия, исследователь оценила существующие предпосылки для успешной реализации такого проекта, описала объём и содержание, макро- и микроструктуры Словаря.

В.Н. Калиновская и С.А. Эзериня (Санкт-Петербург) продемонстрировали в докладе некоторые особенности динамики семантических процессов в литературном русском языке XIX в., реализующиеся в появлении специфических элементов семантики слова. Колебания, девиации в сторону от «магистрального», нормативного семантического развития той или иной лексемы манифестируют реальный объём семантического потенциала слова, одновременно являясь яркой приметой эпохи. Наиболее полно и последовательно они находят отражение в историческом словаре дифференциального типа. К.И. Коваленко (Санкт-Петербург), Л. Макриоски (Македония), Г.Т. Бескоровайная (Москва) предложили обсудить использование различных лексикографических приёмов. Исследование текста выдающегося книжника XVII в. Епифания Славинецкого, как считает Н.В. Николенкова (Москва), позволяет опровергнуть многие традиционные взгляды на язык XVII в., а также даёт возможность уточнить время вхождения в язык некоторых слов, традиционно связываемых с началом XVIII в.

Источниковедческая проблематика нашла отражение в докладах А.Г. Косова (Уфа), Н.А. Кулевой (Москва), Н.А. Тупиковой (Волгоград), Е.И. Державиной и А.Б. Дубовицкого (Москва), В.В. Плешаковой (Рязань), Л.Н. Дониной (Санкт-Петербург) и других участников. Так, Н.А. Кулева (Москва) в докладе рассказала о вкладе в изучение Февральской минеи-четьи первой четверти XV в. (РГБ. Ф. 173 № 92) И.И. Срезневского, который впервые ввёл эту рукопись в научный оборот и продемонстрировал своеобразие её лексического состава. Е.И. Державина и А.Б. Дубовицкий (Москва) на примере трёх терминов — «бояре», «де-

ти боярские» и «дворяне» — сделали анализ отражения социально-политической терминологии в историографии и исторической лексикографии. В связи с составлением специального словаря социально-экономической и политической лексики древнерусского языка намечены его задачи и перспективы. На источниковедческих проблемах документной лингвистики остановился в своём докладе А.Г. Косов (Уфа). Идеи академика И.И. Срезневского применила Л.Н. Донина (Санкт-Петербург) к исследованию хронографа XV в. «Летописец Еллинский и Римский», подчеркнув, что даже неразвёрнутые, попутно высказанные замечания И.И. Срезневского важны для историков языка.

К анализу одного из малоизвестных сочинений И.И. Срезневского обратился К.В. Скворцов (Москва), отметив, что академик провёл одну из первых периодизаций истории русской орфографии, охарактеризовал этапы формирования правописной традиции, отметив решающее значение книгопечатания. Н.А. Тупикова (Волгоград) рассмотрела особенности старорусских и старопольских памятников деловой письменности начала XVII в., составляющих важную часть реконструированного архива польского гетмана Яна Петра Сапеги. Лингвистическая содержательность документов, представляющих собой исторические свидетельства событий Смутного времени, раскрывается на основе анализа структурных и функциональных характеристик текстов, определивших новые способы выражения светского содержания в сфере официального письменного общения в преднациональный период.

Четвёртая группа докладов была посвящена обсуждению проблем современной диалектологической науки. В ряде выступлений рассматривались общие проблемы анализа диалектного слова и трактовки его в словарях. Живое обсуждение участников конференции вызвали доклады Т.К. Ховриной (Ярославль) о слове в диалектном и историческом словарях, А.П. Башмаковой (Санкт-Петербург) о безлично-предикативных словах в диалектном словаре. Другие доклады были посвящены частным проблемам изучения русских говоров. Вопросы неоднородности тульских говоров были подняты в сообщении Н.А. Красовской (Тула). Вкладу Е.Ф. Будде в изучение рязанских говоров и развитие научной диалектологии посвятила свой доклад Е.П. Осипова (Рязань). К дискуссионному вопросу, касающемуся трактовки написаний предударных гласных в южновеликорусских отказных книгах XVII в., обратилась М.В. Спиричева (Санкт-Петербург). В докладе Е.В. Колосько (Санкт-Петербург) речь шла о Санкт-Петербургской губернии в источниках Словаря русских народных говоров.

Уже стало традицией проведение во время работы конференции секции «Жизнь и научное наследие академика И.И. Срезневского», которая всегда вызывает интерес участников. Доклады О.В. Лукина (Ярославль), Л.Ю. Астахиной (Москва), М.М. Гориной (Москва) были посвящены неизвестным или малоизвестным фактам научной биографии И.И. Срезневского. Так, О.В. Лукин проанализировал встречи учёного во время его трёхлетней командировки в «славянские земли» с выдающимися деятелями немецкой науки XIX в., оказавшими значительное влияние на его становление как крупного слависта, специалиста по русскому историческому языкознанию, лексикографии, истории и диалектологии русского языка, палеографии, древнерусской литературе, этнографии и фольклору славянских народов. Особое внимание докладчик уделил встречам с немецкими лингвистами Ф. Боппом, А.Ф. Поттом, П. фон Боленом. Вклад семьи Срезневских в развитие русской науки нашёл отражение в докладах Т.А. Исаченко (Москва) и Н.В. Колгушкиной (Рязань). Развитию научных идей академика И.И. Срезневского были посвящены доклады А.Б. Чернышёва (Рыбинск) и Н.В. Халиковой (Москва).

Важным событием в программе конференции стало посещение с. Срезнево

Фото 2. Участники конференции у музея академика И.И. Срезневского в с. Срезнево Шиловского района Рязанской области

Шиловского района Рязанской области (фото 2), где на сельском кладбище покоится прах академика И.И. Срезневского. В начальной школе, которую И.И. Срезневский построил на собственные средства, состоялся круглый стол «Язык есть нераздельная собственность целого народа (Научное наследие академика И.И. Срезневского в XXI веке)».

В общей сложности 73 специалиста по истории русского и славянских языков, принадлежащих разным научным школам, ставили важнейшие вопросы современной славяно-русской филологии в ходе конструктивного обсуждения докладов. Участники конференции подчеркнули, что и теперь, несмотря на сложные политические условия, в которых находится славянский мир, имя выдающегося слависта И.И. Срезневского, как и в XIX в., объединяет научные поиски специалистов, работающих в области русистики и славистики.

Конференция показала, что подобного рода сотрудничество академической и вузовской науки не только способствует выработке общих подходов, но и выявляет особенности в решении проблем этимологии, лексикографического описания лексического состава русского языка, изучения языковых явлений, отражающих историю русского языка, а также содействует координации приоритетных тем научных поисков.

Е.В. АЛИКИНА,
А.Ю. НАУГОЛЬНЫХ*

IX Международная научная конференция «Индустрия перевода» (Пермь, 5–7 июня 2017 г.)**

В последние годы индустрия перевода претерпевает значительные изменения. С одной стороны, постоянно возрастает ценность качества и скорости обработки, передачи и защиты информации в условиях межкультурного взаимодействия. С другой — переводческая отрасль находится под влиянием технических и технологических решений, которые стремительно смещают акцент с собственно лингвистической составляющей на такие аспекты, как языковой менеджмент, концептуализация и представление знаний, локализация веб-сайтов и программного обеспечения, многоязыковая поисковая оптимизация, управление переводческими проектами, оценка качества, автоматизированные системы перевода, способы машинной обработки естественного языка и др. Всё это требует от современного переводчика профессиональных индустриальных компетенций, базирующихся на академическом лингвистическом образовании, а следовательно, актуализирует значимость адекватной и оперативной модернизации отраслевых переводческих стандартов, а также университетских программ подготовки переводчиков и преподавателей перевода.

Сегодня «Индустрия перевода» — это междисциплинарная научная площадка, объединяющая переводоведов, лингвистов, педагогов, психологов, культурологов, маркетологов, когнитологов, социологов, специалистов в области интеллектуальных информационных систем, компьютерной лингвистики и многих других.

15-летний опыт организации конференции «Индустрия перевода» показывает, что она успешно способствует решению поставленных проблем и является одной из немногих практикоориентированных конференций в области переводоведения, проводимых в России.

Формат ежегодной конференции предусматривал пленарные (фото) и секционные заседания, мастер-классы и открытые лекции, телемосты и круглые столы, и, конечно же, культурная программа, знакомящая гостей города с историческим и культурным наследием Пермского края.

Первый блок докладов был посвящён комплексу острых вопросов подготовки профессиональных перевод-

* **Аликина Елена Вадимовна** — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ), сопредседатель Оргкомитета конференции.
E-mail: elenaalikina@yandex.ru

Наугольных Антон Юрьевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода ПНИПУ, сопредседатель Оргкомитета конференции.
E-mail: crispian@yandex.ru

** Проект 17-04-14099г.

Фото. Пленарное заседание. Выступает проф. Е.Р. Поршнева (НГЛУ). В президиуме (слева направо): А.Ю. Наугольных, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, Е.В. Аликина, Т.С. Серова

чиков. Пленарное заседание открыл доклад авторитетного специалиста в данной области, профессора Нижегородского государственного лингвистического университета Е.Р. Поршневой. С позиций методики обучения он проанализировал типичные ошибки при формулировке заданий в ряде учебных пособий по переводу и сделал вывод, что обучение переводу как виду профессиональной деятельности отличается от обучения переводу в рамках изучения иностранного языка. Докладчик сформулировал ведущие принципы, позволяющие обеспечить необходимую «перенастройку» системы обучения.

Не менее информативным был доклад профессоров Пермского национального исследовательского политехнического университета Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, которые, давая характеристику «слабых мест» консервативной методики обучения переводу в вузе, подчеркнули, что уклон зачастую делается на сугубо лингвистическом аспекте переводческого преобразования текста, имитационных практиках, в результате чего обучение не проблематизируется. Источником методических инноваций, по мысли докладчиков, может выступить когнитивно-деятельностный подход. Была подчёркнута важность разработки новых технологий обучения, которые способствовали бы формированию транссемиотических компетенций.

Гостем конференции, впервые принявшим в ней участие, стал Президент Национальной лиги переводчиков Н.К. Дупленский, который сосредоточил своё внимание на злободневной теме — разработке профессионального стандарта «Переводчик». Докладчик разъяснил, почему существующий проект стандарта не отражает с должной достоверностью содержание деятельности современного переводчика, и призвал профессиональное сообщество к всестороннему анализу ролевого репертуара специалистов по межкультурной коммуникации. Различные аспекты данного вопроса были затронуты другими докладчиками (в частности, А.Ю. Наугольных «Письменный перевод в цифровую эпоху»).

Второй блок пленарных докладов был посвящён современным концепциям, под-

ходам и методикам профессионально ориентированного обучения иностранным языкам. Профессор Л.П. Халяпина (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) изложила основные вехи разработки за рубежом технологии предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL), а также обобщила отечественный опыт внедрения в систему высшего образования идей интегрированного обучения. Суть данной концепции заключается в интеграции обучения иностранному языку с обучением профилирующим дисциплинам, при которой объединяются усилия языковой и неязыковых кафедр, а содержание обучения обретает действительную профессиональную ориентацию, что создаёт мощный импульс мотивации для обучаемых.

Теория интегративного обучения получила развитие и в докладах профессора Т.С. Серовой (ПНИПУ) «Направления и технологии интегративного полилингвального высшего профессионального образования» (проблемное поле, обозначенное в докладе, стало предметом отдельного круглого стола в рамках конференции), а также профессоров Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета К.Э. Безукладникова и Б.А. Крузе «Интегративное формирование полилингвальной личности будущего учителя международной школы в условиях магистратуры IB Educator Certificate in Teaching and Learning».

Третий блок докладов пленарного заседания познакомил слушателей с новыми результатами в сфере дискурсивного анализа переводческих и сопоставительных исследований. Профессор Л.П. Тарнаева (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена) посвятила свой доклад идиоматичности институционального дискурса в межъязыковом аспекте. В докладе была дана характеристика основных типов идиоматичных речевых единиц, проанализирована специфика их межъязыковой трансляции. Профессор Л.К. Гейхман (ПНИПУ) сфокусировала внимание на диалогичности научного дискурса. В основе продуктивной коммуникации в научной сфере, по её мнению, лежит терпимость к позиции других исследователей. Все участники научной коммуникации должны свободно владеть системой языковых средств (как на родном, так и на иностранных языках), обеспечивающих бесконфликтный обмен идеями, сколь бы контрастными они ни были.

Профессор Г.В. Овчинникова (Тульский университет) представила модель интеракции гида-переводчика и группы экскурсантов, выявив проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются обе стороны в межкультурной коммуникации, на примере русской, французской и английской культур. Наибольшие различия наблюдаются в дискурсивном поведении. Вопросы интеракций гидов-переводчиков до настоящего момента не получили широкого освещения.

На заключительном заседании профессор Н.М. Нестерова (ПНИПУ) на основе классических трудов по теории перевода и новейших исследований сделала обзор существующих классификаций этапов становления и развития переводческой деятельности. Профессор Л.В. Кушнина (ПНИПУ) раскрыла содержание концепта «переводческое понимание», а также дала характеристику функциям данного специфического механизма, в частности интерпретирующей. Потенциалу современных электронных лексикографических ресурсов на примере словаря «Мультитран» посвятила своё выступление профессор В.Д. Табанакова (Тюменский госуниверситет). Профессор М.В. Влавацкая (Новосибирский государственный технический университет) рассказала о диахронии учения о сочетаемости языковых единиц в англо-американской традиции и сформулировала ключевые положения нового направления исследований — комбинаторной лингводидактики. Целостную концепцию обуче-

ния устному переводу в системе высшего лингвистического образования на основе интегративного подхода представила сопредседатель Оргкомитета Е.В. Аликина.

На секционных заседаниях выступили и представители восьми стран дальнего и ближнего зарубежья (Австрии, Боснии и Герцеговины, Индии, Италии, Франции, США, Беларуси, Казахстана) и 13 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Пермь, Красноярск, Челябинск, Томск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Елабуга, Новосибирск, Тула, Элиста). Секции были посвящены следующим проблемам: «Методические аспекты обучения профессиональной переводческой деятельности», «Лингвокогнитивные проблемы специального перевода», «Прагматические аспекты перевода и локализации», «Методические аспекты обучения иностранным языкам и культурам», «Теоретико-методологические исследования перевода и межкультурной коммуникации» и «Психолого-педагогические проблемы лингвистического образования».

Особый интерес неизменно вызывают мастер-классы и открытые лекции ведущих специалистов-практиков и опытных исследователей. В этом году их было восемь. Часть была посвящена нюансам работы устного переводчика (доц. И.М. Матюшин «Протокольные нормы в работе устного переводчика»; доц. Е.Ю. Мощанская «Невербальный компонент общения в устном переводческом дискурсе»; Н.К. Дупленский «Организационные и этические аспекты работы устного переводчика»), прикладным аспектам перевода (проф. Л.П. Тарнаева «Перевод идиоматичной специальной лексики»), вопросам методики обучения переводу (проф. Е.Р. Поршнева «Внутриязыковой перевод», проф. Г.В. Овчинникова «Организация проектной работы студентов-переводчиков»), общетеоретическим вопросам (проф. А.Г. Минченков «Критерии оценки качества переводов в русле когнитивно-эвристической модели»), технологии оформления результатов научных изысканий (проф. М.П. Котюрова «С чего начать статью?»).

К конференции был приурочен двухдневный русско-австрийский семинар (на немецком языке) «Австрия и австрийцы» под руководством лектора Министерства образования Австрии А. Курца.

В ходе обсуждений участники конференции отметили, что в условиях современного развития переводческой индустрии, сопровождаемого интенсивными процессами диверсификации, технологизации и стандартизации переводческой деятельности, возрастает роль оперативного взаимодействия профессионального переводческого сообщества, научных школ и вузов, осуществляющих подготовку будущих переводчиков, для определения единых ориентиров и гармонизации научных разработок и образовательных программ с требованиями переводческого рынка.

На заключительной сессии участники конференции поддержали инициативу профессора Нижегородского государственного лингвистического университета Е.Р. Поршневой подготовить ходатайство в Общероссийскую общественную организацию «Союз переводчиков России» о включении ПНИПУ в число университетов — кандидатов на проведение очередного общероссийского методического совещания «Структура и содержание подготовки переводчиков» и единодушно выразили надежду на новые встречи в рамках юбилейной «Индустрии перевода».

С.И. ХВАТОВА*

II Международная научная конференция «Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире» (Майкоп, 26–30 сентября 2017 г.)**

Проведение конференции стало актуальным в условиях возросшей в постсоветское время «практической религиозности» и, как следствие, интенсивной деятельности человека по воссозданию и сохранению сакрального. Этот процесс сопряжён как с восстановлением и реконструкцией богослужебных практик во всей их полноте, так и с привлечением к работе современных авторов в рамках богослужебного канона, претерпевающего влияние светской поэтики.

Именно в рамках подобных мероприятий формируется объективная картина развития культовых искусств различных конфессий в современном мире, дополняются сведения о состоянии канонических богослужений буддистов, иудеев, мусульман и христиан, а также неканонических богослужебных практик, традиционных религий и верований.

Коллективное исследование позволяет сопоставить развитие светского и культового искусства в их взаимодействии, провести сравнительный анализ поэтики сакрального и профанного искусств. Пополняются персоналии поэтов, композиторов, режиссёров, художников, творчество которых оказывает воздействие на историю развития культовых искусств.

На конференции результаты исследований представили учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Краснодара, Майкопа, Махачкалы, Орла, Ростова-на-Дону, Саратова, Элисты, а также из Абхазии, Армении, Белоруссии, Казахстана, Германии, Италии, Китая, Польши, Румынии, Сербии, Украины, Франции, Черногории.

Совместными усилиями учёных была очерчена весьма разноплановая картина развития богослужебного искусства, проанализированы и интерпретированы имеющиеся материалы, положено начало преодоления разрозненности и несогласованности исследований, касающихся изучения как организационной стороны богослужений, так и его эстетики.

Очевидно, что предмет исследования — богослужебные практики и культовые искусства — выделен в самостоятельную научную исследовательскую область. Тема далеко не исчерпана: сохраняется территориальная и конфессиональная неравномерность изученности, в начале формирования находится выработка методологии исследований на основе широкого междис-

* **Хватова Светлана Ивановна** — доктор искусствоведения, заведующая кафедрой музыкального и хореографического искусства Института искусств Адыгейского государственного университета, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: hvatova_svetlana@mail.ru

** Проект 17-04-14069г.

циплинарного взаимодействия, перспективны также расширение географии исследований и умножение рассматриваемых ракурсов.

Открытость, незавершённость исследуемых процессов (в большинстве своём изучаются новейшие развивающиеся явления), а значит, корректируемость научного знания, его динамичность, делают исследуемую проблему привлекательнее по причине актуальности, способствуют постоянному обнаружению новых направлений.

В рамках конференции учёные провели контекстный анализ культовых искусств в рамках богослужебного канона (в докладах о. Александрела Барнеа, Г. Благоевича, А. Буду, Д.С. Бычковой и И.В. Митуса, Л.А. Густовой-Рунцо, Н.А. Даниловой, В.Н. Дёминой, А.В. Денисова, М.Ю. Килиной и П.А. Сергеевой, Д.Е. Липаевой, С.П. Полозова и И.В. Полозовой, Т.С. Рудиченко, Л. Савицки, К.В. Гузенко и М.С. Сычёва, о. Михаила Фортунато, С.И. Хватовой).

Было выявлено общее и специфическое сакрального и профанного искусств, обращённых к каноническим текстам и актуализирующих священные писания (в исследованиях Н.В. Бекетовой, Э.В. Выбыванец, К.В. Гузенко, И.П. Дабаевой, Г.Р. Консона, Л.В. Малацай, С.А. Мозгот, З.А. Наток и Т.С. Рудиченко, А.А. Предоляк, Т.Ф. Шак, М.А. Шуха).

Учёные предприняли попытку преодоления неравномерности в изучении богослужебных практик различных конфессий, инициировании исследования современного богослужебного канона и культовых искусств буддистов, иудеев, мусульман, которые сегодня изучены фрагментарно (в статьях В.Ю. Антиповой, Д.Г. Гутмана, Т.В. Карташовой, М.С. Уланова, Е.В. Хаздан).

Сообщество исследователей познакомилось с новыми авторами, работающими в сфере культового искусства или обращающимися к нему как к частному средству в контексте светского (в работах

Фото. После окончания заседания первой секции «Практическое отправление богослужений и культовые искусства»

С.В. Аникиенко, Е.Г. Артёмовой, В.О. Петрова, С.К. Саркисян, У. Пэнфэя, М.Г. Хрущёвой, А.В. Шадриной).

Мастер-классы члена Союза художников России, заслуженного деятеля искусств Республики Адыгея доцента Е.В. Абакумовой «Знаки культа в современном изобразительном искусстве» и заслуженной артистки Республики Адыгея В.В. Едиджи позволили собравшимся непосредственно поучаствовать в создании современных произведений с включением религиозной тематики.

Участники конференции выработали отдельные интерпретологические установки, позволяющие изучать культовые искусства в рамках светских научных и учебных институтов (о. Дмитрий (Болгарский), М. Шух). Продолжился поиск терминологической адекватности при изучении культовых искусств различных конфессий (доклады Т.В. Карташовой; С.П. Полозова и И.В. Полозовой и др.) (фото).

Инициированы исследования, посвящённые локальным богослужебным практикам (в докладах Б.А. Хотко и А.Н. Соколовой, Д.Г. Гутмана, А.Е. Данильченко, Г.Б. Луганской). Это неизбежно повлекло за собой религиоведческие рефлексии (А.Р. Антонян, Г.Т. Альпеисова, М. Шрайбер), обращение к социологии (Н.Н. Денисова, М.С. Уланов), а также к анализу влияния богослужебных практик и культовых искусств на формирование личности (Т.И. Власова, П.С. Волкова, Р.И. Лозовская, З.К. Меретукова и А.Р. Чиназирова, В.Г. Мозгот, Г.В. Рева и Т.А. Цергой, Т.В. Склярова, И.А. Соловцова, С.А. Тараканов, О.Л. Янушкевичене).

Обсуждение затронутых тем — религиозного экстремизма, нетерпимости, психологического феномена оскорбления чувств верующих — вылились в горячую дискуссию по завершении работы секций «Психолого-педагогический потенциал культового искусства в полиэтническом регионе» и «Вопросы философии, религиоведения и богословия».

Даже приветствия духовных лидеров ведущих конфессий региона — архиепископа Майкопского и Адыгейского Высокопреосвященнейшего Тихона и Муфтия Адыгеи и Краснодарского края Аскарбия Карданова — превратились в два научных доклада о традициях соборной архитектуры Адыгеи, строительстве нового кафедрального Успенского собора в Майкопе и о морально-нравственном потенциале традиционного ислама.

На базе камерного хора студентов Института искусств состоялись мастер-классы, посвящённые специфике работы над хоровыми произведениями, написанными на канонические богослужебные тексты регента архиерейского хора кафедрального Свято-Преображенского собора Люблина и хора священников Люблинско-Холмской епархии, магистра богословия Христианской богословской академии в Варшаве А.Г. Боублея и профессора Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, заслуженного артиста России, директора Международного фестиваля «Певчие третьего тысячелетия» С.А. Тараканова. Прозвучали как культовые сочинения А. Макарова и П. Чайковского, так и народные паралитургические произведения на украинском и польском языках.

В оригинальной форме, приближенной к мастер-классу, прозвучал доклад с многочисленными демонстрациями реконструкции обрядового фольклора пантеистического периода З.Л. Гучева и З.В. Бахтиной, который иллюстрировался врачевальными песнями и заговорами адыгов, бытующими в отдельных аулах и сегодня.

В завершение второго дня конференции в Соборной мечети Майкопа на приёме, организованном Муфтием Адыгеи и Краснодарского края Аскарбием Кардановым, состоялась беседа о традиционной богослужебной исламской практике. Беседа переросла в дискуссию под руководством д.филос.н., профессора кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета А.А. Шао-

ва и д.филос.н., доцента кафедры философии и социологии того же университета В.Н. Нехай. Учёные разных стран высказали мысль о недопустимости вольной реинтерпретации деятелями науки и культуры текстов священных писаний любых религий и о негативных идеологических последствиях подобной деятельности.

Логичным продолжением конференции стал круглый стол по вопросам терминологии под председательством автора этой статьи, поскольку, помимо обозначенной темы, способствовал подведению итогов форума. Помимо этого, мероприятие имело прогностическую направленность: учёные обсудили перспективы развития и сегодняшнюю динамику складывающегося научного направления.

Завершивший конференцию круглый стол «Первые шаги в науке» объединил усилия студентов, магистрантов, аспирантов и их научных руководителей, продемонстрировав преемственность в изучении религии и искусства, желание постигать явления художественной культуры, способствующие воссозданию сакральной жизни нашего современника.

По сравнению с первой конференцией увеличилось число участников, значительно расширилась география исследовательских интересов. Участие во второй подобной конференции богословов, искусствоведов, историков, культурологов, религиоведов, философов, этнографов способствовало координации их усилий по дальнейшему изучению обозначенного предмета исследования, и, в частности, поиску унификации специальной терминологии. При подведении итогов конференции было подчёркнуто, что ещё не преодолён христоцентризм в исследованиях, а богослужебные практики и культовые искусства других конфессий по-прежнему исследуются фрагментарно и требуют системного изучения в рамках масштабного исследовательского проекта.

Участники конференции отметили перспективность данного научного направления и необходимость продолжить научное общение в рамках обозначенной темы в дальнейшем.

МИР КНИГИ РФФИ

С.А. ГОНЧАРОВ*

Революция 1917 г. в книжной серии «Русский путь: pro et contra»**

В рамках проекта «Революция 1917 года в исторической памяти русской культуры» были подготовлены бумажные и электронные публикации, отражающие как персонально сфокусированные разрезы культурной памяти, так и общий взгляд на событие Революции. В первом случае речь идёт о четырёх антологиях: «А. Керенский: pro et contra»; «Л. Троцкий: pro et contra»; «В. Ленин: pro et contra», «Патриарх Сергий (Старгородский): pro et contra»; во втором — о сайте «Революция: pro et contra» и одноимённой антологии. В состав антологий вошли избранные тексты политиков, философов, представителей художественной культуры, религиозных деятелей и мыслителей, отражающие реперные точки в многообразии персональных или общих оценок. Электронная публикация даёт расширенную версию исследования, включая изобразительный ряд.

Целью исследования являлась реконструкция образа, а точнее, дополняющих друг друга образов Революции 1917 г., сложившихся в исторической памяти русской культуры с учётом столетней ретроспективы. Составители двигались от единичного и частного к общему, избрав персонологический вектор исследования по аналогии с уже выполненными проектами, приуроченными к 200-летию Отечественной войны 1812 г., когда по проектам Фонда были подготовлены издания, посвящённые императору Александру I, М.И. Кутузову и Наполеону Бонапарту и 70-летию Великой Отечественной войны, когда вышли в свет антологии о Сталине, Рузвельте, Черчилле и де Голле. Принцип «pro et contra» — «за» и «против» — позволил исследователям встать над схваткой мнений.

Пролог Октября — Февраль, его символом выступает А.Ф. Керенский. Литература, посвящённая Керенскому, значительна, но при этом фрагментарна, цельных текстов немного, суждения о нём рассыпаны по воспоминаниям и исследованиям. При выборке были учтены наработки современных авторов Б.И. Колоницкого, В.П. Федюка, С.В. Тютюкина. В антологии «Керенский: pro et contra» удалось продемонстрировать, как менялось восприятие этой личности от «первой любви революции» до «пустомели» и «хвастунишки» [1]. При этом даже большеви-

* **Гончаров Сергей Александрович** — доктор филологических наук, первый заместитель проректора по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: s.goncharov@spbu.ru

** Проект 15-33-12016а/ц.

ки не превратили Керенского в объект ненависти, а современный либеральный дискурс представляет его даже и «трагическим героем».

В первую часть «*pro*» вошли тексты таких авторов, как Тан <В.Г. Богораз>, С.С. Марк, В.В. Шульгин, А.А. Поляков, В. В-ий, В. Высоцкий, Е. Владимирович, Иванчиков, Ф.И. Шаляпин, Л. Митницкий, В. Севский (В.С.) <В.А. Краснушкин>, В. Князев, Р.Б.Г. Локкарт, О.Л. Леонидов, Е.К. Брешко-Брешковская, Л.В. Ассиар, П.Ф. Арзубьев <П.К. Губер>, А.И. Куприн, Владас Станка <В.Б. Станкевич>, М.И. Скобелев, З.К. Манакина, В.Н. Львов, Л.М. Арманд, И.В. Гессен, Н.А. Бердяев; во вторую «*contra*» — В. Петров <В.В. Адамович>, П.Н. Милюков, М.В. Родзянко, С.И. Шидловский, В.Д. Набоков, И.Г. Церетели, В.И. Ленин, А.Р. Ледницкий, Л.Д. Троцкий, В.М. Пуришкевич, И.В. Сталин, С. Моэм, А.И. Деникин, А.Д. Бубнов, Н.Н. Головин, А.А. Брусилов, П.Е. Дыбенко, Ю.В. Готье, <Лидеры кадетов о Керенском>, А.Т. Аверченко, Б. Битти, П.Н. Краснов, Н.В. Данилов, И.К. Карпов, Д. Рид, П.Н. Малянтович; в третью «*pro et contra*» — А.А. Демьянов, Д.В. Философов, З.Н. Гиппиус, Н.Н. Суханов, С.П. Постников, О.Д. Добровольская, М. Палеолог, А.Н. Бенуа, Дж. Бьюкенен, А. Нокс, Ф.А. Степун.

Образ Л.Д. Троцкого в советской культуре был искажён едва ли не более, чем Керенского. Его сделали чуть ли не врагом Революции. Во многом противоположную картину мы находим на Западе: именно Троцкий изображается её фактическим вождём, инициативу которого подхватили, исказив суть дела, Ленин и Сталин. В крупнейшем библиографическом списке работ о Троцком и троцкистском движении, составленном В. Любицем, значится 15 800 работ на 25 языках. Можно выделить несколько цельных исследований: классическую трилогию марксиста И. Дойчера; политическую биографию Троцкого с позиций марксизма французского историка П. Бруэ; написанную Б. Кни-Пазом интеллектуальную биографию Троцкого. В рамках советской историографии исследовалась лишь «борьба с троцкизмом». Тем не менее, авторам не удавалось избежать ангажированности при оценке деятельности Троцкого — «пророка» или «демона» революции. Последнее крупное исследование принадлежит Ю.Г. Фельштинскому и Г.Г. Чернявскому, которые закрывали фактографические лакуны, используя материалы российских и американских архивов. Сложная фигура международного революционера продолжает привлекать внимание историков, преимущественно западных, но до сих пор не получила комплексного осмысления в контексте российской культуры. Указанные обстоятельства были учтены составителями при подготовке антологии «Троцкий: pro et contra» [2].

Антология состоит из пяти частей.

В первой части, «Воспоминания», представлены мысли Н.И. Седовой, жены Троцкого, написанные после его смерти, а также суждения таких авторов, как А.Л. Парвус, Г.А. Зив, Д.В. Сверчков, П.Н. Краснов, В.Д. Медем, В.В. Беренштам, Б.Г. Бажанов, А.Г. Бармин, N.N. <А.Д. Нагловский>, А.И. Балабанова, К.Х. Данишевский, С.И. Либерман, И.М. Павлов <М.И. Нильский>, П.А. Гарви, Н.А. Иоффе, Ю.П. Анненков, В.Т. Шаламов, Л.З. Копелев, Г.И. Григоров, В.В. Шульгин, А.И. Боярчиков, И.Л. Абрамович.

Вторая часть, «Пропаганда», содержит тексты С.А. Ауслендера, А.И. Куприна, В. Сольского, А.А. Дивильковского, Г.Ф. Устинова, И.Л. Оршера, Я. Сущевского <Я.Г. Блюмкина>, К. Радека, Е.М. Ярославского, С.В. Дмитриевского, И.В. Сталина.

Третья часть, «Публицистика», представляет собой выборку фрагментов трудов и выступлений таких авторов, как Л.Н. Войтоловский, М. Горький, М.Е. Кольцов, А.В. Луначарский, Н.Н. Суханов, М. Смоленский <М.Н. Шварц>, В.И. Невский, А.М. Терне, Л.М. Рейснер, Г.К. Попов, Б. Каменецкий <Ю.И. Айхенвальд>, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, В.М. Молотов. А.С. Мартынов, А.В. Амфитеатров, М.И. Ганфман, М.А. Алданов, П.П. Муратов, М.В. Вишняк,

М.Н. Покровский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Керенский, А.М. Волин, А.И. Солженицын.

Четвёртая часть посвящена восприятию Троцкого в художественной культуре. Лев Давидович уделял немало внимания художественной культуре, выступая как литературный критик и теоретик. С началом сталинизма он стал персоной умолчания, но это не означало, что его образ перестал привлекать внимание писателей. В эту часть вошли тексты Демьяна Бедного, А.Т. Аверченко, Е. Баклажанова <А.П. Платонова>, М.А. Светлова, Э.Г. Багрицкого, В.М. Инбер, М.А. Булгакова, М.М. Зощенко, Рюрика Ивнева, А.И. Солженицына.

В пятой части, «Разное», были использованы тексты следующих авторов: <Л.Г.Дейч>, Г.В. Плеханов, А.М. Дубнов, А.А. Иоффе.

Рискнём предположить, что из всех деятелей российской истории наибольший объём литературы посвящён В.И. Ленину. Советский культурный ареал даёт различные варианты «pro», а эмигрантский — «contra». Революционно-предреволюционное время и Запад представляют смесь, элементы которой воспроизводятся в новых постсоветских дискурсах. При отборе материала для антологии «Ленин: pro et contra» [3] составители пошли путём прагматически оправданных ограничений, суть которых можно свести к четырём: 1) концентрация исключительно на теме Революции (ушли темы «Ленин и Маркс», «Ленин и Сталин», «Философское наследие Ленина»); 2) минимум советского, которое однообразно и в достаточной мере известно; 3) не очень много эмиграции, которая интересна и содержательна, но в ключевых текстах вся опубликована; 4) акцент в постреволюционной рефлексии на консервативной традиции, которая сознательно замалчивается как социалистическим, так и либеральным дискурсами.

В первый раздел, «Мифологическая лениниана: легенды и реальность», включены тексты таких авторов, как Н.В. Валентинов-Вольский и Г.А. Соломон. Во второй раздел, «Ленин и революция: позиции соратников и оппонентов», — фрагменты работ Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Г.В. Плеханова, П.Б. Аскельрода, Ю.О. Мартова, А.Н. Потресова, П.Б. Струве, Ф.А. Степуна. В третий раздел, «Постфеноменология ленинизма»: консервативная реакция в современной России», — фрагменты работ И.А. Солженицина, И.Р. Шафаревича, В.А. Солоухина, В.В. Кожинова. Общая картина дана в концептуальном предисловии «Споры о Ленине: историческая динамика и современные идейные коллизии».

Для уяснения духовного смысла Революции особое значение приобретает личность патриарха (с 1943 г., до того —

местоблюстителя) Сергия (Страгородского). Русская революция, в результате которой на месте православной империи возникло первое в истории человечества могущественное атеистическое государство, была религиозной по своим глубинным корням.

Антология «Патриарх Сергий: pro et contra» [4] представляет собой собрание текстов, посвящённых одному из самых ярких и непререкаемых церковных деятелей, от имени которого пошло понятие «сергианство». «Сергианская» модель церковно-государственных отношений с рядом корректировок просуществовала в СССР вплоть до его развала. Корректно ли связывать «сергианство» с исключительно самим Сергием? Можно ли утверждать, что это явление стало результатом революции? Был ли Сергий — как церковный политик советского времени — человеком, «рождённым революцией»? Антология поможет читателю самостоятельно найти ответы на эти вопросы.

Публикуемые материалы разбиты на четыре раздела. В первом рассматривается богословское наследие патриарха Сергия, автора труда «Православное учение о спасении». Здесь помещены не только принципиальные выводы самого Сергия,

но также и отзывы русских богословов, в том числе профессора Н. Заозёрского и протоиерея Георгия Флоровского. Публикуются тексты Сергия, связанные с вопросом о церковной реформе: его выступления на Религиозно-Философских собраниях 1901–1903 гг., статьи о свободе совести 1905 г. и официальный отзыв 1906 г., посланный обер-прокурору Св. Синода. Включены материалы, опубликованные Сергием на заре XX в. в связи с «отлучением» от Церкви Л.Н. Толстого.

Второй раздел представляет собой комплекс воспоминаний знавших Сергия лиц: это и архиереи, и священники, и миряне: Г.П. Георгиевский, Архиепископ Варфоломей (Городцев), Архиепископ Фотий (Тапиро), Е.И. Петровский, Архимандрит Нафанаил (Смердынский), Епископ Александр (Толстопятов), Архимандрит Иоанн (Разумов), Протоиерей А.П. Смирнов, Епископ Димитрий (Градусов).

Третий раздел посвящён работам исследователей и публицистов — как современников Сергия, так и писавших о нём в 1950–2000-е гг. Среди них апологетические работы (например, священника Ф.О. Дунина и иеромонаха Никона/Белавенеца/), и резко критические (в частности, диакона В. Степанова-Русака). В этом же разделе публикуются отрывки из работ А.Э. Краснова-Левитина, митрополитов Евлогия (Георгиевского), Мануила (Лемешевского), Иоанна (Снычева), протоиереев Владислава Цыпина и Георгия Митрофанова, священника Александра Мазырина, политика П.Н. Милюкова, исследователей Д.В. Поспеловского, В.А. Алексеева, И.А. Курляндского и некоторых других.

В четвёртом разделе речь идёт о «Декларации митрополита Сергия». Опубликованная им в 1927 г. «Декларация» утверждала полную политическую лояльность Церкви социалистической родине, беды и несчастья которой признавались бедами и несчастьями Церкви. Открывается раздел текстом «Декларации» и откликами на неё церковных деятелей, не согласных с примиренческим курсом Сергия. Среди тех, кто рассуждал о «Декларации», были люди, придерживавшие-

ся порой противоположных политических убеждений, церковные деятели, философы, публицисты, историки. В антологии опубликованы тексты Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, митрополита Елевферия (Богоявленского), протопресвитера Михаила Польского, митрополита Кирилла (Смирнова), современных аналитиков А.И. Кырлежева, игумена Иннокентия (Павлова), писателя Ф. Светова и некоторых других. Представленные в антологии тексты помогут заинтересованному читателю лучше разобраться в том, почему революция 1917 г. стала для Русской православной церкви прологом тех трагедий, которые выпали на долю её духовенства и верующих в XX в., и насколько справедливо связывать случившееся с именем её выдающегося иерарха Сергия (Страгородского).

Самым прямым и непосредственным дополнением реконструкции образов ключевых фигур Революции является антология «Революция: pro et contra» [5]. Перед нами то самое «общее», которого, казалось бы, недостает в составе результатов исследования. Литературу, ставшую основой книги, составляет социально-философская публицистика эмиграции первой и второй волны, наиболее интересная по содержанию и наименее известная отечественному читателю.

На сайте проекта «Революция 1917 г.: pro et contra» http://revolution.rhga.ru/ представлены все разделы исследова-

ний: информация о проекте, его задачах и способах решения.

Каждую из антологий, посвящённую ключевой фигуре Революции, можно рассматривать как персонологически сфокусированный разрез культурной памяти, взятой в разнообразии её ареалов (советского, эмигрантского и др.) и в исторической динамике. Общая панорама и персонально-сфокусированные рефлексии дополняют друг друга, формируя во многом новый взгляд на события Революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Ф. Керенский: pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Николаев. СПб.: РХГА. 2016.
2. Л.Д. Троцкий: pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А.В. Резник. СПб.: РХГА, 2016.
3. В.И. Ленин: pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. В.А. Гуторов. СПб.: РХГА, 2017.
4. Патриарх Сергий (Страгородский): pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. С.Л. Фирсов. СПб.: РХГА, 2017.
5. Революция: pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Ермичев. СПб.: РХГА, 2017.

М.М. КАЗАНСКИЙ, А.В. МАСТЫКОВА*

Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. Н.А. Макарова. М.: Ин-т археологии РАН; Индрик, 2016. — 500 с.: ил.**

Византийская археология всегда представляла особый интерес для российской науки, о чём, например, свидетельствует деятельность Русского археологического института в Константинополе на территории Палестины до Первой мировой войны. Впоследствии полевая работа русских специалистов на территории бывшей Византийской империи — в силу объективных причин — ограничивалась в основном Северным Причерноморьем. И лишь сравнительно недавно, после более чем векового перерыва, отечественные археологи смогли возобновить раскопки на Святой Земле. Этим работам и посвящена монография, подготовленная под руководством Л.А. Беляева, известного специалиста в области христианской археологии. В ней представлены результаты археологических исследований, проведённых Институтом археологии РАН в сотрудничестве с органами охраны памятников Палестины в 2010–2013 гг. на участке, принадлежащем Российской Федерации в городе Иерихон (Музейно-Парковый комплекс).

Помимо раскопок, экспедиция вела реставрацию находок и мозаик, готовила музейные экспозиции, проводила исследования историко-архивного и культурно-исторического характера. Они, в частности, были посвящены месту Иерихона в русском историческом и религиозном сознании, а также первым археологическим работам XIX–XX вв. в «русских владениях». В книгу включены и очерки общей исторической топографии и археологии Иерихонского оазиса в византийский период. В написании монографии участвовали ведущие российские историки и археологи, а также известный палестинский специалист доктор Хамдан Таха. Ему принадлежит обзор материалов по византийскому Иерихону.

Первая глава издания посвящена истории изучения памятников христиан-

* **Казанский Михаил Михайлович** — Docteur habilite, главный научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции, Лаборатория «Восток и Средиземноморье» (UMR 6187) (Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique).
E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Мастыкова Анна Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.
E-mail: amastykova@mail.ru

** Проект 16-04-16176д.

ского периода в археологической агломерации Иерихонского оазиса. Интерес к ним долгое время был связан, в первую очередь, с паломническими традициями. Вследствие этого карта византийского Иерихона — это пространство скорее гипотез, чем фактов. Археологические объекты — остатки монастырей, храмов и «церковных ферм», раскопанные участки уличной застройки, случайные находки византийского времени — разбросаны здесь на огромном пространстве. Фрагменты архитектурных сооружений, особенно мозаичные полы, привлекали внимание исследователей уже в XIX в. В византийский период топографическая структура агломерации, видимо, не имела ни городских укреплений, ни выраженного центра. Выяснение планировки поселения зависит от идентификации церковных объектов, которая пока остаётся условной: недавняя попытка М. Дженнингса определить центр города представляет собой интересную гипотезу, основанную на анализе только раскопанных секторов памятника.

Первые исследования на участках, купленных русским учёным-ориенталистом, архимандритом Антонином (Капустиным) на границах тогдашнего селения Эр-Риха, начались в 1880-х гг. Были найдены мозаики и архитектурные фрагменты, сведения о которых опубликовали отечественные учёные-византинисты Н.П. Кондаков и его ученик Я.И. Смирнов. Упоминал о них и выдающийся русский учёный М.И. Ростовцев. Одну из мозаичных надписей изучил французский знаток древностей Святой Земли Ф.-М. Абель. Особое внимание византийскому раннемусульманскому Иерихону уделил английский исследователь Дм. Барамки. В послевоенный период его описывали монахи-францисканцы, а в наше время им уделяют особое внимание палестинские учёные.

Но тотально рассмотреть небольшой фрагмент византийского Иерихона впервые позволили публикуемые в рецензируемой книге результаты раскопок в Музейно-парковом комплексе РФ. На площади около 1 га раскопаны пять больших участков. Вероятно, их застройка отражает единую систему — все кладки имеют схожую ориентировку, близкую сторонам света. Часть участка занимал благоустроенный комплекс, процветавший в V/VI–VII вв. Его стены были сложены из тёсаного камня и сырца, а фундаменты — из валунов. Встречены колонны, капители, базы. Полы помещений украшала мозаика, в том числе цветная. С северо-востока проходила стена, отделявшая изученный комплекс от улицы, а вдоль неё шёл подземный акведук. Другая стена, на юге, отделяла производственную зону, где производилась керамика и, возможно, проходила обработка сельскохозяйственных продуктов. Здесь открыты керамические горны и несколько сооружений, функции которых не ясны.

Все раскопы дали массовый материал, типичный для Палестины ранневизантийского времени и начала омейядской эпохи. Более ранние периоды, вплоть до эллинизма, представлены только нумизматическими находками, составляющими более 30% от общего числа в 265 определяемых монет. Найдены единичные монеты Селевкидов (II в. до н.э.), Хасмонеев (I в. до н.э.) и Иудеи начала н.э. (16 экз.). Римские монеты II – конца V в. гораздо многочисленнее (66 экз.). Византийские монеты начала VI в. – начала VII в. представляют собой 38% от общего числа нумизматических находок (102 экз., из них примерно половина — в составе клада). 54 монеты клада — прекрасный набор фоллисов времени от Анастасия I до Маврикия Тиберия (младшая монета — 593/594 г.). Монет раннеомейядской эпохи (середина VII – середина VIII в.) гораздо меньше — 12%; столько же найдено и монет XIV в. (о монетах см.: М.Г. Абрамзон и др., *экскурс 1*). К VI–VII вв. относятся и две бронзовые весовые гирьки для монет: одна — на три золотых номизмы (13,2 г, монограмма «IB» и надчеканка «Г»);

другая (с буквой N, 4,55 г) — на одну номизму (ср. напр.: [5, Pl. 29, *470, 471*]).

Среди керамики (см.: Л.А. Голофаст, *экскурс 7*) преобладают кухонные и тарные сосуды, в том числе хорошо знакомые специалистам по византийской археологии амфоры типов Газа (Riley-LR 4), Riley-LR 1, Riley-3703, южнопалестинские Riley-1B718 и др., а также краснолаковые сосуды, в частности так называемые фокейские, кипрские и африканские. Хорошо представлена более поздняя глазурованная керамика. Парадной посуды из камня мало, но среди целых предметов имеется характерный римский мортарий из чёрного полированного базальта. Фрагменты стеклянных сосудов также хорошо представлены в материалах Иосафовского участка (см.: Л.А. Голофаст, *экскурс 7*). Среди прочих много сосудов — «рюмок» на ножке, типичных для ближневосточных ранневизантийских памятников (см. напр.: [1, Pl. 27–30]).

Что касается индивидуальных находок, то следует отметить большое число каменных приспособлений для растирания растений и размалывания зерна: простые ручные и сложные (с приводом для осла) мельницы; ступки, от грубых и крупных (более полуметра высоты) до чаш с треугольными ручками и на подставках (из мрамора и твёрдых пород известняка), а также песты для растирания (круглый и Г-образный).

Архитектурных деталей найдено свыше пятидесяти, все во вторичном использовании. Больше всего частей колоннад: барабаны и стволы трёх базовых диаметров (0,90/1,00 – 0,60 – 0,30/0,37 м); капители разных типов и размеров (три примитивных ионических; фрагмент коринфской и др.); базы (классические; упрощённые классические; примитивные под обмазку); фрагменты порталов (карниз с мелкими овами и простейшая база плоской пилястры) (см.: Л.А. Беляев, *экскурс 2*).

Жители исследованного участка были христианами и говорили на греческом языке. Об этом свидетельствуют находки и 1880–1890-х, и 2010–2013 гг.: часть порфировой чаши и капитель с вытесанными крестами; кресты и крестики из бронзы, в том числе широко распространённого типа с расширенными ветвями и циркульным орнаментом; две бронзовые лампы и три подставки-канделябра для них; кадильницы (в том числе с крестиками на цепях) (о металлических изделиях см.: Л.А. Беляев, *экскурс 3*). К числу массовых для ранневизантийских памятников металлических изделий относятся ложечки (см. напр.: [5, Pl. 41, *619–634*; 2, Pl. 20, *230–235*]), пряжки с расширенной и заострённой в передней части рамкой (см. напр.: [5, Pl. 44, *710*; 4, Taf. 12, *9*; 2, Fig. 1, *10, 11*; 3, Pl. 1/35, VI/38]), пряжки, состоящие из двух рамок, округлой и прямоугольной (ср. напр.: [3, Pl. VI/29]).

Среди индивидуальных находок следует упомянуть бронзовые кадильницу на трёх ножках и лампу с ручкой в виде растительных побегов, предварительно датированную VI–VII вв. (с. 291). Глиняные «конфессиональные» светильники встречены только в христианском варианте, с крестами и молитвенными надписями. Греческие буквы использованы для граффито по сырому тесту на глиняной миске. Христианские символы также включены в дорогую цветную мозаику высокого технического качества (о ней см.: гл. III, написанную Л.А. Беляевым). В растительный орнамент и фон помещены кресты, а виноградная лоза с гроздьями — устойчивый евхаристический символ.

Использование колонн и цветных мозаик в Палестине византийского периода указывает на общественный и/или религиозный характер исследованного комплекса. Интерпретировать участок как окраину или, наоборот, центр города пока рано. Застройка участка реконструируется как сплошная периметральная, с помещениями вокруг внутреннего двора и эксцентрично расположенной церковью. Общий размер комплекса оценивается в 5000–6000 кв. м, т.е. как средний

для ранневизантийской Палестины. Это большой и комфортабельный аграрно-церковный комплекс с элементами архитектурного оформления, составлявший часть цветущего города византийской эпохи IV–V вв. (монастырская усадьба со страннопримным домом).

Особый интерес представляет многослойная южная производственная зона с её керамическими горнами, слоями отходов, инсталляциями типа больших отстойников или силосных ям. Она сохраняла значение и развивалась и в раннеомейядский период, когда здесь обильно «выпадают» монеты.

Итак, монография даёт полное представление о работе российских археологов в Иерихоне. Можно утверждать, что перспективы работ на русских участках в Иерихоне, с точки зрения истории византийского и омейядского периодов, чрезвычайно широки, что предполагает продолжение начатых здесь работ.

Необходимо отметить отличное качество издания, включающего большое количество превосходных иллюстраций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth: Institut français d'archéologie du Proche-Orient, 1998.
2. Kazanski M. Qal'at Sem'an. IV: Rapport final, 3: Les objets métalliques (Bibliothèque archéologique et historique). Beyrout: Institut français du Proche-Orient, 2003.
3. Lightfoot C.S. VI. Belt Buckles from Amorium and in the Afyon Archaeological Museum // Lightfoot C.S. (ed.), Amorium Reports II. Research Papers and Technical Reports. Oxford: BAR, 2003. Pp. 81–103.
4. Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1992.
5. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis: the Finds through 1974. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1983.

Ю.Е. ПРОХОРОВ*

Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — 872 с.**

В современной отечественной социолингвистике представлены многочисленные работы, созданные учёными из разных регионов страны и посвящённые проблемам, связанным с функционированием языков России, их фактическому использованию, со-функционированию с русским языком, вопросам развития и сохранения языков и другим проблемам. Однако при всём достоинстве этих работ они освещают, как правило, проблемы отдельных языков и регионов и зачастую с трудом поддаются обобщению, поскольку при описании обычно применяются разные подходы и понятийные аппараты. Невозможность чёткого сопоставления различных параметров описания неизбежно приводит к тому, что общая картина размыта и оценка языковой жизни страны затруднена.

Среди наиболее значимых работ, предшествовавших изданию Энциклопедии, следует выделить «Словарь социолингвистических терминов» (2006), где впервые в систематизированном виде был представлен понятийный аппарат науки.

Таким образом, назрела необходимость создания единого труда, отражающего всю совокупность проблем социолингвистики — их динамику, современное состояние и перспективы, т.е. труда сводного, в котором с единых позиций освещаются основные социолингвистические проблемы страны, а также теория, методы, понятийный аппарат науки.

Рецензируемая книга создана авторским коллективом, основу которого составили сотрудники Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношения (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН; среди авторов — учёные из различных регионов Российской Федерации.

Труд является итогом многолетних исследований. Ему предшествовал ряд изданий, включавших и теоретические положения современной отечественной социолингвистики, и научный анализ реалий актуального состояния взаимосвязи языка и общества во мно-

* **Прохоров Юрий Евгеньевич** — доктор педагогических наук, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: Yury.prokh@yandex.ru

** Проект 15-04-16520д.

гом в новых условиях их взаимососуществования.

Основная задача, стоявшая перед авторским коллективом, была сформулирована следующим образом: дать общую картину функционирования языков коренных народов России, показать процессы динамики их социальных функций, осветить на этом фоне теоретические проблемы социолингвистики, понятийный аппарат, методы и приёмы исследований.

Уровень развития той или иной отрасли науки определяется состоянием её основ — теории, понятийного аппарата и методов. Применительно к социолингвистике это означает, что пополняя её конкретными социолингвистическими исследованиями, необходимо обращать внимание и на создание теории социолингвистики, разработку её методов и систематизацию понятийного аппарата. Без разработки фундаментальных проблем социолингвистические исследования надолго останутся фрагментарными, непригодными для широких обобщений и теоретических выводов.

В рецензируемой книге представлены статьи теоретического плана, посвящённые различным социолингвистическим проблемам, в которых рассматриваются такие вопросы, как социальная дифференциация языка, коммуникативные сферы, дву- и многоязычие, язык и политика, язык и культура, языковое законодательство — т.е. юридические основы языковой жизни. Значительное место в труде отводится описанию разных методов и приёмов социальной лингвистики, совокупность которых даёт представление об уровне социолингвистических исследований.

В энциклопедических словарных статьях проанализированы способы организации социума как объекта исследования социолингвистики, его деление на языковые общности как на один из основных предметов социолингвистики, лежащий в основе научного понимания концепта «социолингвистический портрет языка» и концепта «языковая ситуация». Так, научное понимание сложного концепта «языковая ситуации» включает ряд компонентов: языковая общность + языковая традиция + языковая компетенция и речевая практика (синхронная) + ценностные ориентации + юридический статус языка + функциональный статус языка (уровень развития его функциональных стилей). Вычленяются объективные факторы языковой ситуации (языковая общность и основные её параметры, языковые традиции, речевая практика, языковая компетенция) и субъективные факторы (ценностные ориентации), юридический статус языка.

Второе направление связано с рассмотрением понятийного аппарата науки: даётся краткое описание, трактовка терминов социолингвистики, составляющих основу её понятийного аппарата.

Социолингвистика — наука, объект которой постоянно подвергается изменениям, что находит отражение в динамике её терминологической системы: постоянно появляются новые термины, совершенствуется понятийный аппарат. Подвижность предмета социолингвистики требует постоянного обновления и переосмысления социолингвистических терминов. Описание, разработка и систематизация понятийного аппарата науки дают возможность не только ориентироваться в социолингвистической проблематике, но и видеть структуру данной отрасли знания, понимать взаимосвязи различных аспектов изучаемой области.

Третье направление — описание социальных функций языков коренных народов России. Статьи, входящие в данную группу, представляют основные социолингвистические параметры языков нашей страны на современном этапе. Более 90 идиом (письменных и бесписьменных языков, языков много-, средне- и малочисленных народов) описаны по единой формализованной схеме, что позволяет не только оценить уровень функционирования языка в целом, выделить функ-

циональные доминанты, их соотношения с той или иной языковой общностью, сферой общения, но и провести сравнительный анализ использования разных языков в коммуникативных сферах, сопоставить фактический (функциональный) статус этих языков. Единая карта описания позволяет также объективно судить о динамике процессов в этой сфере за последние два десятилетия.

С данной группой статей соотносятся статьи, характеризующие русский язык с социолингвистической точки зрения: освещены проблемы «Русский язык в современном мире: социальные функции», «Русский язык как государственный язык России», «Русский язык за рубежом», «Русский язык в отдельных регионах РФ». Кроме того, сведения о функционировании русского языка содержатся во всех статьях, посвящённых языковым ситуациям.

В «Энциклопедии» впервые дано выработанное коллективом единообразное, сводимое описание языковых ситуаций в 22 республиках и других регионах Российской Федерации. При этом в соответствии с теоретическими разработками рассмотрение конкретных языковых ситуаций включает две стороны: языковые общности, их классификация, с одной стороны, и социально-коммуникативная система как функционально-языковая сторона, накладываемая на социум, — с другой. В статьях вначале даётся социолингвистическое описание социума — языковой общности (компактные, дисперсные, многочисленные, среднечисленные, малочисленные, традиционные, временные, смешанные), а далее следует описание социально-коммуникативной системы, её компонентов (измерение их демографической и функциональной мощности, динамика их развития, функциональная дополнительность как форма отношений между ними, функционирование с русским языком как средством единения всего многонационального государства). Унифицированные многомерные описания дают возможность объективного сопоставления языковых ситуаций, сложившихся к настоящему времени в различных республиках и регионах России. Такой анализ важен для практической деятельности законодателей, руководящих органов.

Два направления — фактологические статьи (социолингвистические портреты языков и языковые ситуации), с одной стороны, предоставляют конкретный материал для теоретических обобщений, а с другой — методы и приёмы, использованные при их написании, являются результатом теоретического осмысления процессов языковой жизни.

Достоинством книги является то, что социолингвистические описания языков России и языковых ситуаций, сложившихся в разных регионах страны, выполнены по единой схеме, обеспечивающей сводимость материала. Весомым результатом исследования функционального аспекта всех языков РФ и различных языковых ситуаций можно считать создание общего представления о языковой жизни страны, тенденциях развития, проблемах и перспективах использования языков.

Этот уровень систематизации знаний позволяет наметить и некоторые возможные пути его совершенствования.

Авторы принципиально отказались от персоналий, так как существуют специальные энциклопедии, посвящённые видным отечественным и зарубежным социолингвистам, хотя жанр «Энциклопедии», как нам думается, предполагает включение и информации о наиболее крупных персонах в рассматриваемой научной сфере, тем более что за ними стоят направления и научные школы.

Было бы желательно наличие более пространной библиографии у целого ряда словарных статей.

Учитывая быстро и кардинально меняющиеся социокультурные взаимосвязи, в энциклопедии можно было бы рассмотреть такую пусть и не до конца сформировавшуюся, но уже актуальную тенденцию, как изменение понимания ряда базо-

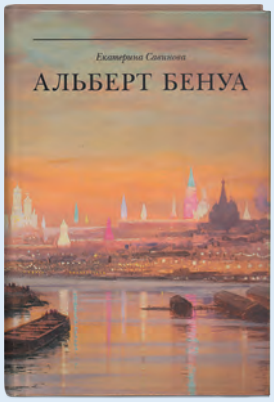
вых для социолингвистики терминов, например, активное обсуждение совокупности таких понятий, как «родной язык — неродной язык — иностранный язык — домашний язык — второй (!) домашний язык — приобретённый язык — язык существования — язык сосуществования».

Было бы желательно видеть в издании перекрёстные отсылки между статьями: это позволило бы читателю понять взаимосвязь явлений и понятий.

Учитывая широкое понимание социолингвистики как междисциплинарной науки, теоретическую и практическую важность исследуемых проблем, коллективный труд «Язык и общество» можно считать важным этапом в развитии социальной лингвистики. Заявленная авторским коллективом цель в целом достигнута. Энциклопедия даёт систематизированный свод знаний об основных закономерностях функционирования языка в обществе, об уровне теоретических исследований, о структуре и полноте понятийного аппарата. Энциклопедия является существенным шагом, подводящим к созданию единой картины языковой жизни, к преодолению фрагментарности научных исследований в данной области, к построению единой теории социальной лингвистики.

Создатели энциклопедии выполнили ту миссию, о которой говорил ещё Д. Дидро: «На самом деле, цель энциклопедии — собрать знания, рассеянные по свету, привести их в систему, понятную для людей ныне живущих, и передать тем, кто придёт после нас, с тем чтобы труд предшествующих веков не стал бесполезным для веков последующих, и чтобы наши потомки, обогащённые знаниями, стали добрее и счастливее, и чтобы мы не канули в вечность, не сумев послужить грядущим поколениям».

Данная книга окажется полезной для многих социолингвистов: исследователей, аспирантов, студентов, работников государственных органов, а также для широкой общественности, которая интересуется языковой жизнью нашей страны.



В.Т. БОГДАН*

Савинова Е.А. Альберт Бенуа великий представитель художественной династии. М.: БуксМарт, 2016. — 365 с.: ил.**

Монография Е.А. Савиновой посвящена творчеству Альберта Николаевича Бенуа (1852–1936), одной из основных фигур в русской акварельной живописи второй половины XIX – начала XX в. Выходец из прославленной семьи, давшей большое число деятелей культуры, воспитанник архитектурного факультета петербургской Академии художеств, Альберт Бенуа ещё будучи студентом параллельно обучался искусству акварели у Виллие де лиль Адана и Луиджи Премацци.

Альберт Бенуа был очень известен при жизни и предан забвению после смерти. Годы революции сменила эмиграция, затем — советские времена, когда «безыдейное, буржуазное», асоциальное искусство не принималось. Художники, принадлежавшие к академическому направлению, многие десятилетия находилось в тени, на периферии российского искусствознания. Сыграло роль и то, что все свои живописные произведения художник создавал в технике акварели, а это также многие годы считалось техникой второстепенной по отношению к масляной живописи и мало привлекало исследователей.

Творчество Альберта Бенуа, рассматриваемое в рецензируемой книге, охватывает значительный — более 50 лет — период: с 1870-х до 1930-х гг. До недавнего времени целый пласт искусства второй половины XIX в. находился на периферии искусствоведческой науки, изучалось лишь творчество художников-передвижников. Лишь в настоящее время подобный перекос был устранён благодаря фундаментальным исследованиям Ю.И. Волгиной, Е.С. Гордон, Т.Л. Карповой, Е.В. Нестеровой, М.В. Посохиной и др.

Книга Е.А. Савиновой является первой монографией, посвящённой наследию выдающегося русского художника. В ней прослеживается весь творческий путь Альберта Бенуа: от обучения в Академии художеств до последних лет жизни в эмиграции. Несмотря на большую популярность А.Н. Бенуа до революции, публикации о нём практически отсутствуют. Автор собирала материалы в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, а также в рукописных фон-

* **Богдан Вероника Траяновна** — кандидат искусствоведения, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского музея академии художеств, заслуженный работник культуры.
E-mail: veronica_bogdan@mail.ru

** Проект 16-04-16143д.

дах музеев и библиотек. Многие документы и рукописи представили потомки А.Н. Бенуа.

Достоинство данного исследования — в полноте собранного материала, включающего большое число произведений из фондов практически всех художественных музеев Москвы, Петербурга и десятков других городов России, а также Украины и Белоруссии. Значительный объём материала, в том числе уникального эпистолярного наследия, который ранее не публиковался и не был изучен. Всё это потребовало проведения комплексного исследования творчества художника, что дало возможность выявить новые закономерности и особенности развития русского искусства данного периода.

Методология исследования также носит комплексный характер и направлена на раскрытие биобиблиографических, историко-художественных, типологических, сравнительно-исторических, социально-исторических и стилистических контекстов. Это позволило автору выявить масштаб личности и значимость творческого наследия художника, убедительно вписывая его в контекст русской художественной жизни второй половины XIX – начала XX в., понять и исследовать стилевую эволюцию творчества и установить этапы творческого развития художника.

В монографии впервые представлено многогранное творчество художника и его произведения в разных жанрах, деятельность в области архитектуры и прикладной графики. Рассмотрены педагогическая работа Альб. Бенуа в Академии художеств, его роль в организации акварельного класса на архитектурном факультете; общественная деятельность художника и материалы, связанные с периодом эмиграции (документы РГАЛИ, ГАРФ, архива Дома русского зарубежья). В книге представлен список всех выставок, в которых принимал участие Альб. Бенуа, создан обширный каталог произведений художника, включающий более 500 произведений, выявленных в музеях России, Украины и Беларуси.

В книге опубликовано обширное эпистолярное наследие, многие письма переведены с французского языка. Ряд писем художника проиллюстрирован великолепными акварелями.

Собрав большое число документального материала и впервые воссоздав творческую биографию художника, автор большое внимание уделяет анализу стилистики его творчества, проводит сравнительный анализ произведений Альб. Бенуа с произведениями соотечественников данного периода — А.К. Саврасова, А.И. Куинджи, Ф. Лагорио, Ю.Ю. Клевера, И.Е. Крачковского и др., а также с работами западноевропейских мастеров. Отдельная глава посвящена романтизму в пейзажной живописи Альб. Бенуа. Здесь автор анализирует особенности русского романтизма, ищет его истоки и проводит параллели с работами западноевропейских романтиков — Каспара Давида Фридриха и Уильяма Тернера.

Основным выводом, к которому приходит Е.А. Савинова в результате исследования, является то, что главным творческим методом художника была эклектика, а излюбленный жанром — пейзаж. И в пейзажах Альб. Бенуа, созданных в технике акварели, автор прослеживает черты, свойственные живописным полотнам второй половины XIX в.

В книге впервые представлены произведения прикладной графики художника. Этому посвящена отдельная глава, богато проиллюстрированная проектами меню, юбилейными адресами и экслибрисами. Выявленные произведения эклектичны и созданы преимущественно в русском стиле.

Комплексное исследование творческого пути Альб. Бенуа позволяет сделать ещё один важный вывод: он был не только яркой творческой личностью, добившейся больших успехов в области акварельной живописи, но и заметной фигурой в общественной жизни России (1880–1917),

одним из ведущих художников-акварелистов, внёсших заметный вклад в развитие акварельной живописи в России, одним из основателей Общества русских акварелистов, инициатором создания класса акварели на архитектурном факультете Академии художеств, а также заведующим Художественным отделом на Всесоюзной художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.

Актуальность данного исследования состоит в том, что впервые творчество Альб. Бенуа рассмотрено комплексно, что позволяет более полно ввести его в контекст русского искусства и рассмотреть его творчество, сопоставляя с акварельной живописью русских художников данного периода. Систематизация и анализ собранных материалов позволяют вернуть из забвения и ввести в научный оборот ещё одно незаслуженно забытое имя.

Большинство работ художника, включённых в монографию, публикуются впервые и дают возможность представить его творчество во всей полноте.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2017 г.

НАВСТРЕЧУ 25-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ РФФИ

Панченко В.Я. Во имя Науки. — № 1. — С. 9–12.

РФФИ — 25 ЛЕТ

Панченко В.Я. Быть первопроходцем. — № 2. — С. 9–12.

Панченко В.Я. Научная дипломатия: вклад РФФИ. — № 3. — С. 9–14.

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кондрашин В.В. Революция 1917 г. как момент истины: итоги целевого конкурса. — № 3. — С. 15–25.

Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В., Бочкарёва И.Б., Дикова Н.В., Тарасова Е.В. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 года. — № 3. — С. 26–43.

Петров Ю.А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. — № 2. — С. 13–24.

Полонский В.В., Введенская В.М., Глухова Е.В., Козьменко М.В. Русская революция 1917 года в литературных источниках. — № 4. — С. 9–24.

Суржикова Н.В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах. — № 4. — С. 25–34.

Юрчёнков В.А., Куршева Г.А., Чернов А.В. Крестьянство России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: особенности современной историографической ситуации. — № 2. — С. 25–37.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

Исторические науки

Алексеев С.В. Историко-генеалогическая традиция в сербских средневековых источниках. — № 1. — С. 13–21.

Артёмов Е.Т., Мельникова Н.В. Атомный проект СССР: стратегия и практика реализации. — № 2. — С. 38–48.

Васеха М.В. «Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири). — № 2. — С. 57–67.

Васильев А.Д. Судьба русского офицера-востоковеда в годину войн и революций: Б.Н. Литвинов и его научное, мемуарное и художественное наследие. — № 3. — С. 59–69.

Горизонтов Л.Е. Польские мемуарные свидетельства 1920-х – 1930-х годов о Российской империи: обстоятельства создания и информационная ценность. — № 1. — С. 32–43.

Коваль В.Ю., Панова Т.Д., Кренке Н.А., Дубровин Г.Е., Алешинская А.С., Карпухин А.А. Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований. — № 4. — С. 35–48.

Копелев Д.Н. Имперская геополитика 1720-х годов: секретная экспедиция Петра Великого на Мадагаскар. — № 3. — С. 44–58.

Писарькова Л.Ф. Коррупция в государственном управлении России XVII–XIX вв.: условия, эволюция, противодействие. — № 2. — С. 49–56.

Селезнев Ф.А. Вопрос о сепаратном мире с Германией в контексте борьбы российских элит (1914–1918 годы). — № 1. — С. 22–31.

Фурсова Е.Ф. Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика и направления развития традиционной культуры в первой трети XX века. — № 4. — С. 49–58.

Экономика

Зиядуллаев С.Н., Зиядуллаев Н.С. Евразийский экономический союз: испытание временем. — № 3. — С. 70–83.

Макарова С.Н. Развитие теории прав интеллектуальной собственности в условиях информационного общества. — № 1. — С. 56–63.

Потравный И.М., Гассий В.В. Методология проектного управления ликвидацией накопленного экологического ущерба. — № 2. — С. 68–76.

Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте глобальных процессов. — № 4. — С. 73–85.

Шевцова Т.В., Красинец Е.С. Россия в фокусе миграции из Китая. — № 1. — С. 44–55.

Шубин В.Г., Архангельская А.А. ЮАР: трудное время для стратегического партнёра России. — № 2. — С. 77–88.

Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Тенденции и перспективы социодемографической динамики стран БРИКС. — № 4. — С. 59–72.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Васильева Ю.В., Шуралева С.В. Дистанционная работа в России: проблемы правового регулирования. — № 4. — С. 96–107.

Гаман-Голутвина О.В., Гордеева О.И., Рогожина К.А., Петрова М.Г. Методы политико-компаративных исследований. — № 4. — С. 86–95.

Дмитриев И.С. Институализация европейской науки раннего Нового времени: бэконианский ракурс. — № 2. — С. 89–99.

Дмитриева Н.А., Воробьёв М.В., Миронова К.Ю. Рефлексия о человеке: философско-антропологический аспект. — № 3. — С. 94–102.

Дунаева Н.В. Реформаторский законопроект как явление правовой культуры Российской империи XIX века. — № 1. — С. 72–80.

Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России. — № 2. — С. 109–117.

Левашов В.К. Российское общество: реформы и кризисы. — № 3. — С. 103–110.

Тощенко Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат. — № 2. — С. 100–108.

Хвостова К.В. Междисциплинарный характер исторического знания. — № 1. — С. 64–71.

Юревич А.В., Юревич М.А. Форсирование библиометрических показателей продуктивности российских учёных. — № 3. — С. 84–93.

Филология. Искусствоведение

Говар Н.А. Артур Лурье: всепоглощающий дух эксперимента… — № 1. — С. 101–111.

Грачёва С.М. Основные тенденции современного академического изобразительного искусства Санкт-Петербурга. — № 2. — С. 129–142.

Гуськов С.Н. И.А. Гончаров — газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? — № 3. — С. 111–120.

Зубков К.Ю., Перникова А.С. А.Н.Островский и Награда графа А.С. Уварова для драматургов. — № 1. — С. 81–88.

Клушина Н.И., Иванова М.В. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета. — № 3. — С. 121–129.

Круглов В.М. «Ведомости» эпохи Петра I как источник по истории русского литературного языка. — № 2. — С. 118–128.

Кукушкина Е.Д. Комедии А.П. Сумарокова «Чудовищи» и «Приданое обманом»: редакции текстов. — № 4. — С. 108–117.

Лощилов И.Е. «Культурная революция» и авангард в Сибири 1920-х годов: «призрак коммунизма». — № 1. — С. 89–100.

Перфильева И.Ю. Художественные украшения второй половины XX – начала XXI века в контекстуальном ландшафте фигуры человека. — № 4. — С. 118–127.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Василенко Т.Д., Земзюлина И.Н., Селин А.В., Симоненко И.А., Шевченко А.В. Семья и психосоматическое здоровье ребёнка. — № 1. — С. 112–121.

Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Особенности коллективных чувств к значимым социальным явлениям у студентов регионального вуза. — № 4. — С. 141–148.

Сапогова Е.Е. Экзистенциальный опыт личности: возможности эмпирического анализа. — № 2. — С. 143–154.

Харламенкова Н.Е. Антропогенные и природные угрозы безопасности человека: психологический аспект. — № 4. — С. 128–140.

Хватов И.А., Соколов А.Ю., Харитонов А.Н. Филогенетические основы самоотражения высших позвоночных. — № 1. — С. 122–130.

Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Бочарова Е.Е., Вагапова А.Р., Бескова Т.В., Тарасова Л.Е., Усова Н.В. Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ. — № 3. — С. 130–140.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Вашков А.А. Археологическое изучение памятников рубежа плейстоцена–голоцена в зоне береговой абразии северной части Красноярского водохранилища. — № 1. — С. 146–155.

Батченко В.С., Горланов С.С., Клемешов А.С., Лысанов В.Л. Исследования на хоре античной Горгиппии. — № 1. — С. 138–145.

Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 годов). — № 2. — С. 155–163.

Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Современные этнополитические проекты (по материалам Уральской этноэкспедиции). — № 4. — С. 149–156.

Кадиева А.А., Демиденко С.В. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика). — № 2. — С. 164–171.

Куприянов П.С. Полевые исследования Русской этнографической экспедиции в 2014–2015 годах: краткий обзор. — № 1. — С. 131–137.

Лиджиев А.Б. Шира югуры Китая: современное состояние. — № 1. — С. 156–163.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Некоторые предварительные результаты исследований 2012–2016 годов городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири). — № 3. — С. 141–149.

Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А., Гутыра В.И. Горожане вне города: полевое этнографическое исследование новых экопоселений на территории Омской области. — № 3. — С. 150–160.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Аликина Е.В., Наугольных А.Ю. IX Международная научная конференция «Индустрия перевода» (Пермь, 5–7 июня 2017 г.). — № 4. — С. 179–182.

Барышников В.Н., Кротов П.А. XIX Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2017 г.). — № 3. — С. 166–169.

Дронов М.Ю., Рокина Г.В. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.). — № 1. — С. 164–167.

Исупов В.А., Семёнов М.А. Международный научный семинар «Исторические и современные тренды смертности и заболеваемости» (Новосибирск, 19–21 июля 2017 г.). — № 4. — С. 165–167.

Кабанова И.Э. Международная научная конференция «Русская интеллигенция и революция в литературе XX века. К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина» (Саратов, 10–12 октября 2017 г.). — № 4. — С. 168–173.

Кобзев А.И. 47 (ежегодная) Научная конференция «Общество и государство в Китае (Москва, 27–29 марта 2017 г.). — № 2. — С. 176–179.

Консон Г.Р. Международная научная конференция «Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: Параллели и взаимодействия» (Москва, 23–28 апреля 2017 г.). — № 3. — С. 175–179.

Коршунов Ю.М. Российско-германский научный коллоквиум «Столетие российской и германской революций 1917–1918 годов» (Москва, 6–7 июля 2017 г.). — № 3. — С. 161–165.

Мельникова Е.А. Восточная Европа в древности и средневековье: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2017 г.). — № 2. — С. 172–175.

Нерлер (Полян) П.М., Зуев Д.М., Видгоф Л.М. Симпозиум «Осип Мандельштам и XXI век» (Москва, 1–3 ноября 2016 г.). — № 1. — С. 173–177.

Осипова Е.П., Чернышёва М.И. Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание. К 205-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского» (Рязань, 21–23 сентября 2017 г.). — № 4. — С. 174–178.

Петров Ю.А., Журавлёв С.В., Павлов Д.Б. Международная научная конференция «Великая российская революция: сто лет изучения» (Москва, 9–10 октября 2017 г.). — № 4. — С. 157–167.

Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А., Каиль М.В. Девятая международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур» (Смоленск, 13–16 октября 2016 г.). — № 1. — С. 168–172.

Салмина Е.В., Гайдуков П.Г., Кулакова М.И., Лопатин Н.В., Подгорная Р.Г., Харлашов Б.Н. 63-е заседание регулярной Международной научной конференции «“Археология и история Пскова и Псковской земли”. Семинар имени академика В.В. Седова» (Псков, 18–20 апреля 2017 г.). — № 3. — С. 170–174.

Трубочкин Д.В. Международная конференция «Театр и театроведение в начале XXI века: поиски, проблемы, тенденции» (Москва, 15–16 ноября 2016 г.). — № 1. — С. 178–182.

Хватова С.И. II Международная научная конференция «Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире» (Майкоп, 26–30 сентября 2017 г.). — № 4. — С. 183–186.

МИР КНИГИ РФФИ

Абрамов В.П. — Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 440 с. — (Язык. Семиотика. Культура). — № 2. — С. 194–197.

Абрамов П.В. — Трубочкин Д.В. Древнегреческий театр. М.: Памятники исторической мысли, 2016. — 448 с.: ил. — № 1. — С. 198–200.

Богдан В.Т. — Савинова Е.А. Альберт Бенуа великий представитель художественной династии. М.: БуксМарт, 2016. — 365 с.: ил. — № 4. — С. 200–202.

Воронцова Г.Н. — Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1 / Отв. ред. Н.В. Корниенко; Сост. И.Э. Кабанова; Подгот. текста и коммент. И.Ю. Иванюшина, И.Э. Кабанова, Л.Ю. Коновалова, Т.А. Кукушкина, Е.А. Мазанова, Е.А. Папкова, Е.М. Трубилова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 680 с.: ил. — № 3. — С. 199–202.

Гончаров С.А. — Революция 1917 г. в книжной серии «Русский путь: pro et contra». — № 4. — С. 187–191.

Данько Л.Г. — Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915–1920 / Вступ. ст., расшифровка рукописи, исслед. коммент., подгот. к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. — 576 с.: ил. — № 1. — С. 201–205.

Ильина Т.В., Станюкович-Денисова Е.Ю. — Императорская Академия художеств в культуре Нового времени. Достижения. Образование. Личности: К 260-летию основания Академии художеств. К 70-летию Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств / Отв. ред. Е.А. Тюхменёва. М.: БуксМАрт, 2016. — 432 с.: ил. — № 2. — С. 198–201.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. — Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. Н.А. Макарова. М.: Ин-т археологии РАН; Индрик, 2016. — 500 с.: ил. — № 4. — С. 192–195.

Кондратьев С.В. — Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — 424 с. — № 3. — С. 185–188.

Кореневский С.Н. — Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Тель Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. Северо-восточной Сирии). Т. II. М.: Таус, 2016. — 584 с. — № 3. — С. 189–192.

Коршиков А.С. — Кокарев А.И., Салыков А.Ю. Русские и советские музыканты в медальерном искусстве. М.: Композитор, 2016. — 512 с.: ил. — № 2. — С. 205–207.

Кравченко С.А. — Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин; Редкол.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М.: Весь мир, 2016. — 360 с. — № 3. — С. 193–195.

Лиманская Л.Ю. — Соколов Б.М. Василий Кандинский. Эпоха Великой Духовности. Живопись. Поэзия. Театр. Личность. М.: БуксМАрт, 2016. — 536 с.: ил. — № 2. — С. 202–204.

Лисеев И.К. — Овчинников Н.Ф. Поиски понимания: избранные труды по истории и философии науки. М.: Новый хронограф, 2016. — 650 с. — № 2. — С. 187–189.

Маслов Д.В. — Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 1196 с. — № 3. — С. 180–184.

Никонова Н.Е. — И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы Вып. 4 / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2016. — 969 с.: ил. — № 3. — С. 196–198.

Прохоров Ю.Е. — Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: ИЦ «Азбуковник», 2016. — 872 с. — № 4. — С. 196–199.

Скотникова Г.В. — Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века – начала XXI века. 1917–2017: В 3 т. / Сост., вступит. ст. А.Л.Казина. СПб.: Алетейя, 2016. — Т. 1: 1917–1934. — 544 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»). — № 1. — С. 193–197.

Соколов М.Н., Базарова Э.Л. — Слюнькова И.Н. Царская, великокняжеская резиденция: Ильинское и Усово. М.: БуксМАрт, 2016 — 384 с.: ил. — № 3. — С. 203–205.

Туманова А.С. — Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., автор предисл. и коммент. К.А. Соловьёв. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 1037 с. — № 2. — С. 184–186.

Фан И.Б. — Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 286 с.: ил. — (Политология России). — № 2. — С. 190–193.

Чернецов А.В. — Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Под ред. П.Г. Гайдукова. М.: Русское слово, 2015. — 816 с.: ил. — № 1. — С. 188–192.

Шевелёв Д.Н. — Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов / Сост. и науч. ред. В.И.Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. — 748 с.; Т. 2. — 734 с. — № 1. — С. 183–187.

Шилов Д.Н. — Российское дворянство в революции 1905 года. «Беседы» губернских предводителей / Изд. подгот. И.В. Лукоянов. СПб.: Нестор-История, 2016. — 512 с. — № 2. — С. 180–183.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2017, № 4 (89)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7(499)941-01-15
E-mail: rovir@rfbr.ru
http://www.rfbr.ru

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
e-mail: info@id-empress.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страходинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 04.12.2017. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ № 220125

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3